

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: История.
Международные отношения

2023

Том 23

Выпуск 4

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS

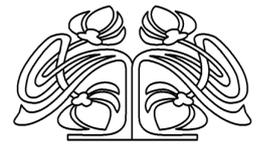
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия История. Международные отношения, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962, «Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2023 Том 23
ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)
Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Коновалов И. Н.** Кустарно-промышленная кооперация Европейского Севера, Приуралья, Поволжья к началу XX века 424
- Козлов С. С.** Вопрос об имуществе Армянской Апостольской церкви на Дону в конце XIX – начале XX века 432
- Юдин К. А.** Культурное пространство Холодной войны: образ врага в советской и американской публицистике 438
- Назаров В. В.** Деятельность В. Я. Богучарского по созданию Музея имени Л. Н. Толстого в Санкт-Петербурге 447
- Митрохин В. А.** Становление народного контроля в Советской России: социально-политическая практика 451

Всеобщая история

- Лештаев Д. В.** Средневековый Лондон в период эпидемии чумы (1348–1351): некоторые аспекты социальной жизни 459
- Многолетняя Е. Н.** Развитие чешских городов в послегуситский период как предпосылка возникновения чешского книгопечатания 469
- Кирюхин Д. В.** «Анналы Генриха VII» (1504–1505 гг., 1507–1508 гг.) Бернара Андре: история, пропаганда или мифотворчество? 473
- Дайнеко И. В.** Чарльз Джеймс Фокс и дискуссия в британском парламенте о начальном периоде Французской революции 480
- Родин Д. В.** «Новая восточная политика» Вилли Брандта и бундесвер в 1969–1974 годы 486

Международные отношения

- Хамид М. С.** «Шиитский вопрос» в ирако-иранских отношениях при Саддаме Хусейне 492
- Головченко Д. П.** Влияние внутренних процессов на формирование внешнеполитического курса Молдавии в первые годы независимости 497
- Коренев Е. С.** Основные направления взаимодействия НАТО с государствами Центральной Азии в XXI веке 505

Региональная история и краеведение

- Беляков А. В.** Золотой столбника Василия Григорьевича Фефилатьева 513
- Майорова А. С.** Изучение в XIX в. историками-регионоведами проблемы заселения Саратовского Поволжья 519
- Морозова Е. Н.** Формы благотворительной деятельности Саратовского земства: социальная защита детства (1870–1910-е годы) 528
- Тюменцев И. О.** И. Ф. Павлюков (Агапов) – забытый руководитель большевиков Царицына в Октябрьской революции 1917 года 538
- Амирханова М. М.** Население Дагестана 1930–1945 гг.: историко-демографический аспект 548
- Луночкин И. А.** Физическая культура и спорт в школах Сталинградской (Волгоградской) области в 1953–1964 годы 554

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия “История. Международные отношения”» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76642 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.5; 5.6.7). Журнал входит в международную базу данных DOAJ

Журнал выходит 4 раза в год. Подписной индекс издания 36018. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Батищева Татьяна Федоровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Батищева Татьяна Федоровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49,

52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 22.11.2023.

Подписано в свет 30.11.2023.

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 16.3 (17.5).

Тираж 100 экз. Заказ 126-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2023

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации оригинальные, ранее не публиковавшиеся научные статьи по всеобщей и отечественной истории, региональной истории и краеведению, истории международных отношений, источниковедению и историографии, а также обзорные статьи, рецензии и сообщения.

К рассмотрению принимаются статьи, написанные научными сотрудниками и преподавателями – специалистами по истории, истории международных отношений, докторами и кандидатами наук, аспирантами, соискателями.

Объем статей должен составлять 20–40 тыс. знаков с пробелами через полуторный интервал и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем рецензий и сообщений – 10–20 тыс. знаков с пробелами и до 2 рисунков. Рецензии оформляются так же, как статьи. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с правилами и тщательно отредактирована. Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: тип статьи (научная статья, обзорная статья, рецензия, краткое сообщение), индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность (с указанием структурного подразделения), e-mail, ORCID, Aurhor ID своей странички в e-library), аннотация, ключевые слова (7–10), благодарности и ссылки на гранты (если есть), текст статьи, примечания (при наличии), список литературы;

– на английском языке: тип статьи, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (имя, инициал отчества, фамилия, ORCID, Aurhor ID своей странички в e-library, место работы, почтовый адрес организации (с указанием индекса), e-mail), аннотация, ключевые слова.

Требования к аннотации:

– должна отражать краткое содержание статьи;
– оптимальный объем 300–500 знаков;
– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

Имеющиеся примечания и комментарии помещаются перед списком литературы. Каждое примечание обозначается концевой сноской и нумеруется арабской цифрой.

Список литературы составляется в пронумерованном с [1] по [последняя] ссылке порядке. Библиографические ссылки на пристатейный список литературы должны быть оформлены в порядке упоминания в тексте, с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц (листов архивного дела). Каждое архивное дело одного фонда считается отдельным источником в нумерации списка литературы. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://imo.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлекцией серии: imo_sgu@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Konovalev I. N.** Handicraft cooperation of the European North, the Urals, the Volga region by the beginning of the 20th century 424
- Kozlov S. S.** The policy of the Russian government towards the Armenians in the late 19th-early 20th centuries 432
- Yudin K. A.** The cultural space of the Cold War: The image of the enemy in Soviet and American journalism 438
- Nazarov V. V. V. Ya.** Bogucharsky's activity on the creation of the L. N. Tolstoy Museum in St. Petersburg 447
- Mitrokhin V. A.** Establishment of people's control in Soviet Russia: Social and political practice 451

World History

- Leshtaev D. V.** Medieval London during the plague (1348–1351): Some aspects of social life 459
- Mnogoletnyaya E. N.** The development of Czech cities in the post-Hussite period as a prerequisite for the emergence of Czech printing 469
- Kiryukhin D. V.** "Annales Regni Henrici Septimi" (1504–1505, 1507–1508) by Bernard André: History, Propaganda or Myth-creation? 473
- Dayneko I. V.** Charles James Fox and the debate in the British Parliament concerning the early period of the French Revolution 480
- Rodin D. V.** "New Eastern Policy" of Willy Brandt and Bundeswehr in 1969–1974 486

International Relations

- Hamid M. S.** The "Shiite issue" in Iraqi-Iranian relations under Saddam Hussein 492
- Golovchenko D. P.** The influence of internal processes on the formation of Moldova's foreign policy in the first years of independence 497
- Korenev E. S.** The main directions of NATO interaction with the states of Central Asia in the XXI century 505

Regional History and Local Studies

- Belyakov A. V.** Golden Steward Vasily Grigorievich Fefilatiev 513
- Mayorova A. S.** XIX century studies on the settlement of the Saratov Volga region 519
- Morozova E. N.** Forms of charitable activities of the Saratov Zemstvo: Social protection of childhood (1870–1910s) 528
- Tyumentsev I. O. I. F. Pavlyukov (Agapov) – the forgotten leader of Tsaritsyn's Bolsheviks in the October Revolution of 1917 538**
- Amirkhanova M. M.** Population of Dagestan in 1930–1945: Historical and demographic aspect 548
- Lunochkin I. A.** Physical education and sports in the schools of the Stalingrad (Volgograd) region in 1953–1964 554

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Дённингхаус Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел-Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Dönningkhaus (Lüneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald J. Raleigh (Chapel Hill, USA)

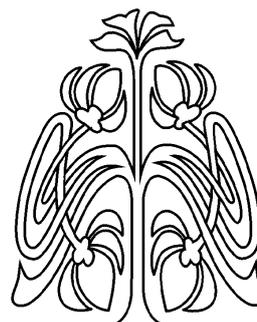
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

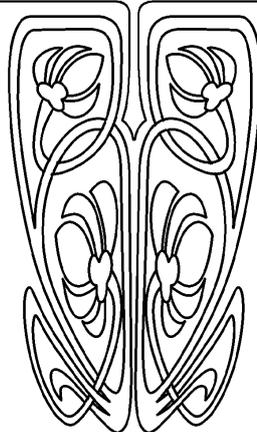
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 424–431
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 424–431
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-424-431>, EDN: GGCMCC

Научная статья
УДК 334.7(470.1/.2+470.4/.5)

Кустарно-промысловая кооперация Европейского Севера, Приуралья, Поволжья к началу XX века

И. Н. Коновалов

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Коновалов Иван Николаевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права, i.n.konovалov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7359-9160>, AuthorID: 169403

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления работы кустарно-промысловой кооперации Европейского Севера, Приуралья и Поволжья. В первую очередь исследуется деятельность промысловых артелей, связанная с переработкой сельскохозяйственных продуктов, производством сельскохозяйственных орудий, обработкой дерева, а также взаимодействие кустарно-промысловых артелей, сельскохозяйственных и кредитных кооперативов.

Ключевые слова: кустарно-промысловая кооперация, деревообделочный, веревочный, овчинный, пуховязальный, бондарный промыслы, маслодельные и смолокурные артели

Для цитирования: Коновалов И. Н. Кустарно-промысловая кооперация Европейского Севера, Приуралья, Поволжья к началу XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 424–431. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-424-431>, EDN: GGCMCC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Handicraft cooperation of the European North, the Urals, the Volga region by the beginning of the 20th century

I. N. Konovалov

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Ivan N. Konovалov, i.n.konovалov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7359-9160>, AuthorID: 169403

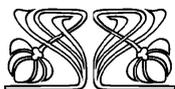
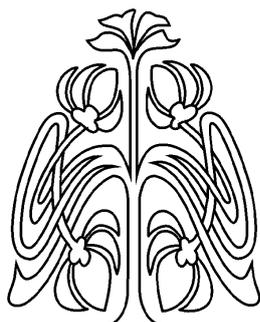
Abstract. The article discusses the main areas of work of the handicraft cooperation of the European North, the Urals and the Volga region. First of all, the activity of trade artels, which was associated with the processing of agricultural products, the production of agricultural tools, wood processing, is investigated, the interaction of handicraft artels with agricultural and credit cooperatives is studied.

Keywords: handicraft cooperation, woodworking, rope, sheepskin, down-knitting, cooperage, butter and tar artels

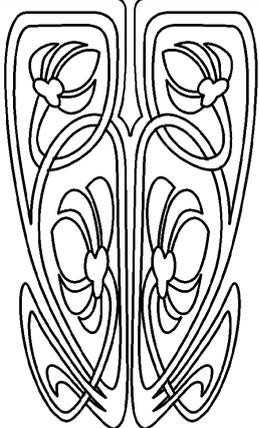
For citation: Konovалov I. N. Handicraft cooperation of the European North, the Urals, the Volga region by the beginning of the 20th century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 424–431 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-424-431>, EDN: GGCMCC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

© Коновалов И. Н., 2023

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Одной из особенностей экономики России начала XX в. было широкое развитие кустарных и промысловых артелей. К 1917 г. этот вид кооперации насчитывал около 4 млн чел. преимущественно сельского населения. Стоимость созданной ими продукции уже в 1913 г. составила 35% общей стоимости выработанной в стране промышленной продукции [1, с. 200–201]. Во всех производительных хозяйствах, перерабатывающих сырье и полуфабрикаты непосредственно в предметы потребления, кустарная промышленность давала 69% валового выпуска продукции [2, с. 67, 74].

Кустарно-промысловая кооперация представляла собой форму кооперативного движения, возникшую и развившуюся в условиях товарно-денежных отношений. Это движение мелких товаропроизводителей, которые в борьбе за свои социальные и экономические интересы создавали хозяйственные и производственные организации-кооперативы. Цель этих организаций – отстоять и улучшить экономическое положение мелкого собственника в рамках свободного конкурентного предпринимательства.

Важнейшим отличием российской кустарной кооперации от западной был ее сельский характер. Сельские товаропроизводители работали в основном на широкий рынок, нуждались в дополнительных звеньях для получения сырья и сбыта товаров и поэтому в большей степени были заинтересованы в кооперативных объединениях.

Выбор исследуемых территорий – Европейский Север, Приуралье, Поволжье – объясняется тем, что они являлись в начале XX в. крупнейшими экономическими регионами страны и представляли самые разнообразные виды кустарно-промысловой кооперации. В силу природных и климатических условий в рассматриваемых регионах главной отраслью экономики являлось сельское хозяйство. Кустарные же кооперативные предприятия опирались в своей работе

преимущественно на местное сырье, в первую очередь сельскохозяйственного происхождения.

Важным фактором для возникновения и развития кустарно-промысловой кооперации на Европейском Севере, Приуралье и Поволжье являлось богатство сырьевыми ресурсами как природного (лес, песок, глина), так и сельскохозяйственного (зерно, молоко, картофель, конопля, шерсть, кожа) происхождения.

По данным статистики, в структуре кустарной-промысловой кооперации исследуемых территорий большую роль играли промыслы, работавшие на местном сырье (70%) и имевшие внутри губернский спрос. Полностью местным сырьем обслуживались маслодельный, смоляной, деревообделочный, сухая перегонка дерева, веревочный, овчинный промыслы. Частично на привозном сырье базировались валяльный, шерстоткацкий, кузнечный промыслы и только на ввозном – пуховязальный.

Наличие лесных массивов на Европейском Севере, в Приуралье, Поволжье обусловило высокий удельный вес промыслов, связанных с обработкой дерева. В этой отрасли производства в отдельных губерниях региона было занято от 30 до 60% кустарей и ремесленников. Основными видами деревообработки были изготовление рогож, телег, спичек, бондарных изделий. Часть продукции деревообрабатывающего производства – смола, скипидар, древесный уголь, пек – являлась экспортной.

Промысловые артели во многом зависели от конъюнктуры рынка, наличия сырья и оборотных средств. Однако с развитием кооперативных организаций в деревне процесс формирования промысловых артелей ускорился. Во многом на их деятельность влияли и климатические условия региона (табл. 1).

Как видно из табл. 1, большое развитие кустарные промыслы получили в губерниях Русского Севера. Лидировали по числу кустарей Вятская, Вологодская и Олонецкая губернии. Количество дней, когда были возможны полевые

Таблица 1

Число кустарей на 1000 человек сельского населения в отдельных губерниях Европейского Севера и Поволжья к 1914 г.

Губернии	Число кустарей на 1000 человек сельского населения	Число дней, когда возможны полевые работы
Вятская	631	200
Вологодская	406	200
Олонецкая	376	200
Казанская	253	205
Петербургская	251	215
Пензенская	189	210
Саратовская	111	220

Рассчитано по: [3, с. 10].

работы в этих губерниях, не превышало 200. Для большинства губерний средний заработок кустаря составлял 7–8 руб. в месяц при рабочем дне не менее 15–16 ч в сутки.

С развитием промыслов росло и предпринимательство – посредничество в сбыте продуктов промысла и закупке необходимых предметов потребления. Кустари долгое время обогащали своими промыслами всевозможных скупщиков. Создание промысловых артелей освободило кустарей от пут посредников. Действительно, деятельность артелей на исследуемых территориях, за редким исключением, была связана с переработкой сельскохозяйственных продуктов. Так, в станице Гирьельской Орского уезда Оренбургской губернии в 1913 г. была создана «пуховая» артель, которая скупала козий пух и по дешевой цене отпускала его членам артели, организовывала сбыт пуховых платков на Оренбургском и столичном рынках. Подобные артели открывались и в других станицах. Их деятельность снизила роль посредников в этом виде промысла [4, с. 954]. Создание в 1914 г. в с. Усовском Вятской губернии кустарной мастерской по изготовлению ульев дало дополнительный доход ее членам в зимний период. Выполняя заказы артельных пасек, кустари изготовили более 300 ульев [5, с. 23].

Однако финансовая слабость сковывала промысловую кооперацию по рукам и ногам, делала ее неконкурентоспособной в соревновании с частным капиталом. Спасаясь от разорения, артели объединялись с другими видами кооперативов и их союзами. Чаще всего промысловые артели получали помощь от кредитных, сельскохозяйственных кооперативов, земских организаций. Так, состоявшееся в 1912 г. в Царицыне совещание уполномоченных кредитных кооперативов, заслушало доклад правления Александровского кредитного товарищества «Об организации сарпиночно-ткацкого производства при кредитных товариществах». В нем отмечалось, что «в неурожайные годы наименее нуждающимися являлись те селения, в которых существовали подсобные кустарные промыслы». Кредитным кооперативам рекомендовалось поддержать в районах своей деятельности кустарное производство, выделяя для него необходимые кредиты [6, с. 1424].

Помощь в сбыте готовой продукции кустарей оказывали многие кредитные товарищества и Нижегородской губернии. В июне 1913 г. в с. Бор открылось совещание представителей кредитных товариществ Семеновского уезда. Главным направлением посреднической деятельности товариществ кооператоры считали «посредничество по оптовой закупке и совместному сбыту изделий валяльно-сапожного производства» [7, с. 1626]. Кредитным кооперативам уезда рекомендовалось осуществлять посреднические операции через Нижегородский кредит-

ный союз. Участники совещания единогласно приняли решение об изменении «образцового» устава с целью выделения на посреднические операции части оборотных средств в размере основного капитала [7, с. 1627].

Примером помощи кустарно-промысловым артелям может служить деятельность Верхне-Тальзинского общества сельского хозяйства Курмышского уезда Симбирской губернии, которое занималось развитием среди крестьян «ремесленных занятий» для того, чтобы «занять зимний досуг народа и дать ему подсобный заработок» [8, с. 118–119]. Для этой цели руководство общества обратилось в Главное управление земледелия и землеустройства с просьбой командировать туда специалиста по коневодству и изготовлению изделий из конопли, а к местному кредитному товариществу – с просьбой выписать для местных столяров-кустарей железные части веялок и заказать производство этих орудий местным мастерам. В результате в селе возник кустарный промысел, а его жители приобретали необходимые в крестьянском хозяйстве веялки, цена которых была значительно ниже привозных изделий [8, с. 118–120].

В Новгородской губернии кустарные артели чаще всего образовывались с помощью земства и потребительских кооперативов. В Череповецком уезде действовали три артели: одна в районе знаменитого уломского кузнечного промысла и две артели кустарей-сапожников в Дементьевской волости. В Новгородском уезде в д. Долгово открылась артель кустарей-шаечников, а в Боровичском уезде успешно работала артель вязальщиков. Пяти перечисленным артелям земство выдало ссуды на развитие производства в сумме 5 тыс. руб. Потребительские общества уезда оказывали кустарям помощь в продаже продукции. В результате заработная плата кустарей увеличилась на 20–30% [9]. Артели мечтали об открытии своего союза. Наибольшее развитие в регионе получили артели смолокуров Важской области (Архангельская, Вологодская губернии). Они первыми создали в 1913 г. Союз смолокурных артелей [9, с. 1279].

Попытки объединения смолокуров для самостоятельного сбыта, минуя скупщиков, относятся еще к 1901 г. Первые смолокурные артели были образованы в селах Верхосуланде, Попонаволоке и Благовещенске. Период артельного сбыта начался при содействии удельного ведомства, которое выдало артелям кредиты и контролировало производство и сбыт. С его помощью артели освободились от посредничества скупщиков и сами занялись сбытом смолы (табл. 2).

По данным табл. 2 за 5 лет число кустарей, объединившихся в артели, и объемы проданной смолы увеличились почти в 18 раз. Все

Таблица 2

Сбыт смолы артелями Важской области в 1902–1906 гг.

Годы	Число членов артелей, чел.	Количество сбытой смолы, пудов
1902	90	14272
1903	126	21200
1904	176	28936
1905	990	144504
1906	1650	252168

Рассчитано по: [10, с. 919].

это количество смолы отвоевывалось у скупщиков, которые сначала растерялись, а затем перешли в наступление. Они распускали слухи о несостоятельности артелей, подкупали «браковщиков» в приемных пунктах Архангельска. «Голь, щмоль и К», – так характеризовали членов артелей торговцы. Однако качество артельной смолы не вызвало претензий со стороны как российских, так и зарубежных покупателей. Скупщики были вынуждены уступить и увеличить закупочную цену с 1 руб. 70 коп. до 3 руб. 75 коп. за бочку [11, с. 454].

Однако в 1906 г. из-за недостатка средств удельное ведомство прекратило кредитование артелей и в 1907 г. они остались без оборотных капиталов, потеряв возможность самостоятельного сбыта на зарубежных рынках. Но по сравнению с 1901 г. ситуация изменилась. Во-первых, кустари объединились в артели; во-вторых, им на помощь пришли потребительские и кредитные кооперативы. Так, Пучужско-Троицкое общество потребителей, членами которого состояли 164 кустаря-смолокура, занялось сбытом смолы. Ежегодно оно реализовывало до 6 тыс. бочек смолы на сумму до 30 тыс. руб. и около 10 тыс. пудов скипидара на сумму до 12 тыс. руб. [12, с. 21].

Среднегодовое производство смолы за первое десятилетие нового века в Важской области составило 65 143 бочки (около 520 тыс. пудов) и пека – 15 372 бочки (около 230 тыс. пудов). Общее представление о продаже продукции смолокуров за границу дают данные табл. 3.

Согласно данным табл. 3 главными потребителями смолы, пека и скипидара в Западной Европе являлись Англия и Голландия. Сотни тысяч пудов этой продукции вывозились на кораблях из Архангельска и в другие страны: Германию, Францию и Италию.

Объемы производства и экспорта продукции смолокурных артелей с образованием союза увеличились. За 1914 г. 22 артелями союза было продано за границу 12 678 пудов скипидара, 15 650 пудов серы, сдано на заводы и на комиссию 18 770 бочек смолы. На 11 собственных и арендуемых заводах союза за это же время было произведено: канифоли – 13 051 пудов, скипидара – 8 679 пудов, пека – 1191 пудов [14, с. 303].

Наряду со смоляными артелями в этот период появляются и другие формы кустарно-промысловых кооперативов. Так, Боровичско-Валдайский союз кустарей-вязальщиков в основном занимался заготовкой и сбытом изделий из шерстяной пряжи. Например, вязание перчаток было организовано союзом по следующей схеме: союз принимал заказы, получал шерстяную пряжу от министерства и распределял ее по артелям, которые на собственных или принадлежавших соседним артелям «валялках» валяли перчатки, красили, сортировали, упаковывали и отправляли их по назначению. Таких «валялок» и «красилок» в союзе имелось четыре. Для обучения вязальному делу при союзе была организована учебная мастерская, в которой каждый кустарь мог обучаться бесплатно [15, с. 60].

Таблица 3

Экспорт продуктов смоляного промысла из Архангельска в Западную Европу в 1912 г.

Рынки сбыта	Смола бочек пудов		Пек бочек пудов		Скипидар бочек пудов	
Англия	56081	448648	16035	240525	3372	40464
Голландия	10088	80704	2075	31125	260	3120
Германия	6552	50016	5006	75090	975	11690
Франция	3382	27056	570	8550	–	–
Италия	850	6800	2359	35085	–	–
Итого:	76653	613224	26045	390375	4007	55274

Рассчитано по: [13, с. 16].

С развитием торговых оборотов, накоплением денежных средств кооперативы отдельных губерний налаживали с помощью местных кустарей производство веялок, борон, плугов и даже рядовых сеялок. Значительный опыт кустарного производства сельскохозяйственных орудий был накоплен в Самарской губернии. Например, Заплавское общество Бузулукского уезда постоянно оказывало содействие кустарям по изготовлению веялок. Местные умельцы часто сидели без работы, потому что не имели средств на покупку материалов, а также затруднялись сбыть готовую продукцию. Общество дало им заказ на 100 веялок с оплатой работы по 7 руб. за веялку, причем литье и листовое железо для них оно получило в кредит от губернской земской управы, а уплату за материалы договорилось производить готовыми веялками [16, с. 108].

Недостаточно изученной формой промышленных кооперативов являются яичные товарищества. Они, как правило, возникали в центрах яичной торговли (Казанской, Саратовской и других губерниях). Так, в Казанской губернии торговый оборот яичных товариществ достигал ежегодно 12 млн руб. и превышал иногда стоимость вывозимого из губернии хлеба. Казанское яйцо шло за границу – в Англию, Францию и Италию, а также – в Москву и Петербург. Главными пунктами яичной торговли в губернии, кроме Казани, являлись Чистополь и Козловка. Вся торговля находилась в руках татар.

В Саратовской губернии по инициативе крестьян крупные яичные товарищества образовались летом 1914 г. в селах Старое Захаркино и Кондола. Ежегодные обороты их достигали свыше 1 млн руб. [17, л. 1, 7, 10, 11].

Казанские и саратовские яичные товарищества обслуживали своих членов и другое население. Агенты-сборщики, получив на руки определенную наличность, объезжали села, где закупали яйцо. На складах за сданную продукцию можно было приобрести различные товары, членам товарищества они отпускались в кредит. Часто агенты, закупая продукцию, вели разъездную торговлю.

Такое внимание к яичным кооперативам со стороны населения и товариществ объяснялось большими потерями крестьян от продажи яиц через скупщиков и торговцев. По подсчетам А. Е. Кулыжного, потери крестьян складывались из следующих уплат: сборщику – 3 коп. с десятка; скупщику – 6–7 коп.; лавочнику и торговцу – до 5 коп., итого до 1,5 коп. на штуку, что составляло почти 35–40 млн руб. по производящим губерниям. В Москве, например, цены на яйца за десяток доходили до 50 коп., а крестьянин Казанской губернии самое большее получал за них 16–20 коп. [цит. по: 18, с. 108].

Другой разновидностью кустарно-промышленных кооперативов на исследуемых territori-

ях были маслодельные артели. Первые артели возникли в северных губерниях в 1893–1894 гг. Наибольшее распространение они получили в Вологодской деревне. Их активный рост начался с 1906 г.

Владельцы частных маслодельных заводов до этого времени платили крестьянам за молоко 35–45 коп. за пуд, при этом в большинстве случаев расплачивались товарами из своих лавок по баснословно высоким ценам. Эта очевидная эксплуатация и послужила толчком для артельного дела в губернии. С появлением артелей маслоделы были вынуждены повысить закупочную цену молока до 53,5 коп. Если принять к сведению, что всего крестьянами за 1909–1910 гг. было доставлено на маслодельные заводы до 10 млн пудов молока, то благодаря артелям доходы населения увеличились не менее чем на 1 млн руб. за счет только повышения цен на молоко [19, с. 145].

Наиболее широко маслодельные артели были развиты в пяти уездах губернии (Грязовецком, Вологодском, Кадниковском, Тотемском и Вельском). В них принимали участие практически все крестьяне каждой волости. Например, в Нетряевской волости Кадниковского уезда в состав маслодельной артели вошли 600 членов, в Юхновской волости того же уезда в Никольской маслодельной артели состояли 550 членов [19, с. 147].

Деятельность артелей обычно развивалась на основании договора, засвидетельствованного нотариусом. Какого-нибудь «нормального» устава, подходящего к маслодельным артелям, не существовало. В 1902 г. Министерство земледелия и государственных имуществ выработало проект такого устава, но после получения отзывов с мест отказалось от него. Договор давал возможность организовать всюду дело согласно местным условиям, но у него был известный недостаток – он не давал артелям юридических прав. По этой причине артель должна была выбирать доверенного (артельного старосту), который и вел все операции. Делами артели управляло общее собрание, в некоторых случаях – собрание уполномоченных (совет). Все члены артели имели одинаковый голос, независимо от числа коров и сделанных взносов. Для учета доверенного выбирались учетчики (играющие роль ревизионной комиссии), осуществлявшие контроль за всеми делами. Первоначально капитал артели составлялся либо из взносов всех членов по числу коров, либо путем займа. Долги погашались постепенно. Разница между заготовительной и рыночной ценами давала возможность погашать долги и наращивать капиталы [20, с. 2].

Доступ новых членов в артель был совершенно свободен, но при условии вступительного взноса. Так что обычный договор вологодских

маслодельных артелей соответствовал основным принципам кооперации. Артели открывали при заводах потребительские лавки, развивали кредитную кооперацию. Другими словами, вологодские маслодельные артели во многом играли роль кооперативного первопроходца, закладывали основы кооперативного движения в губернии.

Любопытен в этом отношении опыт упомянутой Никольской артели маслоделов, образованной в 1906 г. В первый же год своего существования она открыла потребительскую лавку. Ежегодная прибыль от продажи масла составляла 6,2 тыс. руб., потребительских товаров – 6,3 тыс. руб. Через 4 года Никольская артель организовала свиноводческую ферму и начала проводить вкладные операции. За 1911 г. в артельную кассу поступило в виде вкладов и займов 11 тыс. руб. Прибыль от свиноводства выросла до 300 руб. С 1912 г. артель стала закупать и продавать овес [20, с. 3].

Подобную коммерческую деятельность развивали и другие артели. Помимо закупки овса, свиноводства и вкладных операций, Вологодские артели занимались скупкой и продажей яиц, кудели, выращиваем телят и другими промыслами. Однако главным видом их деятельности оставалось производство и сбыт масла.

Важным достижением маслодельных артелей явилось заключение договора в марте 1909 г. с Вологодским обществом сельского хозяйства (далее ВОСХ) о совместном сбыте масла через склад общества. В соответствии с ним артели обязывались все выработанное масло продавать через склад ВОСХ в течение договорного срока. В табл. 4 отражена деятельность маслодель-

ных артелей по сбыту масла через склад ВОСХ до 1913 г.

За 5 лет число маслодельных артелей, сбывших свою продукцию через склад ВОСХ, увеличилось в 8 раз., а их торговый оборот вырос почти в 30 раз. Это способствовало не только возникновению новых артелей, но и возрождению старых. Количество коров у последних значительно увеличилось.

В начале торговой деятельности (1909 г.) маслодельные артели были связаны исключительно с местным рынком. Но уже в 1910 г. они поставляли масло не только на рынки России, но и Европы (табл. 5).

С ростом торговых операций по сбыту вологодское артельное масло не оставалось уже на местном вологодском рынке, а уходило в глубь России и за границу. Снижалось значение петербургского и московского рынков.

Таким образом, кооперативные организации в области молочного хозяйства, поднимая доходность данной отрасли сельскохозяйственного производства на 50–70%, не только приносили прямую выгоду своим членам, но и косвенную всему населению. Маслодельные артели Вологодской губернии численно и по объемам производства были меньше сибирских. Так, на одну сибирскую артель в среднем приходилось 197 членов и 1022 коровы, вологодскую – 144 члена и лишь 289 коров. По количеству переработанного молока сибирская артель превосходила вологодскую почти в 9 раз. Однако к 1914 г. развитие сибирских артелей замедлилось и достигалось в основном за счет образования новых. Вологодские артели развивались

Таблица 4

Сбыт масла маслодельными артелями Вологодской губернии через склад ВОСХ в 1910–1913 гг.

Годы	Число артелей	Продано масла, пудов	Продано масла, руб.
1910	18	22309	37354
1911	57	21465	332378
1912	105	46161	675709
1913	146	66680	1095955

Рассчитано по: [21, с. 40].

Таблица 5

Сбыт масла вологодскими маслодельными артелями на российских и европейских рынках в 1910–1912 гг.

Рынки сбыта	1910		1911		1912	
	пудов	%	пудов	%	пудов	%
Петербург	7051	32,8	10986	24,4	9047	13,5
Москва	3874	18,1	35935	7,8	5193	9,2
Южные губернии	2435	11,6	15586	34,5	19640	30,3
Вологда	7019	32,7	4646	10,3	7842	12,2
Европа	1025	4,8	10406	23	24718	34,8

Рассчитано по: [22, с. 8].

за счет создания новых и роста старых. Каждые 2 года число членов и коров возрастало в них на 15%. По количеству членов вологодские артели превосходили датские и финские артели маслоделов [22, с. 9].

Все это дало повод известному исследователю кооперации Л. Е. Файну высоко оценить деятельность маслодельных артелей: «Маслодельная кооперация в России, – самая блестящая страница ее кооперативного движения. До революции это был единственный в стране вид кооперативов, который достиг огромного экономического значения не благодаря поддержке со стороны, а на основе самостоятельности самого населения» [1, с. 195–196].

Таким образом, отличительной особенностью кустарно-промышленной кооперации рассматриваемых территорий являлось ее сосредоточение преимущественно в сельской местности. Если в центральных губерниях России кустарные промыслы располагались вблизи центров крупной промышленности и работали в основном на ее отходах, то на Европейском Севере, Приуралье, Поволжье мелкотоварное производство базировалось на сельскохозяйственном сырье как самостоятельная отрасль, а не как дополнение к фабрично-заводской промышленности.

В обозначенный период в Северных, Приуральских и Поволжских губерниях, несмотря на достаточно высокий уровень развития кустарно-промышленной кооперации, процесс вовлечения мелких товаропроизводителей в кустарно-промышленные кооперативы протекал очень медленно, промышленные кооперативные союзы как центры руководства кооперированной кустарной промышленностью в регионе отсутствовали. Данное обстоятельство во многом обуславливалось тем, что низкие заработки подавляющего большинства кустарей и ремесленников не позволяли создавать высшие формы кооперативных объединений, так как у мелких товаропроизводителей просто не хватало средств на отчисления в промышленную организацию. К этому можно добавить следующее: практически до весны 1917 г. в России отсутствовало кооперативное законодательство, и члены кооперативов и их союзные органы были бесправны перед произволом чиновников как в центре, так и на местах.

Итак, подводя общие итоги развития промышленных кооперативов на исследуемых территориях, отметим, что в обозначенный период эти учреждения стремились, с одной стороны, к сокращению площади, на которую распространялась их деятельность, с другой – к сужению характера своих занятий, т. е. специализации в одной или нескольких отраслях сельского хозяйства.

Кустарно-промышленные кооперативы принарабатывались к нуждам местности и времени, работали над тем, что в каждом отдельном

случае обещало принести наибольшую пользу населению. В этой разносторонности и умении приспособиться к потребностям времени заключался залог успеха промысловых артелей. В 1914 г. они стали выходить на прямые связи и заказы правительства, гарантировавшие стабильное развитие.

Кустарно-промышленные кооперативы являлись в действительности выразителями местных сельскохозяйственных потребностей, новой организующей силой, опиравшейся на трудовое семейное производство, и постепенно становились одной из крупнейших основ хозяйственной жизни.

Список литературы

1. Файн Л. Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861–1930. Иваново : Ивановский государственный университет, 2002. 600 с.
2. Ягов О. В. Кустарно-промышленная кооперация Поволжья в условиях реализации новой экономической политики. Самара ; Пенза : Издательство Самарского научного центра РАН ; ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2008. 335 с.
3. Кустари и кооперация // Северный хозяин. 1914. № 7. С. 10–27.
4. Пуховые артели // Вестник мелкого кредита. 1914. № 23. С. 937–959.
5. Артельная мастерская // Северный хозяин. 1914. № 4. С. 19–28.
6. Собрание уполномоченных кредитных кооперативов в г. Царицыне // Вестник мелкого кредита. 1912. № 45. С. 1420–1429.
7. Собрание в селе Бор Семеновского уезда Нижегородской губернии // Вестник мелкого кредита. 1913. № 44. С. 1621–1627.
8. Безгина О. А. Кооперативное движение Поволжья в конце XIX – начале XX века: взаимодействие власти и общества / под науч. ред. П. С. Кабытова. Тольятти : Издательство ТГУ, 2018. 306 с.
9. Земский кредит кустарным артелям новгородской губернии // Вестник мелкого кредита. 1913. № 36. С. 1265–1279.
10. Малахов А. Кустарное смолокурение на Севере и союз смолокурных артелей Важской области // Вестник мелкого кредита. 1914. № 23. С. 912–921.
11. Колыбин А. К. Союз смолокурных артелей Важской области // Вестник мелкого кредита. 1914. № 12. С. 451–460.
12. В глухих углах // Северный хозяин. 1914. № 4. С. 17–30.
13. Швецов А. Кооперация среди смолокуров // Северный хозяин. 1914. № 11–12. С. 1–20.
14. Петров Г. П. Промысловая кооперация и кустарь. Организация и практика промышленной кооперации в России : в 2 ч. М. : Совет Всероссийских кооперативных съездов, 1917. Ч. 1. 391 с.
15. Фридман М. Общества сельских хозяев в деревне / под ред. И. Озерова. М. : Издательство Московского

- Столыпинского попечительства о народной трезвости, 1903. 108 с.
16. *Кулыжный Ф. Е.* Деревенская кооперация. С приложением уставов. М. : Издательство Взаимная помощь И. Горбунова-Посадова, 1914. 264 с.
17. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 2. Саратовское губернское правление (1780–1917 гг.). Оп. 1. Д. 11258.
18. *Семенов И.* Письма из России. Кооперативное движение в Вологодской губернии // Вестник кооперации. 1911. Кн. 1. С. 102–122.
19. *Торгашов Б.* Кооперативное движение в России // Вестник кооперации. 1909. Кн. 2. С. 140–152.
20. *Элич.* Куда идет развитие северных кооперативов // Северный хозяин. 1912. № 13. С. 1–25.
21. Очерк торговой деятельности ВОСХ и Коммерческого отдела // Приложение к журналу «Северный хозяин». 1913. № 5–6. С. 1–26.
22. *Маслов С.* Вологодские маслодельные артели в сравнении с артелями других мест // Северный хозяин. 1914. № 22. С. 1–24.

Поступила в редакцию 19.06.2023; одобрена после рецензирования 23.06.2023; принята к публикации 30.06.2023
The article was submitted 19.06.2023; approved after reviewing 23.06.2023; accepted for publication 30.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 432–437
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 432–437
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-432-437>, EDN: HSQQFI

Научная статья
УДК [271.72:322](470.61)|18/19|

Вопрос об имуществе Армянской Апостольской церкви на Дону в конце XIX – начале XX века

С. С. Козлов

Ростовский государственный медицинский университет, Россия, 344022, г. Ростов-на-Дону, пер. Нахичеванский, д. 29

Козлов Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории, sid.220788@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0004-5205-9060>, AuthorID: 1166811

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы взаимоотношений русского правительства и Армянской Апостольской церкви в конце XIX – начале XX в. Обсуждается принятие закона от 12 июня 1903 г. кн. Г. С. Голицына об изъятии церковного имущества ААЦ. Прослеживается негативное последствие этого закона на дела армянской церкви в г. Нахичевани-на-Дону, последовавшие за этим проблемы в церковно-приходских школах.

Ключевые слова: национальная политика, Армянская Апостольская церковь, армянская диаспора, Нахичевань-на-Дону, донские армяне, монастырь Сурб Хач, храмы г. Нахичевани

Для цитирования: Козлов С. С. Вопрос об имуществе Армянской Апостольской церкви на Дону в конце XIX – начале XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 432–437. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-432-437>, EDN: HSQQFI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The policy of the Russian government towards the Armenians in the late 19th-early 20th centuries

S. S. Kozlov

Rostov State Medical University of the Ministry of Health of Russia, 29 Nakhchivan lane, Rostov-on-Don 344022, Russia

Sergey S. Kozlov, sid.220788@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0004-5205-9060>, AuthorID: 1166811

Abstract. The article deals with the problems of relations between the Russian government and the Armenian Apostolic Church at the end of the XIX-beginning of the XX centuries. The adoption of the law of June 12, 1903 by Prince G. S. Golitsyn on the seizure of church property of the AAC. The negative consequences of this law on the affairs of the Armenian church in the city of Nakhichevan-on-Don, followed by problems in parochial schools are traced.

Keywords: national politics, Armenian Apostolic Church, Armenian Diaspora, Nakhichevan-on-Don, Don Armenians, Surb Khach Monastery, temples of Nakhichevan

For citation: Kozlov S. S. The policy of the Russian government towards the Armenians in the late 19th-early 20th centuries. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 432–437 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-432-437>, EDN: HSQQFI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В истории г. Нахичевани-на-Дону особое место занимала Армянская Апостольская церковь, являвшаяся одна из древнейших христианских церквей. Сформировавшаяся в IV в. с центром в Эчмиадзине, в силу древних традиций она имела определенные особенности в догматике и обрядности. В нормативных правовых актах Российской империи XIX – начала XX в. Армянская Апостольская церковь именовалась Армяно-григорианской (АГЦ). Отношение российского правительства к ней не всегда было абсолютно

терпимым. В частности, в 1742 г. указом императрицы Елизаветы Петровны армяно-григориане в России были лишены права строительства церквей, а построенные церкви «упразднены» во всех городах, кроме одной каменной церкви в Астрахани [1, с. 559]. Правда, данные ограничения были отменены Екатериной II, разрешившей образование Ново-Нахичеванской армянской колонии на Дону в 1779 г.

Весь существующий комплекс работ по исследуемой теме можно разделить на две группы:

первая группа представлена общими работами по истории армян Нижнего Дона, а вторая группа включает в себя труды, непосредственно посвященные истории Армянской Апостольской церкви на Дону. Среди общих работ по истории г. Нахичевани-на-Дону наибольший интерес представляет вышедшая на русском языке монография В. Б. Бархударяна «История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917)» [2]. В ней подробно изложена история переселения армян из Крыма на Дон, хозяйственная деятельность, административное управление колонии в городе и селах, социально-экономическое развитие колонии, участие жителей в революционных движениях России, но довольно слабо освещается конфессиональный вопрос. Этот пробел был в немалой степени восполнен изданием книги «История Армянской Апостольской церкви на Дону (XVIII–XX вв.)» под редакцией С. С. Казарова и В. Г. Варганияна, которая опирается на значительный пласт неопубликованных ранее документов как местных, так и центральных российских и ереванских архивов [3]. Значительно расширило горизонты наших знаний по многим аспектам жизни донских армян исследование Д. И. Исмаил-Заде о И. И. Воронцове-Дашкове [4], который в начале XX в. был наместником на Кавказе и непосредственно занимался вопросами взаимоотношений государства и Армяно-григорианской церкви. Целый ряд аспектов по интересующей нас теме затронут в исследованиях В. С. Дякина [5].

С образованием в 1780 г. Ново-Нахичеванской и Российской армяно-григорианской епархий и освящением в Петербурге армянской церкви во имя святой великомученицы Екатерины на долгое время установились дружественные отношения российского правительства с Эчмиадзинским престолом. Католикос Симеон в 1780 г. благословил специальный чин молебствия «О Российском императоре и всем царствующем доме», а глава Ново-Нахичеванской епархии архиепископ Иосиф Аргутинский в 1783 г. представил императрице проект воссоздания Армянского государства – «Набросок договора между двумя нациями – русской и армянской», согласно которому армянский царь должен был назначаться русскими монархами из лиц армяно-григорианского исповедания и помазываться на царство в резиденции Католикоса в Эчмиадзине [5, с. 132]. Множество льгот и привилегий были даны в то время и армянским переселенцам на Дону.

Однако во второй половине XIX в. отношения российского правительства с Армяно-григорианской церковью начинают портиться. В 1881 г. Особое совещание по армянским делам под председательством министра внутренних дел графа А. Толстого попыталось запретить существование армянских церковно-приходских школ

вне церквей и монастырей и в обязательном порядке потребовало ввести преподавание русского языка, а вместо истории и географии Армении ввести историю и географию России. В ответ на отказ армян все эти школы были закрыты. И хотя через несколько лет благодаря ходатайству нового Католикоса Макария их вновь открыли [5, с. 138], для самодержавного аппарата становилось очевидным наличие угрозы государственному устоям империи со стороны ставшей слишком самостоятельной Армяно-григорианской церкви. Особое совещание по армянским делам в 1891 г. констатировало факт отсутствия рычагов воздействия на Католикоса и рекомендовало предпринимать впредь репрессии против армянских духовных лиц, «уклоняющихся от исполнения требований правительства или вредных для государственного и общественного порядка» [5, с. 138].

В 90-е гг. XIX в. начинается подготовка к масштабной секуляризации земель АГЦ. Министерство внутренних дел мотивировало это агентурными сведениями Департамента полиции о том, что часть доходов церкви шла на поддержку армянских националистических организаций в России и Турции. Закон от 12 июня 1903 г. «О сосредоточении правления имуществом Армяно-Григорианской Церкви в России в ведение правительственных учреждений и о подлежащих передаче в ведение Министерства Народного Просвещения средствах и имуществах означенной Церкви, коими обеспечивалось существование армяно-григорианских церковных училищ» был разработан наместником на Кавказе князем Г. С. Голицыным [6, с. 778]. Данный закон предписывал «все принадлежащие армяно-григорианским церквям, монастырям, духовным управлениям и духовно-учебным заведениям недвижимого имущества передать в порядке, особо утвержденными правилами, из управления духовенства и духовных установлений сего исповедания в заведование Министерства Земледелия и Государственных имуществ, а принадлежащие означенным учреждениям капиталы – в заведование Министерства Внутренних Дел...» [6, с. 778]. Таким образом, Армянская церковь лишалась также всех своих земель, принадлежавших ей домов и строений и получаемых с них доходов. Лишалась она и пожертвований, которые в виде капиталов и недвижимого имущества будут в дальнейшем поступать «в пользу означенных учреждений». Министр иностранных дел России С. Д. Сазонов назвал этот закон «проявлением бюрократической нетерпимости» [7, с. 167]. По мнению С. С. Казарова и В. Г. Варганияна, указанный закон стал отражением политики русификации, которую начал проводить наместник России на Кавказе князь Г. С. Голицын и которой активно противодействовала Армянская церковь [3, с. 65].

Для решения практических вопросов конфискации имущества АГЦ было образовано совещание под председательством члена Государственного Совета Э. В. Фриша, в состав которого вошли также К. П. Победоносцев, министр иностранных дел граф Н. В. Муравьев, министр внутренних дел Д. С. Сипягин, министр финансов С. Ю. Витте и сам Г. С. Голицын. За исключением князя Г. С. Голицына все члены совещания, высказались против изъятия имущества армянских церквей [8, с. 396–397]. Вскоре министром внутренних дел был назначен В. К. Плеве, и Г. С. Голицын в его лице получил серьезного союзника. Во время первого же приезда Г. С. Голицына в Петербург этот вопрос был вынесен на заседание Кабинета министров и, хотя и на этот раз все члены Кабинета, за исключением В. К. Плеве, Г. С. Голицына и Г. Э. Зенгера, министра образования, высказались против этого закона, император утвердил мнение меньшинства [9, с. 35]. Принимая указанный закон, царское правительство не могло не учитывать, что он вызовет сопротивление всех общественно-политических сил армянского общества, начиная от социал-демократов на левом фланге до консервативных сил в лице духовенства на правом. Богдан Мерзаджанович Кнунянц, известный лидер социал-демократии Закавказья, охарактеризовал закон о конфискации имущества АГЦ 1903 г. на страницах социал-демократической газеты «Искра» как «новый разбой» [10]. Часть армяно-григорианского духовенства спровоцировала массовые беспорядки, вовлекая в них тысячи верующих. В Александрополе, Елизаветполе, Эривани, Баку, Тифлисе, Карсе и Шуше в июле – сентябре 1903 г. имели место столкновения с полицией, повлекшие человеческие жертвы [11, с. 206].

Этот закон затрагивал не только закавказских армян. Серьезный удар был нанесен и по самой крупной армянской колонии в России – Нор-Нахичеванской армянской колонии, находящейся в Области Войска Донского, имевшей довольно значительное церковное имущество. Так, в 1902 г. епархиальным начальником архиепископом Нерсесом были составлены описи имущества Нахичевано-Бессарабской Армянской епархии, из которых видно, что епархия в Области Войска Донского имела следующие церкви: в Нахичевани-на-Дону: церковь во имя Св. Григория Просветителя, во имя Успения Пресвятой Богородицы, во имя Вознесения Христова, во имя Св. Николая, во имя Св. Феодора, во имя Св. Георгия, кладбищенская во имя Св. Иоанна Предтечи, всего семь. Столько же церквей имелось в армянских селах: во имя Св. Вознесения Христова в с. Чалтырь, во имя св. Сергея и во имя Св. Спасителя – в Крыму, во имя Успения Пресвятой Богородицы – в Больших Салах, во имя св. Георгия в Малых Салах, во имя Св. Иоанна Предтечи – в Несвитае, а в Катериноване –

молитвенный дом во имя Св. Воскресения Христова. Таким образом, к 1902 г. на территории Области Войска Донского имелось 14 армянских церквей, не считая монастыря Сурб Хач. Средняя сумма недвижимых имуществ сельских церквей составляла примерно 1500 руб., капиталов – 4000 руб., расходов – на сумму 2500 руб. [3, с. 67]. О финансовом и имущественном благополучии армянских церквей на Дону до принятия закона 12 июня 1903 г. свидетельствуют и другие факты. По данным об имуществе армяно-григорианских монастырей по Нахичевано-Бессарабской епархии, Крестовоздвиженский монастырь имел около 450 десятин выгонной земли, один «нефруктовый сад для гуляния» в 8 десятин и один огород размером 15 десятин. Доходы с недвижимого имущества и капиталов составляли 4031 руб. 12 коп., расходы – 5021 руб. 5 коп. [3, с. 67].

Закон 12 июня 1903 г., направленный против Армянской церкви в Закавказье, также распространялся и на церковные имущества Нахичевано-Бессарабской епархии и, таким образом, в целом затрагивал интересы города Нахичевани-на-Дону. В сентябре 1903 г. все заметные деятели города Нахичевани-на-Дону были приглашены в зал заседаний городской Думы, где их ознакомили с текстом закона и с предписанием министра внутренних дел о его исполнении. Духовным лицам предписывалось добровольно сдать церковное и монастырское движимое и недвижимое имущество [2, с. 400].

Через несколько дней в монастырь Сурб Хач прибыл уполномоченный нахичеванской полиции и потребовал монастырский журнал учета прихода и расхода, договоры с арендаторами и другие документы. Позже, 6 октября того же года, в монастырь, для выполнения закона прибывает комиссия из трех человек: заместитель атамана Войска Донского, полицмейстер Ростова и уполномоченный полиции Нахичевани-на-Дону. Они изымают 450 десятин пахотной земли, земельный участок под огород в 10 десятин, сад площадью 8 десятин и каменоломни. При этом оставляют монастырю одну десятину земли, занятую под двор и примыкающие к нему два домика, после чего в Ростов были приглашены арендаторы земель монастыря, где их уведомили, что аренду нужно платить не монастырю, а в государственную казну [2, с. 400]. Приведение этого приказа вызвало в монастыре Сурб Хач сопротивление такой силы, что местные власти были вынуждены выслать из армянской колонии учителей духовной семинарии и настоятеля монастыря Вагана Тер-Григоряна, а также архимандрита Наапета Наапetyана [2, с. 400].

Документы о конфискации имущества шести новонахичеванских церквей, по свидетельству известного историка армянской диаспоры В. Б. Бархударяна, не сохранились [2, с. 401].

Тем не менее в газете «Приазовский край» содер­жится информация о том, что принадлежащий Армяно-григорианской во имя св. Вознесения церкви дом, арендуемый нахичеванским городским управлением под помеще­ние начального училища им. Святополк-Мирского, передается в ведение Министерства земледелия и государственных имуществ. В связи с этим упоминается имя младшего помощника Войскового Атамана по гражданской части С. С. Добрынина, который предложил городской управе направляемые платежи по аренде вносить в ростовское казначейство [12].

23 октября 1903 г. из Эчмиадзина в Нахичевань-на-Дону прибыл глава епархии архиепископ Нерсес. После введения в жизнь пресловутого закона угроза закрытия и без того недостаточно финансируемых учебных заведений стала вполне реальной. В центре внимания владыки Нерсеса оказалась любимое детище епархии – нахичеванская духовная семинария. 27 октября 1903 г. состоялось заседание ее попечительского совета под председательством архиепископа Нерсеса. Ввиду резкого сокращения статей дохода на содержание этого учебного заведения попечительский совет счел необходимым ходатайствовать перед органами общественного управления города об увеличении субсидий в таком размере, чтобы дать возможность содержать семинарию в текущем году. По причине денежных затруднений попечительским советом был оставлен открытым вопрос о замещении вакантной должности помощника ректора [13].

Через некоторое время город стала покидать часть армянского духовенства. Так, ростовский градоначальник в своем донесении атаману Войска Донского сообщал: «Начальник духовного управления и попечительства духовной семинарии Нахичевани Муше Данагезьян во время смуты в феврале 1904 г., которая произошла по причине национализации армянского церковного имущества, был сослан за пределы градоначальства на все время военного положения. Упомянутый игумен около полутора лет прожил в Москве. По распоряжению администрации от 8 апреля 1905 года вернулся в Нахичевань, где и поныне проживает» [14, л. 105–106].

Закон от 12 июня 1903 г. нанес ощутимый удар по приходским и епархиальным школам г. Нахичевани-на-Дону. 15 ноября 1903 г. на имя городского головы поступило отношение от попечительского совета Нахичевано-Бессарабской духовной семинарии, который на своем заседании от 16 октября 1903 г. ввиду изъятия из своего ведения «некоторых источников содержания семинарии» [15, с. 80–81] просит городского голову подать на ближайшем заседании городской Думы ходатайство о «временном пособии семинарии в размере недостающих 3125 рублей, впредь до выяснения настоящего положения, дабы от этого, ввиду дефицита

в бюджете, не пострадало учебное дело семинарии, в которой воспитываются бесплатно свыше 300 детей наиболее беднейшего класса городского населения» [15, с. 80–81].

С лета 1905 г. революционное движение охватывает практически почти всю страну. Обострялись социальные и национальные конфликты, и в Армении самодержавию пришлось иметь дело со всем армянским народом, который дружно поднялся на защиту своей церкви. Необходимы были срочные меры для успокоения Кавказа. Еще весной 1905 г. наместником на Кавказе был назначен один из выдающихся государственных деятелей России конца XIX – начала XX в. Илларион Иванович Воронцов-Дашков (1837–1915). Он был не только мудрым политиком, но и человеком, хорошо знавшим Кавказ и его проблемы. Первые его мероприятия как раз и были направлены на устранение тех ошибок, которые были сделаны предшествующей администрацией и не могли не способствовать обострению социальных и национальных противоречий в регионе [4, с. 50]. Именно по представлению И. И. Воронцова-Дашкова был отменен указ о конфискации имущества Армяно-григорианской церкви и закрытия армянских школ. Как признавал сам И. И. Воронцов-Дашков, этот закон был «государственной ошибкой», которую он с успехом исправил [16, с. 7].

Однако прежде чем приступить к исправлению допущенных ошибок, администрация решила прежде всего проанализировать последствия закона от 12 июня 1903 г. В начале мая 1905 г. во время проезда через Нахичевань-на-Дону наместника Кавказа И. И. Воронцова-Дашкова на вокзале встречала депутация донских армян, и от имени общественности присяжный поверенный Г. Х. Чалхушьян вручил ему адрес. Суть данного приветственного адреса заключалась в том, что страна, в которой армянский народ нашел себе пристанище, изменилась и стала для него чужой. Причина этого, по словам Г. Х. Чалхушьяна, заключается в том, что «оставаясь верноподданными Нашего Государя, мы твердо желаем сохранить свою веру, свой язык и нетронутыми передать их потомству». Г. Х. Чалхушьян заверил И. И. Воронцова-Дашкова о том, что «благомыслящее большинство пойдет с Вами рука об руку куда угодно, если только Вы найдете законным наше желание оставаться армянами, исповедовать свою старую веру, учить свой язык, если Вы только уничтожите исключительные ограничительные новеллы, которые, унижая наше человеческое достоинство, не служат возвышению славы ни нашего отечества, святой Руси, ни обожаемого Нашего Монарха...» [17].

Дело вскоре, действительно, сдвинулось с мертвой точки. В начале июля 1905 г. в Ростов прибыл надзиратель казенных земель Екатеринославской губернии А. Марковский, который

сразу же обратился к нахичеванскому городскому голове с предложением предоставить ему подробные сведения о состоянии арендных земель и имуществ, принадлежавших прежде церквям и монастырям, а также для определения точного размера аренды, взимаемой с названных имуществ. 5 июля 1905 г. состоялась встреча А. Марковского с заступающим на место городского головы Нахичевани А. Ф. Хадамовым. В своем докладе А. Ф. Хадамов подробно описал то, что произошло в результате исполнения закона 12 июня 1903 г.: «С тех пор, как принадлежащие Армяно-григорианской церкви имущества перешли в ведение министерства земледелия, арендаторы церковных имуществ, пользуясь бесконтрольным положением, за редким исключением, арендных денег не платят вообще. Учебные же заведения, такие как нахичеванская духовная семинария, женское училище св. Рипсиме, ремесленное училище при Успенском храме с переходом доходов от церковных имуществ в ведение правительства, находятся в критическом положении, оставаясь на плаву лишь благодаря помощи городского общественного управления». А. Ф. Хадамов отмечал также, что школы частью закрыты, а частью в ближайшее время должны будут закрыться; «имущества остаются, за отсутствием фактического надзора, бездоходными и быстро приходят в разрушение» [18].

2 августа 1905 г. в Нахичевань-на-Дону для проверки сумм, поступающих в казну с бывших армяно-григорианских церковных имуществ, прибыл чиновник управления государственных имуществ В. Рагозин, который выявил, что арендаторы отказываются от уплаты сборов с аренды. Сами они невозможность уплаты объясняли тем, что арендованные ими помещения пришли в крайнюю ветхость, между тем как по договору помещения должны были быть отремонтированы и приведены в порядок [19].

1 августа 1905 г. император Николай II подписал указ, который фактически отменял его же указ от 12 июня 1903 г. «Признав за благо утвердить представление Наместника Нашего», Николай II даровал армяно-григорианскому духовенству способы широкой на пользу народа деятельности, повелевая вместе с тем на указанных ниже основаниях «возвратить отобранные от армянских церковных установлений имущества» [20].

Первый параграф предписывал «в отмену Высочайшего повеления 12 июня 1903 года передать в ведение и управление подлежащих установлений армяно-григорианской церкви все недвижимые имущества и капиталы, принадлежащие армяно-григорианским церквям, монастырям, духовным установлениям и духовно-учебным заведениям со всеми, полученными во время казенного управления доходами, за исключением произведенных издержек по содер-

жанию сих имуществ, равно сумм, израсходованных оных на прием в казну. Передача церковных установлений, имуществ и доходов и них произвести по соглашению Наместника Нашего на Кавказе с министром внутренних дел и главноуправляющим землеустройством и земледелием» [20].

В марте 1906 года в Нахичевани-на-Дону начались работы по возврату храмам и монастырю конфискованных у них имуществ. По предписанию министра внутренних дел нахичеванское городское управление направило викарному архимандриту отцу Муше предложение созвать лиц, которые принимали участие в секвестровании армянских церковных имуществ. Упомянутое совещание созывалось для решения вопроса о передаче церковных имуществ обратно Армянской церкви. На собрание был приглашен управляющий канцелярией ростовского градоначальника А. М. Алешин. Совещание состоялось 16 марта 1906 г. в зале думских заседаний при участии нахичеванского городского головы К. М. Попова, викарного архимандрита отца Муше, настоятеля Крестовоздвиженского монастыря отца Вагана, ктиторов всех нахичеванских церквей. При участии управляющего канцелярией ростовского градоначальника А. М. Алешина собралась особая комиссия по делу об обратной передаче капиталов и имуществ армянских церквей [3, с. 359].

Подводя итог, можно заключить, что после привилегий, дарованных крымским переселенцам, политика Российского государства не всегда была такой благосклонной. Указ от 12 июня 1903 г. тому яркий показатель, хотя он рассчитан был больше на закавказское население, тем не менее существенно ударил по Нахичевани-на-Дону. Ведь в городе было много учебных заведений, находившихся в ведении храмов Армянской Апостольской церкви. Также это наносило серьезный экономический удар по ААЦ, поставив церкви и монастырь в г. Нахичевани практически в статус банкротов. Правительство вовремя одумалось, и при непосредственном участии наместника Кавказа И. И. Воронцова-Дашкова этот указ был отменен. Уже в 1906 г. все имущество храмов ААЦ в Нахичевани было возвращено.

Список литературы

1. О нестроении впрядь армянских церквей // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое : в 45 т. СПб. : В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XI. Ст. 8500. С. 559
2. Бархударян В. Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917) / пер. Н. Григорова ; под ред. С. Дарояна, В. Хачатуряна. Ереван : Айастан, 1996. 528 с.
3. Казаров С. С., Вартанян В. Г. История Армянской Апостольской церкви на Дону (XVIII–XX вв.).

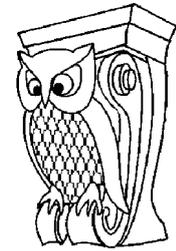
- 2-е изд., перераб. и доп. Таганрог : Издательство Таганрогского института управления и экономики, 2008. 127 с.
4. *Исмаил-Заде Д. И.* Илларион Иванович Воронцов-Дашков // Исторические силуэты: [Сборник / отв. ред. С. В. Тютюкин] ; АН СССР. М. : Наука, 1991. С. 20–62. (Серия «Страницы истории нашей Родины»).
 5. *Дякин С. В.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 130–142.
 6. О сосредоточении управления имуществами Армяно-Григорианской церкви в России, в владении правительственных учреждений и о подлежащих передаче во владения Министерства Народного просвещения средствах и имущества Церкви, коими обеспечивалось существование армяно-григорианских церковных училищ // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е : в 33 т. Т. XXIII, 1903, отд. 1. СПб. : Государственная Типография, 1905. 1318 с. Ст. 25156. С. 778.
 7. *Сазонов С. Д.* Воспоминания. Париж : Кн. изд-во Е. Сияльской, 1927. 398 с.
 8. *Витте С. Ю.* Избранные воспоминания, 1849–1911. М. : Мысль, 1991. 718 с.
 9. *Галоян Г. А.* Рабочее движение и национальный вопрос в Закавказье. 1900–1922. Ереван : Айастан, 1969. 508 с.
 10. *Троцкий Л. Б.* «Децентрализация» // Искра. 1903. 1 (14) окт. № 49.
 11. *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II / предисл. Ю. К. Мейера. СПб. : Петрополь, 1991. 672 с.
 12. К переходу церковных имуществ в казну // Приазовский край. 1903. № 262.
 13. Из заседаний городской думы // Приазовский край. 1903. № 265.
 14. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821 (Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД). Оп. 7. Д. 345.
 15. Ведомости Нахичеванской-на-Дону Городской Думы. 1903. № 4.
 16. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова // Соч. графа Воронцова-Дашкова. СПб. : Государственная Типография, 1907. С. 122–164.
 17. Нахичевань // Приазовский край. 1905. № 109.
 18. К положению армян в России // Приазовский край. 1905. № 161.
 19. Нахичевань // Приазовский край. 1905. № 184.
 20. Нахичевань // Приазовский край. 1905. № 195.

Поступила в редакцию 30.01.2023; одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 30.06.2023
The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 27.03.2023; accepted for publication 30.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 438–446
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 438–446
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-438-446>, EDN: IWJYBV

Научная статья
УДК [821.161.1.09-4+821.111(73).09-4]:327.54

Культурное пространство Холодной войны: образ врага в советской и американской публицистике

К. А. Юдин

¹Ивановский государственный химико-технологический университет, Россия, 153000, г. Иваново, Шереметевский пр., д. 27
²Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, д. 48

Юдин Кирилл Александрович, кандидат исторических наук, ¹доцент кафедры истории и культурологии, ²исполнитель по гранту, yudin-kir88@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9579-7056>, AuthorID: 835079

Аннотация. В качестве предметного поля статьи выступает историко-имагологический спектр и компаративный ракурс. Исследуются основные акторы, влиявшие на динамику репрезентации образа врага (Другого) в политическом дискурсе Холодной войны. Основным видом источников стали публицистические материалы, представленные советской и американской литературой различного уровня, от газетных публикаций до объемных научно-популярных изданий. Формулируются выводы об амбивалентности культурного пространства, сосуществовании как устойчивых имагологических ориентиров и конструкторов, так и их корректировки, встречных «дрейфов» дегуманизации или регуманизации, исходивших от противоборствующих сторон и обусловленных стадиями Холодной войны.

Ключевые слова: Холодная война, образ врага, советская и американская публицистика, культурное пространство, идеологический контроль, политический дискурс

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>, «Образы врага в массовой культуре Холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США».

Для цитирования: Юдин К. А. Культурное пространство Холодной войны: образ врага в советской и американской публицистике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 438–446. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-438-446>, EDN: IWJYBV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The cultural space of the Cold War: The image of the enemy in Soviet and American journalism

K. A. Yudin

¹Ivanovo State University of Chemistry and Technology, 27 Sheremetevsky Pr., Ivanovo 153000, Russia
²The Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., St. Petersburg 191186, Russia

Kirill A. Yudin, yudin-kir88@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9579-7056>, AuthorID: 835079

Abstract. The subject field of the article is the historical-imagological spectrum and comparative perspective. The main actors that influenced the dynamics of the representation of the enemy/other image in the political discourse of the Cold War are investigated. The main type of sources were journalistic materials presented by Soviet and American literature of various levels, from newspaper publications to voluminous popular science publications. Conclusions are drawn about the ambivalence of cultural space, the coexistence of both stable imagological landmarks and constructs, and their adjustments, counter “drifts” of dehumanization or rehumanization emanating from the opposing sides and caused by the stages of the Cold War.

Keywords: Cold War, image of the enemy, Soviet and American journalism, cultural space, ideological control, political discourse

Acknowledgments: This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant № 22-18-00305, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00305/>, “The images of enemy in Cold War popular culture: their content, contemporary reception and usage in Russian and U. S. symbolic politics”.

For citation: Yudin K. A. The cultural space of the Cold War: The image of the enemy in Soviet and American journalism. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 438–446 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-438-446>, EDN: IWJYBV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение: теоретико-методологические ориентиры

Со второй половины XX в. и вплоть до настоящего времени магистральным фактором феноменом, продолжающим оказывать воздействие на социокультурные процессы, политико-информационную работу, выступает Холодная война. Несмотря на основательную изученность, рефлексию, в том числе и на обобщающем историографическом уровне [1], основных векторов культурной и публичной дипломатии, успешное обращение к проблемам исторической имагологии, интеллектуальной истории [2], политике памяти [3], институциональным, гендерным и иным аспектам [4–20], сохраняет свою актуальность дальнейшее прояснение особенностей функционирования системы контроля за производством образов врага, их динамикой в культурном пространстве. Особенно это востребовано в компаративном ракурсе, предполагающем *сравнение* дискурсивного контекста встречаемых или упреждающих «вызовов-санкций», осуществляемых ведущими сторонами «холодной» конфронтации – СССР (странами социалистического содружества) и США (англо-американским блоком).

Сложившаяся в СССР и США к середине 1950-х гг. система контроля за производством образа врага основывалась и на негативных, и на позитивных санкциях как методах культурно-имагологического конструирования. Целью негативных санкций было, с одной стороны, достижение контрольно-дисциплинарного адресного эффекта, по сложившимся «традициям» публичных показательных процессов и наказаний, с другой – расстановка долговременных акцентов и приоритетов развития культуры, определение устойчивых нормативов в изображении «своих» и «чужих», от которых нельзя было отклоняться. Так, в середине 1940-х гг. подвергаются суровой критике известные литераторы, представители музыкального, кинематографического сообщества, продукты творчества которых, по мнению сталинского руководства, наносили ущерб образам своего, поскольку отклонялись от канонов советской культуры, носили «антинародный», «формалистический» характер. Это М. М. Зощенко, А. А. Ахматова, С. С. Прокофьев, Д. Д. Шостакович, А. И. Хачатурян, В. И. Мурадели, Н. Я. Мясковский, С. М. Эйзенштейн, Л. З. Трауберг и др.

Одновременно в истории США начался период маккартизма, отчасти совпавший с идеологической и информационно-пропагандистской «кампанией правды» («Campaign of Truth») и реализацией «плана психологической войны» (PSB D-33/2) [12, с. 66, 127; 19, р. 76]. Знаковым событием второй половины 1940-х гг. становится проведение в 1947 г. показательного процесса над «голлиудской десяткой». 10 ведущих

представителей кинематографической интеллигенции – А. Бесси, Г. Биберман, Э. Дмитрик, Л. Коул, Р. Ларднер, Д. Х. Лоусон, А. Мальц, С. Орниц, А. Скотт, Д. Трамбо – предстали перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности и обвинялись в «неуважении» к Конгрессу США, а многие другие были занесены в «черные списки» («blacklists»). В докладе «Красные каналы», опубликованном в еженедельнике «Контратака» (22 июня 1950 г.) речь шла о проникновении коммунистов на радио и телевидение, приводился список из 151 деятеля искусств. Всем им были предъявлены требования либо уволиться, либо признаться в прокоммунистической деятельности [5, с. 116].

В 1950–1954 гг. в массовой культуре США происходило формирование образов советских коммунистов не просто как людей «второго сорта», а как наиболее вероятных носителей социально-психологических «девиаций», в том числе ассоциировавшихся с сексуальными меньшинствами [20, р. 221]. В 1950 г. массово тиражировалась брошюра А. Гудфренда «Если Вы родились в России» [21], в которой репрезентировался образ жизни «типичной» русской семьи, обреченной в условиях советского режима стать частью бездушной «красной машины» [22]. Американцам постоянно напоминали о том, что русские («красные») постоянно наблюдают за ними и только ждут малейшего ослабления граждан США [23], поэтому бдительность требуется не только со стороны взрослых, но и подрастающего поколения, призванного продемонстрировать готовность организовать «детский крестовый поход» против коммунизма.

Необходимо отметить, что негативным санкциям подвергался не только тот медиаконтент (фильмы, музыкальные произведения, карикатуры и другие виды массовой культуры), который изображал «врага номер один» недостаточно критично, но и тот, в котором он показывался наиболее агрессивно. Как справедливо отметил А. Фатеев, эта тенденция обнаружила себя еще до смерти И. Сталина и была связана с модификацией «образа врага», снижением негативной экспрессии при его конструировании [24, с. 191–193] и нашла продолжение уже после XX съезда КПСС, когда формировался политико-идеологический климат «холодного потепления» [25, с. 755]. Происходила определенная модификация образов в сторону снижения негативной риторики, что стало проявлением «идеологического великодушия» к конкурирующей, капиталистической системе в условиях «разрядки». Как верно отметил И. Н. Лопаткин, на данном этапе «исчезли сравнения между политикой США и нацистской Германии. Агрессивный характер американской внешней политики выводился из особенностей капитализма, нуждающегося в постоянных военных заказах» [26, с. 199].

Сущность позитивных санкций заключалась в достижении стимулирующего, мотивационного эффекта двумя основными способами.

Во-первых, с помощью признаний заслуг, поощрений деятелей не только советской, но и зарубежной театрално-кинематографической, художественной, музыкальной культуры и искусства, спорта. Одной из высших наград в СССР в 1940–1955 гг. была Сталинская премия за выдающиеся достижения в области науки и техники, военных знаний, литературы и искусства. В 1949 г. была учреждена Международная Сталинская премия «За укрепления мира между народами». В 1952 г. она была присуждена афроамериканскому певцу П. Робсону, также получившему возможность осуществить публикацию в журнале «Советская музыка» [27]. Символом начинавшейся «оттепели» и «разрядки» явилось присуждение престижной премии американскому пианисту Вану Клиберну, ставшему победителем Международного конкурса им. Чайковского (1958 г.). В 1960 г. Международную Ленинскую премию «За укрепление мира между народами» получил американский промышленник И. Сайрус.

К числу позитивных санкций, например, в сфере кинематографии как наиболее репрезентативном виде массово-зрелищной культуры, можно отнести конкурсы с премированием за лучший киносценарий. В записке, составленной министром культуры СССР Н. А. Михайловым не позднее мая 1955 г., он просил о разрешении Министерству культуры СССР объявить конкурс на лучший киносценарий художественного фильма в связи с исполняющимся в октябре 1957 г. 40-летием Октябрьской революции, при подготовке которого исключительное значение придавалось показу «международного значения Великой Октябрьской социалистической революции, авангардной роли Советского Союза в борьбе за мир, демократию и социализм» [28, с. 416–417].

В то же время все это можно считать *синтезом форм контроля*, что активно практиковалось и противоположной стороной – в США. В работах одного из влиятельных руководителей американских спецслужб, директора ФБР Дж. Э. Гувера – «Люди в подполье» (1938), «Мастера обмана: история коммунизма в Америке и как с ним бороться» (1958) и «Изучение коммунизма» (1962) – осуществлялась тщательно продуманная интеграция негативных и позитивных санкций, при которой разоблачение и описание всех «ужасов коммунизма» было направлено на достижение положительного пропагандистского эффекта – поднятие имиджа Федерального бюро и самого Д. Гувера, вдохновлявшего личным примером простых американцев на служение нации, ее защиту от «красной угрозы». Проводилась последовательная дегуманизация образа врага в религиозном, культурно-цивилизационном, аксиологическом дискурсе. «Комму-

низм – это больше, чем просто экономическая, политическая, социальная или материалистическая доктрина. Это образ жизни, ложная материалистическая «религия». Он лишает человека веры в Бога, его наследия свободы, его веры в любовь, правосудие и милосердие. При коммунизме все становятся современными рабами», – отмечал автор [29, р. 6]. Коммунистический менталитет, разъярял Гувер, представлял собой «систематическую, целеустремленную и сознательную попытку разрушить Западную цивилизацию и опрокинуть историю до прежнего уровня развития, к возрасту варварской жестокости и деспотизма всех от имени “социального прогресса”» [29, р. 319]. В середине 1960-х гг. появилась брошюра Д. Нобеля «Коммунизм, гипнотизм и Битлз...», в которой мировая популярность музыкальной группы интерпретировалась в конспирологическом дискурсе Холодной войны, рассматривалась как попытка создать новую религию, дискредитирующую христианские и американские ценности, а значит, автоматически родственную коммунизму и подрывным идеям социальной революции [30].

Признание заслуг (в том числе в виде обнародования в «чужой» стране результатов творчества) «правильных» американцев, симпатизировавших СССР или «независимых» дружественных западных экспертов [31], а также подвергавшихся дискриминации в США категорий населения (например, в рамках расовой проблемы) выступало проявлением советского антиамериканизма. Это было апробировано еще до начала Холодной войны. Произведения зарубежных писателей, таких как Б. Шоу, Э. Людвиг, Г. Уэллс, Л. Фейхтвангер, фрагменты бесед с И. В. Сталиным [32] использовались для укрепления авторитета лидера советского государства и создания типовых образов, иллюстрирующих торжество коммунистической морали, демократии, при которой «рабочие, командиры Красной армии, студенты, молодые крестьянки – все в одной и тех же выражениях рассказывают о том, как счастлива их жизнь...» [33, с. 40].

Во-вторых, позитивные санкции выражались в создании пацифистского дискурса, атмосферы воодушевления, спокойствия и стабильности, уверенности в правоте, превосходстве над чужими (врагами), негативные образы которых не только не мешали, а наоборот, были призваны способствовать выходу на более высокий культурно-идеологический уровень [34]. Отмечалось, что «советский народ является могучим оплотом и авангардом всего прогрессивного человечества в борьбе за подлинную культуру и цивилизацию, против фашистских варваров, мракобесов и погромщиков, против поджигателей новой войны» [35, с. 45]. В создании подобного дискурса принимали участие многие партийные функционеры и близкие к власти литераторы, писатели и критики: А. Фадеев, В. Ермилов, Н. Грибачев,

А. Сурков, М. Шолохов, Б. Полевой, И. Эренбург, К. Симонов, Д. Заславский, которые (как и их американские коллеги, публицисты – упомянутый А. Гудфренд) успевали вносить вклад в создание не только негативных, но и позитивных санкций.

«Борьба за мир» в конце 1940 – начале 1950-х гг. становилась самостоятельным направлением общественной и литературной деятельности [16, 36], а также вместе с лингвистическо-коммуникационными средствами выступала важным методом контроля, разновидностью «мягкой силы», способом экспорта социализма как системы в культуре дружественных стран. Для координации усилий регулярно проводились совещания [37], составлялись обобщающие доклады, анализирующие совместные успехи в борьбе с американским империализмом. Не меньшее значение придавалось «институциональной организации советского миролюбия» [10, с. 20] – деятельности миротворческих организаций и обществ дружбы, особенно зарубежных, которые способствовали «срыву антисоветских провокаций, препятствовали консолидации враждебных СССР сил, тормозили интервенционистские приготовления» [38, с. 24], а также созданию положительного образа СССР. Американские друзья СССР, например, Э. Мус из Национального Совета американско-советской дружбы (National Council for American-Soviet Friendship) призвала сотрудников Всесоюзного общества по культурным связям с заграницей (ВОКС) обновить кинопропаганду фильмами, создающими более правдивый и положительный образ СССР, в котором «хорошо одетые люди ходят по магазинам в хорошо укомплектованных магазинах» [17, р. 79]. С 1949 г. началась деятельность СКЗМ – Советского комитета защиты мира, в 1961 г. был создан Советский фонд мира (СФМ).

В свою очередь, американские издания также стремились формировать встречные позитивные санкции с учетом национально-государственной специфики и менталитета. В 1955 г. появилось другое произведение упомянутого А. Гудфренда – иллюстрированный буклет «Моя Америка», изданный Информационным агентством США, направленный на создание воодушевляющего культурного эффекта, достигаемого в результате соприкосновения с сокровищницей американской мудрости. В брошюре были представлены изречения сорока одного выдающегося деятеля американского искусства, бизнеса, образования, науки [цит. по: 39, р. 3–4]. Так же, как и известный «Экранный гид» А. Рэнд 1950 г., согласно которому для противостояния «красной угрозе» кинопромышленники не должны позволять создавать фильмы, где бы очернялись материальная состоятельность, стремление к личной выгоде, успеху, независимости, дискредитировались политические институты США [40], эти же

принципы транслировались в массовой публицистике, рекламе.

Немалую роль в дрейфах к дегуманизации образа США в массовой культуре СССР играли локальные военно-политические события. Типичным примером является сборник Д. Асанова, опубликованный в связи с инцидентом в мае 1960 г., когда был сбит американский разведывательный самолет U-2. Сборник интересен и примечателен тем, что в нем были опубликованы как советские (фрагменты докладов и речей Н. С. Хрущева, А. А. Громыко с заголовками – «Это был бандитский полет», «Не играйте с огнем, господа!», «Провокаторы запутались!»), так и американские материалы, выдержки из интервью представителей «прогрессивной общественности» США – конгрессменов, финансистов, журналистов, признавших дипломатическую победу Хрущева и поражение США (сенатор Ф. Черч), получение СССР «колоссального психологического преимущества» (член палаты представителей Д. Фэссел). Примечательно, что в докладе Н. С. Хрущева вновь прозвучали опасные ассоциации: «Как расценивать его (вторжение американского самолета. – К. Ю.) – как предвестника войны, предвестника нападения, то есть повторения того, что было сделано в свое время Гитлером?» [41, с. 10, 112–115].

Не слишком нарушили весьма противоречивый климат «холодного потепления» проведенные в СССР и США выставки 1959 г., известные как «витрины» социализма и капитализма. Став кратковременным импульсом к сближению культур, показав общность интересов простых советских людей, которые, как и их лидер, достойны уважения (феномен «добраго Хрущева», письма американцев ему и его жене), выставка «продемонстрировала американцам преимущества их собственного образа жизни» [7, с. 236, 246]. Все это предопределило содержание дальнейшего публицистического контента США как с консервативных [42], так и с либеральных позиций, сохраняющего единый оборонительно-охранительный характер, демонстрирующего приверженность традиционалистской риторике.

В 1970-е гг. также продолжается медиация СССР как «протагониста-героя», противопоставляющего себя США, даже в период «разрядки» на культурном пространстве представляемых преемниками «политики агрессии» [43] в Индокитае, начатой при Д. Эйзенхауэре: «Каждый может видеть, что Никсон не оставил свою агрессивную политику, а постоянно стремился затянуть войну с помощью плана «вьетнамизации» и «доктрины Никсона» [44]. В 1970–1980-е гг. в публицистике ведущей темой для обсуждения становится модификация американской гегемонии. В частности, отмечалось, что «для осуществления своих имперских замыслов США применяют широкий комплекс средств, совершенствуют методы экономического наступления,

ставят дипломатию на службу транснациональных корпораций, облегчая им проникновение в жизненно важные сферы хозяйственной деятельности других стран... На реализацию всех этих замыслов направлена и подрывная стратегия «информационного империализма», в которой роль дирижера принадлежит американской пропаганде» [45, с. 14]. В другой брошюре США по существу публично объявлялись «преступником № 1». Утверждалось, что «Соединенные Штаты проводят террористические операции не только против отдельных лиц, но и против целых народов государств. Наемные армии ЦРУ ведут необъявленную войну против Никарагуа и Афганистана, поддерживают полпотовских террористов и бандитов УНИТА в Анголе...». И далее: «Только при Рейгане Соединенные штаты предприняли попытку оформить законодательное право на международный разбой» [46, с. 4, 6]. Подчеркивалось, что данные издания, выпущенные тиражами не менее 250 000 экз. были рассчитаны на массового читателя, подвергавшегося новой волне дегуманизации образа США.

Другим элементом системы контроля выступал религиозный фактор, дополнявший образ врага в лице США негативными оттенками. Антикоммунизм, – отмечал Н. А. Решетников, – являлся «главным элементом идеологии и политики современного буржуазного клерикализма» [47, с. 17]. Неоднократно указывалось, что «церковный тоталитаризм» в США выступает угрозой международной безопасности, поскольку американские и другие буржуазные клерикалы «...сеют атомную лихорадку, антикоммунистический психоз» [47, с. 292], вынашивают идею «тотального ядерного антикоммунистического похода» [48, с. 79].

Аналогично и в США помощник госсекретаря США Э. Барретт считал, что религиозные силы могут стать «величайшим врагом коммунизма». Под его руководством информационные программы США уделяли повышенное внимание «великой привлекательности благочестия по сравнению с безбожием» [49, р. 6]. В 1984 г. была опубликована известная книга Р. Конквеста «Что делать, когда придут русские?» [50], ставшая олицетворением имагологической дегуманизации, характерной для первой половины этого десятилетия как этапа Холодной войны. Так же, как и более ранние издания, она представляла собой *руководство к действию* против «средоточия зла в мире», всех, живущих в «тоталитарной тьме» и лишенных «радости познания Бога» [51].

Перестройка в СССР (1985–1991 гг.) вызвала изменения политического климата и повлияла на публицистический контент. Стал заметен дрейф к его более позитивному или нейтральному восприятию в США, произошел переход от «образа врага к образу партнёра» [52, с. 115]. По подсчетам Л. Б. Пойгиной, «количество

отрицательных оценок о действительности и действиях СССР на международной арене снизилось в газете («Нью Йорк Таймс». – К. Ю.) с 56% в 1982 г. до 26% в 1986 г. и 7–10% в 1987–90 гг.» [53, с. 140]. Культурным мостом, трамплином для коррекции образа СССР, стал так называемый «феномен Саманты Смит». Непродолжительная, но насыщенная миротворческая активность американской школьницы из штата Мэн, посетившей СССР и опубликовавшей с помощью родителей книгу «Путешествие в Советский Союз» [54], переведенную на несколько языков, вызвала огромный и позитивный медиарезонанс.

В СССР продолжали выходить научно-популярные издания – книги, брошюры, в частности из серии «Империализм: события, факты, документы», посвященные различным аспектам – кризису американской семьи [55], общества, искусства и культуры, агрессии НАТО как источника «империалистической реакции» [56, с. 124], тлетворному влиянию «вируса Запада» [57], «черного» эфира в СМИ [58], «голубого монстра» в спорте – спортивного телевидения как орудия буржуазной пропаганды, способствующего деградации, снижению общественной активности масс и представляющего «замаскированную апологию американского империализма» [59, с. 212]. «Элитарный авангардизм и коммерческая «массовая» звукопродукция, – отмечала Т. В. Чередниченко, – в идейном отношении взаимодействуют друг друга, по-разному приспособляя слушателей к жизни в контексте углубляющегося кризиса буржуазного общества [60, с. 174]. «Корни антигуманной сути творчества многих рок-исполнителей, – полагала Н. Корзун, – следует искать в самом характере нынешнего буржуазного, американского общества. Культ индивидуализма и вседозволенности, эксплуатация культуры, особенно масскультуры в качестве источника, наживы ведут к насаждению бездуховности, моральной деградации общества, что и составляет суть империализма» [61, с. 47]. Словосочетание «массовая культура» принципиально заключалось в кавычки. Подчеркивалось, что этот феномен является порождением сугубо капиталистического строя, выступает его ведущим идеологическим оружием, позволяющим манипулировать общественным сознанием. «Массовая культура» рассматривалась как «одно из проявлений политико-идеологической гегемонии крупнейшей державы капиталистического мира – Соединенных Штатов Америки» [62, с. 5].

В то же время прежнего наступательно-разоблачительного дискурса уже не было. Многие публицистические материалы сохраняли его лишь на волне инерции вторичного переиздания. В ряде работ откровенно утверждалось со ссылками на М. С. Горбачева, заявившего о том, что «судить о достоинствах той или иной

системы должна история» [63, с. 152; 64, с. 260–261], об объективной альтернативности развития национально-государственной культуры, не детерминированной социализмом как высшей и финальной точкой. «Вместе с тем процесс перехода от капитализма к социализму не может быть пока определен неким четким временным периодом, ибо и нынешний этап общего кризиса капитализма не несет с собой его абсолютного застоя. Он “допускает” удержание капитализмом конкретных экономических, военных, политических, иных позиций, а на каких-то участках даже возможность социального реванша, возвращения ранее утраченного» [65, с. 40]. Выражалась надежда, что «со временем американцы поймут все коварство подобной идеологической обработки их сознания» [59, с. 212]. «Словно ростки хрупкой зелени, всё здоровое, что есть в сегодняшней Америке, – писала О. Г. Кирьянова, – пробивается из-под железобетонной плиты буржуазного гнета, тянется к свету, к солнцу, невзирая на “смог” империалистических нравов» [55, с. 230]. Однако эти метафоры отражали уже не силу, а слабость социализма как общественной системы.

Все это нашло отражение и в массовой культуре, в которой был провозглашен, как например, в Польской Народной Республике, «кинематографический НЭП», когда директор киноотдела I программы телевидения Е. Ковальский так комментировал сложившуюся в 1986 г. ситуацию: «Мы вообще-то выполняем указаниям нашего первого секретаря – пусть люди смотрят развлечения, чем задают вопрос, почему нет мяса в магазинах. Для привлечения к программе «Дневник новостей», «Время», мы должны обязательно после «Дневника» показать аттракционный фильм». И далее: «Что касается показа американских фильмов, то мы не можем в новостях сначала ругать Рейгана, а потом показывать фильм США» [66, л. 57].

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что имагологическое конструирование было рассчитано на разный по хронологическому диапазону и степени интенсивности эффект воздействия на массовое сознание.

В одних случаях предусматривалось поддержание устойчивых имагологических ориентиров и конструкторов (упадок, деградация и порочность капитализма и его ценностей, разоблачение агрессивности империализма). Они распространялись на все виды массовой культуры (кинематограф, карикатуристику, фотографию, музыку, спорт и др.), содержание которой должно было развиваться в строго заданном направлении на протяжении всей Холодной войны. В других случаях негативные черты образа врага

усиливались или ослаблялись (опции дегуманизации (регуманизации) [22]) либо на отдельных этапах (начальной стадии, в период позднего сталинизма в СССР), либо в кризисные, острые фазы противостояния [13]. Использовались технологии «остенсии» – провоцирование «моральной паники», приводящей к изменению поведения и восприятия врага (чужого) под воздействием дополнительных оттенков его сущности [67, с. 54–57]. Она раскрывалась, конкретизировалась в предельно негативную сторону, например, в изданиях, освещающих публичные, показательные процессы, либо, напротив, проводились не менее интенсивная амортизация, смягчение негативного контента, устранение или модификация институциональных, медиа-акторов, перестававших быть актуальными и востребованными.

Так, например, в 1951 г. прекратила свое существование газета «Культура и жизнь», созданная в 1946 г. специально, чтобы усилить уровень идеологической работы. 4 марта 1957 г. сбыл организован Государственный комитет Совета Министров СССР по культурным связям с зарубежными странами (ГККС), председателем которого назначается Г. А. (или Ю. А. – Юрий) Жуков, ранее занимавший должность редактора газеты «Правда». В постановлении ГККС от 3 ноября 1958 г. «О ходе выполнения Соглашения между СССР и США в области культуры, техники и образования» предписывалось «поручить Главному управлению радиовещания, Совинформбюро, редакциям журналов «СССР» и газеты «Москву ньюз» вести систематическую пропаганду значения культурных контактов между СССР и США на основе правительственного соглашения, популяризировать наиболее значительные советские делегации и творческие коллективы, выезжающие в США...» [68, л. 130]. В это же время (1958 г.) Всесоюзное общество по культурным связям с заграницей (ВОКС) трансформируется в ССОД – Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. При этом Агитпроп был усилен еще одним ведомственным элементом – специальными комиссиями. В 1958–1961 гг. работала Комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей, в 1962–1966 гг. – Идеологическая комиссия при ЦК КПСС.

В США также политический дискурс, система контроля за ним никогда не оставались статичными. К 1960-м гг. был дисквалифицирован избыточно консервативный этический кодекс Хейса и принята рейтинговая система экспертизы медиапродукции, разработанная президентом Американской ассоциации кинокомпаний Д. Валенти. Позже прекратились заседания Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, началась встречная рефлексия и стратегия

по преодолению маккартизма как коммеморативной травмы, через неприятную процедуру «эксгумации» правды о политических преследованиях [20, р. 250]. При этом сложнее обстояло и обстоит дело с осмыслением сталинского «театра абсолютизма» [69, с. 34] и советского культурного пространства в целом.

Определенную роль в преодолении русофобии сыграла русская эмиграция и исходившая от нее литература, как газетная публицистика, так и результаты научно-популярных исследований центров советологии. В то же время, даже в период так называемого «культурного поворота» конца 1950–1960-х гг., образ «двух Америк», давно тиражируемый в СССР, пришел в тесное соприкосновение с релевантным образом «двух СССР» в США, основанным на восприятии Н. С. Хрущева, с одной стороны, как перспективного реформатора, инициатора десталинизации, с другой – как популиста-демагога, маскирующего экспансионистские претензии коммунистического режима мнимым демократизмом. Это составило основу для дальнейшей имагологической амбивалентности, продолжения «войны слов» и «войны идей» [19, р. XVII; 70, р. 38], идентичностей до самого завершения «холодной» эпохи.

Список литературы

1. Цветкова Н. А. Тридцать лет после открытия архивов: критический обзор истории и историографии «идеологической “холодной войны”» // Американский ежегодник. 2021. М. : ИВИ РАН, 2021. С. 314–336.
2. Репина Л. П. Память о событиях в измерениях пространства и времени // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 34–40. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-34-40>
3. Белов С. И. Политика памяти в России и за рубежом. СПб. : Межрегиональная общественная организация социально-гуманитарных научных исследований «Историческое сознание», 2020. 522 с.
4. Белошапка Н. В. Государство и культура в СССР: от Хрущева до Горбачева. Ижевск : Удмуртский государственный университет, 2012. 317 с.
5. Рябов О. В., Белов С. И., Давыдова О. С., Кубышкин А. И., Рябов О. А., Рябова Т. Б., Смирнов Д. Г., Спутницкая Н. Ю., Юдин К. А. «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны / под ред. О. В. Рябова. М. : Аспект Пресс, 2023. 400 с.
6. Давыдова О. С. Советская пресса 1965 г. об участии США в войне во Вьетнаме: специфика фотообраза врага // Метаморфозы истории. 2022. Вып. 25. URL: <https://history-metamorph.ru/s230861810023092-1-1/> (дата обращения: 19.03.2023).
7. Журавлёва В. И. Общее прошлое русских и американцев. Курс лекций. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2021. 618 с.
8. Нагорная О. С. Женщины в структурах советской культурной дипломатии холодной войны: пространства мобилизации и практики соучастия // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 2. С. 451–467.
9. Николаева Н. И. Советская пресса об американской культуре: от «холодной войны» до оттепели (1940–1960-е гг.) // СССР и США в XX веке: восприятие «другого» / отв. сост. Б. Физелер, Р. Магнусдоттир. М. : РОССПЭН, 2017. С. 60–69.
10. Раева Т. В. Советское движение за мир в послевоенной культурной дипломатии: институты, дискурсы, практики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17, № 2. С. 19–25.
11. Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник РУДН. Серия : История России. 2006. № 2 (6). С. 54–72.
12. Сондерс Ф. ЦРУ и мир искусств: культурный фронт Холодной войны. М. : Кучково поле, 2014. 414 с.
13. Трегубов Н. А. Аппарат партийного управления советской культурной дипломатией в годы Холодной войны // Управление в современных системах. 2018. № 4. С. 31–36.
14. Федоров А. В. Кинематограф в зеркале советской и российской кинокритики. М. : МО «Информация для всех», 2019. 310 с.
15. Хид Т., Кубышкин А. И. Армагеддон: сравнительное изображение ядерного конфликта между США и СССР в американском кино // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 5. С. 250–258.
16. Цыганов Д. М. Холодная война с «модернизмом»: международная сталинская премия в контексте западно-советских литературных взаимодействий периода позднего сталинизма // ROSSICA. Литературные связи и контакты. 2022. № 2. С. 191–268.
17. Magnusdottir R. Enemy Number One: The United States of America in Soviet Ideology and Propaganda, 1945–1959. N. Y. : Oxford University Press, 2019. 242 p.
18. Hixson W. L. Parting the Curtain: Propaganda, Culture and the Cold War. N. Y. : Palgrave Macmillan, 1997. 283 p.
19. Parry-Giles S. J. The rhetorical presidency, propaganda, and the Cold War, 1945–1955. Westport : Praeger Publishers, 2002. 264 p.
20. Doherty T. Cold War, cool medium: television, McCarthyism, and American culture. N. Y. : Columbia University Press, 2003. 305 p.
21. Goodfriend A. If You Were Born in Russia. Farrar : Straus, 1950. 192 p.
22. Riabov O. «Red Machine»: The Dehumanization of the Communist Enemy in American Cold War Cinema // Quaestio Rossica. 2020. Vol. 8, № 2. P. 536–550.
23. IVAN is watching you // Aviation Week. 1951. 26 February.
24. Фатеев А. В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М. : ИВИ РАН, 1999. 261 с.

25. Юдин К. А. Советская кинополитика второй половины 1950 – конца 1970-х годов // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 3. С. 752–773.
26. Лопаткин И. Н. Образ США в советской прессе периода «оттепели»: сравнительный анализ материалов послевоенных СМИ, периодики 1956–1964 гг. и современной прессы // Американистика на Дальнем Востоке / отв. ред. Д. В. Кузнецов. Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2021. С. 194–201.
27. Юдина А. М. «Джазовая дипломатия» США в 1950–1960-е гг.: из опыта использования американской «мягкой силы» в эпоху холодной войны // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2014. № 18. С. 95–105.
28. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. Документы / отв. ред. В. Ю. Афиани. М. : РОССПЭН, 2001. 808 с.
29. Hoover J. E. Masters of Deceit: The story of communism in America and how to fight it. N. Y. : Kessinger Publishing, 1958. 352 p.
30. Noebel D. Communism, Hypnotism and the Beatles: An Analysis of the Communist Use of Music, the Communist Master Music Plan. Tulsa: Christian crusade publication, 1965. 26 p.
31. Клод А. Куда идет американский империализм. М. : Издательство иностранной литературы, 1951. 308 с.
32. Сталин И. В. Беседа с английским писателем Г. Д. Уэллсом 23 июля 1934 г. // Большевик. 1934. № 17. С. 24–39.
33. Фейхтвангер Л. Москва 1937: отчет о поездке друзей. М. : Госполитиздат, 1937. 93 с.
34. Выше уровень идеологической работы // Культура и жизнь. 1946. 26 июня.
35. Каммари М. Великая творческая роль советского народа // Большевик. 1948. № 20. С. 37–48.
36. Муратова К. Д. Советские писатели в борьбе за мир: Краткая хроника событий (1948–1952) // Вопросы советской литературы : сборник статей. М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1953. Вып. 2. С. 351–368.
37. Информационное бюро коммунистических партий. Совещание (1949; Венгрия). Совещание Информационного бюро коммунистических партий в Венгрии во второй половине ноября 1949 года. М. : Госполитиздат, 1949. 104 с.
38. Иоффе А. Е. Деятельность зарубежных обществ дружбы с Советским Союзом // Вопросы истории. 1966. № 3. С. 15–30.
39. Belmonte L. Selling the American Way: U. S. Propaganda and the Cold War. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2008. 272 p.
40. Rand A. Screen Guide for Americans. Beverly Hills, CA : Motion Picture Alliance for the reservation of American Ideals, 1950. 24 p.
41. Правда о провокационном вторжении американского самолета в воздушное пространство СССР. Агрессоров к позорному столбу! / сост. Д. Асанов. М. : Издание Союза журналистов СССР, 1960. 191 с.
42. Goldwater B. The Conscience of a Conservative. Shepardsville, KY : Victor Publishing Co., 1960. 117 p.
43. США: преемственность политики агрессии // Правда. 1971. 29 июня.
44. Сербин А. Агрессор остается агрессором // Правда. 1971. 30 июня.
45. Видясова Л. Курсом гегемонизма и агрессии // Кровавые следы американского империализма / ред. Л. А. Кондарина. М. : Мысль, 1982. С. 3–21.
46. Вчера Вьетнам, Лаос, Кампучия. Сегодня Гренада, Ливан. Завтра... Преступления американского империализма / сост. Д. М. Погорельский. М. : Политиздат, 1985. 416 с.
47. Решетников Н. А. Клерикализм. М. : Мысль, 1965. 446 с.
48. Антикоммунизм – враг человечества / ред.-сост. : Азиз аль Хаж, Э. А. Араб-Оглы, Педро Мотта Лима, И. Т. Фролов ; под общ. ред. А. М. Румянцева. Прага : Мир и социализм, 1962. 435 с.
49. Religion and the Cold War / ed. by D. Kirby. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2003. 247 p.
50. Conquest R. What to do when the Russians come. A Survivors' Guide / Robert Conquest and Jon Manchip White. N. Y. : Stein and Day, 1984. 177 p.
51. Remarks at the Annual Convention of the National Association of Evangelicals in Orlando, FL, 1983 // Ronald Reagan Presidential Library and Museum. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/remarks-annual-convention-national-association-evangelicals-orlando-fl> (дата обращения: 19.03.2023).
52. Барабаш В. В., Бордюгов Г. А., Котеленец Е. А. Образы России в мире. Курс лекций. М. : Эльф ИПР, 2010. 296 с.
53. Пойгина Л. Б. Образ России на страницах «Нью-Йорк Таймс» в исторической ретроспективе и современности // Коммуникология. 2015. Т. 3, № 2. С. 135–146.
54. Смит С. Путешествие в Советский Союз. М. : Агентство печати «Новости», 1986. 127 с.
55. Кирьянова О. Г. Кризис американской семьи. М. : Педагогика, 1987. 240 с.
56. Ефремов А. Е. Куда тянутся щупальца НАТО. М. : Военное издательство, 1985. 127 с.
57. Родиченко В. С. Западный вирус: Что угрожает международному спорту. М. : Физкультура и спорт, 1988. 148 с.
58. Ярошенко В. Н. «Черный» эфир. Подрывная пропаганда в системе буржуазного внешнеполитического радиовещания. М. : Искусство, 1986. 207 с.
59. Гуськов С. И. Голубой монстр (Спортивное телевидение США на службе американского империализма). М. : Мысль, 1986. 222 с.
60. Чередниченко Т. В. Кризис общества – кризис искусства. Музыкальный «авангард» и поп-музыка в системе буржуазной идеологии. М. : Музыка, 1987. 191 с.
61. Корзун Н. Феномен массовой культуры // Идолы и идеалы / сост. И. А. Михайлов. М. : Педагогика, 1988. С. 9–48.

62. Смольская Е. П. «Массовая культура»: развлечение или политика? М. : Мысль, 1986. 142 с.
63. Горбачев М. С. Перестройка и новое политическое мышление для нашей страны и всего мира. М. : Политиздат, 1987. 270 с.
64. Климов Ю. М. Поколение кризиса или кризис поколения. М. : Мысль, 1988. 269 с.
65. Большаков В. В. Многоликая безработица. М. : Международные отношения, 1987. 251 с.
66. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2944. Государственный комитет Совета Министров СССР по кинематографии (Госкино СССР). Оп. 26. Д. 277.
67. Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи. Городские легенды и страхи в СССР. М. : НЛО, 2020. 536 с.
68. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Аппарат ЦК КПСС. Оп. 30. Д. 270.
69. Добренко Е. А. Визуальные стратегии репрезентации войны в советском «художественно-документальном» кино эпохи позднего сталинизма // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2015. № 4 (6). С. 28–46.
70. Cold-War Propaganda in the 1950's / ed. by Gary D. Rawnsley. N. Y. : Macmillan Press, 1999. 246 p.

Поступила в редакцию 13.03.2023; одобрена после рецензирования 21.03.2023; принята к публикации 30.06.2023
The article was submitted 13.03.2023; approved after reviewing 21.03.2023; accepted for publication 30.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 447–450
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 447–450
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-447-450>, EDN: JUUMXN

Научная статья
УДК 821.161.1.09(470.23-25)+929[Толстой+Богучарский]

Деятельность В. Я. Богучарского по созданию Музея имени Л. Н. Толстого в Санкт-Петербурге

В. В. Назаров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Балашовский институт (филиал), Россия, 412300, Саратовская область, г. Балашов, ул. Карла Маркса, д. 29

Назаров Владилен Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, nw7575@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8666-2899>, AuthorID: 392132

Аннотация. В статье рассматривается участие дореволюционного историка, публициста и общественного деятеля В. Я. Богучарского в создании Дома-музея Л. Н. Толстого в Санкт-Петербурге. Это событие было приурочено к 80-летию юбилею великого русского писателя.

Ключевые слова: В. Я. Богучарский, Л. Н. Толстой, музей, Санкт-Петербург, Первый Всероссийский съезд печати

Для цитирования: Назаров В. В. Деятельность В. Я. Богучарского по созданию Музея имени Л. Н. Толстого в Санкт-Петербурге // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 447–450. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-447-450>, EDN: JUUMXN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

V. Ya. Bogucharsky's activity on the creation of the L. N. Tolstoy Museum in St. Petersburg

V. V. Nazarov

Saratov State University, Balashovsky Institute (branch), 29 Karl Marx St., Balashov, Saratov region 412300, Russia

Vladilen V. Nazarov, nw7575@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8666-2899>, AuthorID: 392132

Abstract. The article examines the participation of the pre-revolutionary historian, publicist and public figure V. Ya. Bogucharsky in the creation of the Leo Tolstoy Museum in St. Petersburg. This event was timed to coincide with the eightieth anniversary of the great Russian writer.

Keywords: V. Ya. Bogucharsky, L. N. Tolstoy, museum, St. Petersburg, the First All-Russian Congress of the Press

For citation: Nazarov V. V. V. Ya. Bogucharsky's activity on the creation of the L. N. Tolstoy Museum in St. Petersburg. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 447–450 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-447-450>, EDN: JUUMXN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Василий Яковлевич Богучарский (1860–1915) принадлежит к числу известных дореволюционных общественных деятелей, публицистов и историков, специализировавшихся на истории революционного движения и общественной мысли в России [1–4]. Значимым событием его жизни стало активное участие в создании Дома-музея Л. Н. Толстого в Санкт-Петербурге.

В 1908 г. Лев Николаевич отмечал свой 80-летний юбилей. Сам писатель обратился к общественности с просьбой не проводить никаких торжественных мероприятий. Тем не менее такое важное для русской культуры событие не могло остаться незамеченным. Во всех российских периодических изданиях, включая выходявший

под редакцией В. Я. Богучарского журнал «Минувшие годы», юбилей Толстого получил широкое освещение. В процессе подготовки юбилейного номера были собраны воспоминания, заметки разных лиц, общавшихся с писателем, статьи о его жизни и творчестве. Богучарский опубликовал статью «Чем ознаменован? Дом-музей им. Л. Н. Толстого в Петербурге» [цит. по: 5, с. 209].

Идея открытия литературного музея великого русского писателя впервые была выдвинута в июле 1908 г. на Первом Всероссийском съезде печати. Представители образованной части российского общества в такой форме хотели выразить свою благодарность Толстому и сохранить память о нем для потомков [6, 7].

В. Я. Богучарский выступил на съезде со специальным докладом «Литературный Дом-музей им. Л. Н. Толстого в Петербурге», опубликованном затем в журнале «Минувшие годы» и вышедшем отдельной брошюрой. Докладчик призвал использовать зарубежный опыт создания подобного рода учреждений и предложил конкретные меры по реализации этого проекта: при непосредственном участии различных периодических изданий осуществить сбор средств на создание музея Толстого. По мнению Богучарского, музей был призван не только аккумулировать все созданные Львом Николаевичем произведения и написанное о нем другими авторами, но и сплотить вокруг себя ученых и литераторов, стать научно-исследовательским центром [8, 9].

Резолюция съезда, принятая по докладу Василия Яковлевича, гласила: «Съезд выражает пожелание соорудить в Петербурге литературный Дом-музей Л. Н. Толстого и <...> открыть повсеместный сбор с тем, чтобы собранные суммы были централизованы в руках общества им. Л. Н. Толстого, а до его утверждения в руках имеющего быть избранным на съезде взамен временного бюро постоянного комитета» [9, с. 308].

Съездом был избран «Временный комитет по устройству Дома-музея имени Л. Н. Толстого в Петербурге», начавший свою работу осенью 1908 г. Одна из четырех комиссий этого комитета стала основой Общества Толстовского музея. В совет Общества вошли видные общественные деятели, писатели и ученые: М. М. Ковалевский (председатель), В. Г. Короленко, С. А. Венгеров, И. Л. Гинцбург, В. И. Срезневский, В. Д. Бонч-Бруевич и др. Музей создавался исключительно на частные пожертвования. Во многих столичных и провинциальных периодических изданиях были опубликованы призывы к сотрудничеству, обращенные к артистам и художникам, подписанные В. Н. Давыдовым, Г. Г. Ге, Н. Н. Ходотовым, М. Малышевым, А. Денисовым-Уральским и др. Это был результат активной деятельности В. Я. Богучарского. Историк записал в своем дневнике: «Вообще, относительно музея я постарался. Это я не только подстрекнул Ходотова к такому выступлению, но и сам написал ему это письмо. Я же написал письмо и в редакцию, которое подписали художники Малышев и Денисов-Уральский <...> Музею пожертвовал Репин свою картину Толстого с его дочерью – Александрой Львовной за игрой на рояле <...> Она пока находится у меня» [10, л. 224 об., 227].

Толстовский комитет начал свою деятельность со сбора российских и зарубежных периодических изданий, в которых были опубликованы материалы, посвященные юбилею Л. Н. Толстого. Газеты и журналы поступали в редакцию журнала «Минувшие годы» из Германии, Дании, Великобритании.

В. Я. Богучарский обратился к известному общественному деятелю, публицисту, круп-

нейшему биографу, другу и последователю Л. Н. Толстого П. И. Бирюкову с просьбой о содействии в создании Дома-музея. Бирюков поддержал эту инициативу, передал в музей личный архив и предложил свой вариант его организации. По его мнению, Дом-музей должен был состоять из четырех разделов: первый включал в себя фотографии, бюсты, портреты, личные вещи писателя, второй – произведения Толстого, его рукописи, письма, третий – труды о великом писателе, книги, библиографию, биографии, четвертый – историю толстовства (колонии, секты, иностранные клубы и кружки). Предложения Бирюкова были приняты во внимание создателями музея.

В процессе организации музея приходилось сталкиваться с различными трудностями, самая большая из которых состояла в отсутствии специального помещения. В сложившихся условиях решено было обратиться за помощью к Академии наук, которая взяла музей под свое покровительство. Особую роль в этом сыграл академик А. А. Шахматов [11, л. 1].

Общественность с большим энтузиазмом откликнулась на призыв о создании Дома-музея Толстого. Инициатива нашла отклик в самых широких слоях населения. В фонд музея поступали денежные средства от представителей всех сословий России. В первые недели работы комитета было собрано около 2 тыс. руб. Богучарский отметил в своем дневнике, что «сумма эта составлялась в большей своей части из самых мелких взносов крестьян, рабочих, служащих в различных учреждениях и пр. Взносы были в 15, 10, 5 и даже 3 копейки» [11, л. 1].

В Петербурге была организована первая Толстовская выставка, ставшая ядром, вокруг которого образовался музей. Выставка состояла из пяти отделов: художественного, литературного, биографического, педагогического, юбилейного. Ее подготовка потребовала усилий многих людей: Богучарскому было поручено связаться с Ф. Ф. Фидлером и А. С. Пругавиным и согласовать с библиотекой Академии наук возможность экспонировать на ее базе книги Толстого и литературу о нем; Стахович должен был получить разрешение на проведение выставки; подготовкой литературы о писателе занимались К. А. Арабажин, С. А. Венгеров, В. Д. Бонч-Бруевич. Последний редактировал «Известия Общества Толстовского музея», провел огромную работу по созданию музея, распространению и изданию произведений писателя, литературы о нем. Богучарский и Бонч-Бруевич были давними знакомыми, ранее сотрудничали в «Былом», «Искре», «Заре». Совместная деятельность по созданию Толстовского музея способствовала их дальнейшему сближению.

В марте 1909 г. в залах Театрального клуба была открыта «Выставка для устройства Музея

имени Л. Н. Толстого в Петербурге», которая стала ярким событием в культурной жизни страны. Всего на ней было представлено 826 экспонатов: рукописи произведений писателя, произведения изобразительного искусства, книги, периодические издания. Выставку посетили свыше 5 тыс. человек. Было собрано порядка 700 руб., поступивших в фонд по созданию музея, значительное количество предметов, переданных в дар посетителями выставки.

После закрытия выставки «Временный комитет по устройству Дома-музея имени Л. Н. Толстого в Петербурге» был преобразован в «Общество для устройства Дома-музея им. Л. Н. Толстого». В. Я. Богучарский был избран его секретарем. В составленном им отчете о работе Общества отмечалась необходимость постройки собственного помещения [12].

Активное участие В. Я. Богучарского в создании Музея им. Л. Н. Толстого было ограничено его арестом, последовавшим 27 ноября 1909 г. по сфабрикованному обвинению в хранении секретных документов Департамента полиции и переписке с политическим эмигрантом В. Л. Бурцевым. Василий Яковлевич очень сожалел, что ему не удалось поработать в Толстовском обществе и рекомендовал на должность секретаря В. Я. Муринова как «человека практичного, дельного, и очень преданного идее устройства толстовского музея» [5, с. 217].

31 декабря 1909 г. Богучарский был освобожден из-под ареста и вскоре уехал в Болгарию. На Балканах он занимался сбором исторических материалов для своих научных исследований, осуществлял культурно-просветительскую деятельность, способствующую созданию Дома-музея Л. Н. Толстого. 14 ноября 1910 г. по предложению болгарского писателя Петко Тодорова, с которым Богучарский установил тесные отношения, был организован вечер памяти Толстого, в котором, наряду с Петко Тодоровым, приняли участие поэт Пенчо Славейков и сербский писатель Дучич. Василий Яковлевич отметил в своем дневнике: «Вечер прошел очень удачно. Происходил в самой большой аудитории, но и она не могла вместить всех желающих слушать. <...> Впустили 400 человек и собрали таким образом в пользу музея Толстого 200 франков. Речи всех говоривших решено издать отдельной книгой, сбор от продажи которой пойдет в пользу музея. Говорят, что моя речь была и по содержанию, и по форме очень удачна» [10, л. 5].

Помимо Софии, где Богучарский предполагал создать группу содействия созданию Дома-музея Толстого, он обратился к своим знакомым, жившим в Румынии, Италии, Германии, с просьбой распространить информацию о музее. Богучарский написал специальное письмо жившему в Италии народнику-эмигранту Г. А. Лопатину: «Вы знаете, что еще по случаю 80-летия

Толстого решено устроить Дом-музей имени великого писателя, для чего тогда же образовалось в Петербурге особое Общество. Мне пишут, чтобы я собрал для музея все издания, вышедшие на Балканах со статьями о Толстом (по поводу его смерти). Я это делаю по возможности и сам, и поместил сверх того о высылке таких изданий в болгарских, сербских и хорватских газетах письмо. Так вот, сделайте, пожалуйста, то же по отношению к изданиям итальянским. Попросите Амфитеатровых поместить в итальянских газетах письмо» [13, л. 18 об.–19]. Лопатин передал просьбу А. В. Амфитеатрову и сам написал письма в некоторые итальянские газеты. Находясь за границей, Богучарский оставался в курсе всех дел, связанных с организацией музея и принятыми Обществом решений.

27 марта 1911 г. в Санкт-Петербурге торжественно открылся Толстовский музей. Двухлетние усилия его организаторов в конечном счете увенчались успехом. В первые годы существования далеко не все в новом учреждении было идеально: временное наемное помещение на Васильевском острове, неполнота коллекций, отсутствие каталога периодических изданий и книг. К сожалению, сам виновник этого события не дождался до него несколько месяцев: 7 ноября 1910 г. Лев Николаевич скончался на станции Астапово Рязано-Уральской железной дороги (ныне – поселок Лев Толстой Липецкой области), в доме ее начальника Ивана Ивановича Озолина.

Наряду с другими организаторами В. Я. Богучарский был заочно избран в Совет музея. В день открытия историку была направлена приветственная телеграмма. В январе 1913 г. В. И. Срезневский, приветствуя возвращение Богучарского в Петербург, писал ему: «Всею душой радуюсь за Толстовский музей. Уверен, что Вы снова, как и в прежние годы, внесете оживление в нашу среду и пробудите нас к деятельности» [14].

Судьба Дома-музея имени Л. Н. Толстого в Санкт-Петербурге неотделима от судьбы России. Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война прервала собирательскую и научную деятельность музея. Затем последовали революционные потрясения 1917 г. Нехватка средств, отсутствие многих членов Общества, высокая вероятность гибели коллекции музея в условиях гражданской войны заставили членов Общества обратиться за помощью в Академии наук. 3 мая 1919 г. при активном содействии академика А. А. Шахматова Академия наук включила коллекцию музея в свой состав. 10 апреля 1919 г. Толстовское общество в Санкт-Петербурге прекратило свое существование. С 1929 г. по настоящее время музей Л. Н. Толстого в Петербурге существует как отдел Литературного музея Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР (РАН) и является одним из центров хранения

документального наследия и научного исследования творчества выдающегося российского писателя [15].

Таким образом, В. Я. Богучарский отдал много времени и сил для реализации данного проекта. Он сумел увлечь этой идеей многих выдающихся современников: писателей, ученых, художников, общественных деятелей. Сам историк активно участвовал в сборе средств на открытие музея и экспонатов для него. Важную роль сыграл публицистический талант Богучарского. Участие в создании Дома-музея Л. Н. Толстого в Санкт-Петербурге представляет собой одну из наиболее ярких страниц его жизни.

Список литературы

1. *Искра Л. М., Карпачев М. Д.* В. Я. Яковлев-Богучарский (к истории жизни и деятельности) // Вопросы отечественной и всеобщей истории в трудах русских историков XIX – начала XX века: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. В. И. Чесноков. Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1983. С. 44–54.
2. *Искра Л. М.* Яковлев-Богучарский Василий Яковлевич // Историки России. Биографии / сост., отв. ред. А. А. Чернобаев. М. : РОССПЭН, 2001. С. 386–394.
3. *Искра Л. М.* Историк из города Богучара // Русская провинция. Записки краеведов / под ред. Р. В. Андреевой. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1992. С. 95–108.
4. *Шумейко М. Ф.* К научной биографии В. Я. Богучарского // Археографический ежегодник за 1980 год / отв. ред. С. О. Шмидт. М. : Наука, 1981. С. 226–236.
5. *Шумейко М. Ф.* Из истории выявления и собирания документов революционного движения в России второй половины XIX – начала XX в. (по материалам архива В. Я. Богучарского) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. 258 с.
6. *Г. Л. И.* Первый Всероссийский съезд представителей печати // Исторический вестник. Историко-литературный журнал / ред. С. Н. Шубинский. 1908. № 8. С. 728–735.
7. *Петровицкая И. В.* «Толстовский» съезд русских журналистов. 1908 год // Из истории русской литературы и журналистики : Ежегодник / под общ. ред. И. В. Петровицкой, И. Е. Прохоровой. М. : Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2009. С. 23–25.
8. *Богучарский В. Я.* Литературный дом-музей им. Л. Н. Толстого в Санкт-Петербурге. Доклад первому Всероссийскому съезду печати. СПб. : Типолитография «Энергия», 1908. 9 с.
9. *Богучарский В. Я.* Литературный дом-музей им. Л. Н. Толстого в Санкт-Петербурге. Доклад первому Всероссийскому съезду печати // Минувшие годы. Журнал, посвященный истории и литературе / ред. В. Я. Богучарский, П. Е. Щёголев. 1908. № 7. С. 303–311.
10. Российский государственный архив литературы и искусств (далее – РГАЛИ). Ф. 1696 (Яковлев-Богучарский В. Я.). Оп. 1. Д. 39.
11. РГАЛИ. Ф. 1696. Оп. 1. Д. 49.
12. *Богучарский В.* Культурно-национальное дело (Дом-музей им. Л. Н. Толстого в Петербурге) // Вестник Европы / ред. М. М. Стасюлевич. 1909. № 9. С. 357–365.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9104 (Лопатин Г. А.). Оп. 1. Д. 18.
14. Отдел рукописных фондов Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля (Государственный литературный музей) (ОРФ ГЛМ). Ф. 2 (Яковлев-Богучарский В. Я.). Оп. 1. Ед. хр. 40.
15. *Мастеница Е. Н.* Забытые страницы истории петербургских музеев. Толстовский музей в Петербурге – Петрограде-Ленинграде // Труды Государственного музея истории Санкт – Петербурга. Вып. 2 : От Музея старого Петербурга к Государственному музею истории Санкт-Петербурга: Исследования и материалы / сост. В. А. Фролов. СПб. : Государственный музей истории Санкт-Петербурга, 1997. С. 187–198.

Поступила в редакцию 02.05.2023; одобрена после рецензирования 04.06.2023; принята к публикации 30.06.2023
The article was submitted 02.05.2023; approved after reviewing 04.06.2023; accepted for publication 30.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 451–458
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 451–458
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-451-458>, EDN: EKPБZА

Научная статья
УДК 331.107.3(47+57)|192|

Становление народного контроля в Советской России: социально-политическая практика

В. А. Митрохин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Митрохин Владимир Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук, MitrokhinVA@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3067-0489>, AuthorID: 385312

Аннотация. В статье исследуется деятельность органов власти РСФСР в направлении поиска оптимальной модели организации контроля в обществе советского типа в начале 20-х гг. XX в. На материале архивных источников проанализированы приемы и методы, прямо или косвенно связанные с вовлечением трудящихся в работу Рабоче-Крестьянской инспекции и выстраиванием всей системы функционирования этого контрольного ведомства. Также показано, каким образом подобная практика согласовывалась с курсом РКП (б) и Советского правительства на привлечение граждан к управлению государством в условиях нарастающих внутрипартийных противоречий.

Ключевые слова: Советская власть, социалистическая демократия, контроль, ревизия, Рабкрин, госаппарат

Для цитирования: Митрохин В. А. Становление народного контроля в Советской России: социально-политическая практика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 451–458. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-451-458>, EDN: EKPБZА

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Establishment of people's control in Soviet Russia: Social and political practice

V. A. Mitrokhin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vladimir A. Mitrokhin, MitrokhinVA@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3067-0489>, AuthorID: 385312

Abstract. The article examines the activities of the RSFSR (Russian Soviet Federative Socialist Republic) authorities in the search for the optimal model of organization of control in the Soviet-type society in the early 1920s. The methods and techniques directly or indirectly related to the involvement of workers in the work of the Workers' and Peasants' Inspectorate and the construction of the whole system of functioning of this control agency are analyzed on the material of archival sources. It is also shown how this practice was coordinated with the course of the Russian Communist Party (Bolsheviks) and the Soviet government on the involvement of citizens in the management of the state in the conditions of growing inner-party contradictions.

Keywords: Soviet power, socialist democracy, control, revision, Workers' and Peasants' Inspectorate, government apparatus

For citation: Mitrokhin V. A. Establishment of people's control in Soviet Russia: Social and political practice. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 451–458 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-451-458>, EDN: EKPБZА

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Важнейшим направлением работы в условиях радикальной трансформации российского общества и преодолению системного кризиса в 1917 г. стало формирование институтов хозяйственно-экономического контроля за производством и распределением.

Ленинские идеи об учете и контроле, вовлечении в эту управленческую деятельность трудового народа нашли свое нормативное отражение в одном из первых декретов советской власти –

«Положении о рабочем контроле» от 14 ноября 1917 г.

Само по себе введение рабочего контроля над производством и распределением товаров и финансовой стороной деятельности предприятия обосновывалось интересами «планомерного регулирования народного хозяйства», поддержания порядка, дисциплины и охраны имущества. Организационно рабочий контроль представлял собой централизованную систему выборных органов, при этом функции низовых звеньев выполняли за-

водские и фабричные комитеты, советы старост. Их решения имели обязательную силу для владельцев предприятий и учреждений всех форм собственности [1, л. 9].

Тема формирования системы контроля за мерой труда и потребления получила последующее развитие в создании Центральной контрольной комиссии. Декрет об ее образовании за подписью главы Совнаркома В. И. Ленина был издан 18 (31) января 1918 г. Также были созданы учетно-контрольные коллегии местных Советов и выборные контрольные комиссии в учреждениях и на предприятиях. По сути это были первые шаги в направлении создания единых органов контроля Советского государства с непосредственным участием в них трудящихся. Такой подход («орбачивания» и «окрестьянивания») нашел свое дальнейшее развитие в создании Рабоче-Крестьянской инспекции (РКИ) и преобразовании существовавшего наркомата государственного контроля.

Следует отметить, что на первых порах инспекция формировалась как форма общественного контроля. И если первые ее ячейки появились в 1919 г., то в 1920 г. только в Москве более 300 фабрик и заводов создали подобные структуры, объединившие более 50 тыс. чел. [2, с. 51].

Вопрос «организационного оформления» народной инициативы был предметом дискуссии и полемики в руководстве правящей партии.

К началу 1920 г. было подготовлено несколько проектов положений РКИ. В фондах РГАНИ сохранилась интересная переписка В. И. Ленина и И. В. Сталина, в которой обсуждались различные аспекты привлечения трудящихся к управлению государством и организации РКИ [3, л. 18]. В. И. Ленин предложил имевшие место проекты соединить в один, подчеркивая «исключительную важность» приобщения людей к различным формам контрольной деятельности «смотря по степени развития участников». Глава государства считал, что «особое внимание следует обратить (и сугубо точными правилами обставить) на учёт продуктов, товаров, складов, орудий, материалов, топлива» [3, л. 18].

Принципиальное значение имела координация деятельности органов государственного контроля и зарождающейся РКИ. С точки зрения вождя для начала необходимо «создать отдел РКИ при Госконе», а затем постепенно внедрить его сотрудников «во все отделы Госкона» [3, л. 18]. Широкие права, предоставляемые структурам РКИ, просматриваются по архивным материалам подготовки вопроса «О рабочей инспекции» к заседанию Политбюро ЦК РКП (б). В резолюции, предложенной В. И. Лениным, указано, что Рабочая инспекция имеет право просматривать протоколы, бухгалтерские книги, документы делопроизводства, производить выемку документов (за исключением секретных отделов военного ведомства) [3, л. 15]. При обследовании советских

учреждений Рабочей инспекции было предоставлено право привлекать в качестве специалистов сотрудников госконтроля и других комиссариатов. Во избежание параллелизма госконтроль обязан был извещать о своих планах руководство Рабочей инспекции.

23 января 1920 г. Политбюро ЦК РКП (б) поддержало ленинскую резолюцию. В п. 3 выписки из протокола особо отмечено, что Рабоче-Крестьянскую инспекцию необходимо «всячески развивать, усиливать, расширять, направляя работу к «орбачиванию» и «окрестьяниванию» Госкона» [3, л. 13].

В планах председателя Совнаркома В. И. Ленина было энергичное привлечение РКИ к работе правительства Советской республики. В одном из писем И. В. Сталину, возглавившему в феврале 1920 г. НК РКИ, он пишет: «Нужны помощники. Одного аппарата управделами СНК мало, а увеличивать его нерационально. Я выразил мысль, что надо использовать для сего (проверка исполнения, надзор за низами наркоматов) Рабкрин. Хочу знать, одобрите ли Вы? Если да, нужно письменное соглашение Ваше с замами. В выработке этого соглашения я бы хотел принять участие» [3, л. 96]. Особое внимание В. И. Ленин уделял подбору кадров. В том же письме он указывает на необходимость «выработки людей, путём испытания на практических поручениях, безусловно надёжных, умеющих быстро и безусловно добиваться исполнения... именно они будут осуществлять фактическое привлечение беспартийных рабочих и крестьян» [3, л. 96, 97].

Сама идея превращения РКИ в орган контроля довольно скоро получила поддержку и одобрение со стороны этой командной структуры. 7 февраля 1920 г. ВЦИК утвердил декрет об образовании Народного комиссариата Рабоче-Крестьянской инспекции. Перед новой структурой, ставшей своеобразным развитием общественной инициативы, были поставлены задачи охраны социалистической собственности, координации и направления деятельности контрольных органов, совершенствования государственного аппарата. В декрете особо указывалось на необходимость вовлечения в работу рабочих и крестьян, превращения формального государственного контроля в орган действительно «народного социалистического контроля» и тем самым совершенствования и укрепления Советской власти.

Наряду с этим наркомату РКИ вменялись следующие обязанности: борьба с бюрократизмом и волокитой в советских учреждениях; осуществление контроля путем проведения летучих ревизий и обследования всех органов Советской власти как в области административного управления, так и в области хозяйственной; наблюдение за исполнением декретов и постановлений Советской власти, организацией работы с обращениями граждан в государственные учреждения; представление на рассмотрение центральной

и местной властей конкретных предложений, выработанных по результатам контроля, об упрощении аппарата Советской власти, упразднении параллелизма в работе, бесхозяйственности и канцелярской волокиты [4, л. 17].

О масштабах деятельности Рабкрина в тот период можно судить по отчету о деятельности НК РКИ, сохранившемуся в архивных фондах РГАНИ.

Общая численность личного состава органов РКИ на 1-е июля 1921 г. составляла 34 тыс. чел., которые были объединены в более чем 900 организаций [3, л. 34]. Распределение органов РКИ РФ (инспекций) по категориям выглядело следующим образом: центральные – 13, наркоматы договорных и автономных республик – 10, областные – 10, губернские – 73, уездные и кантонные – 523, районные – 49, продовольственные – 28, железнодорожные и водные – 27, горные – 17, волостные – 167.

За первое полугодие 1921 г. через РКИ прошло около 90 тыс. рабочих и крестьян. Из них в качестве выборных представителей – 15 тыс. чел., в качестве членов ячеек содействия – 45 тыс. чел., участников массовых обследований – 25 тыс. чел. Ячеек содействия по стране насчитывалось до 12 тыс., из которых 65% – заводских, 23% – волостных, 10% – военных [3, л. 34, 36].

Граждане, делегированные для участия в РКИ, подразделялись на несколько категорий: постоянных сотрудников, фактических контролеров, исполнявших те или иные поручения Народного Комиссариата, заведующих отделами в центре и на местах, а также практикантов, наблюдавших за ходом работ в советских учреждениях, в особенности в общественных столовых, банях и т. п. В ее структуре выделялись коллективные образования – группы и ячейки содействия РКИ.

Для осуществления отдельных административно-хозяйственных ревизий на предприятиях РКИ использовала ресурсы и помощь ячеек профсоюзов, не создавая своих постоянных органов. Как отмечалось в резолюции X съезда РКП (б), контроль и наблюдение союзов за деятельностью хозяйственных органов, осуществляемые через экономические отделы, должны были носить инспекционный характер не только в целях улучшения, но и для непосредственного приобщения и вовлечения широких слоев рабочих в дело хозяйственного строительства и управления производством.

Таким образом, РКИ стала единым органом социалистического контроля, имела централизованную структуру, во главе которой находился Народный Комиссариат. Ее членом мог стать любой трудящийся, обладавший избирательным правом по Конституции РСФСР 1918 г.

18 августа 1921 г. ВЦИК издал Декрет «Об усилении деятельности Рабоче-Крестьянской инспекции», в котором говорилось о том, что

на Рабоче-Крестьянскую инспекцию возлагаются более ответственные задачи. От всех органов РКИ требовалось исключительное напряжение сил в деле содействия росту экономической мощи страны. В связи с этим в обязанности всех органов советской власти вменялось оказание инспекции широкой поддержки в процессе реализации ее функций. Одновременно с этим губернские исполнительные комитеты должны были строго следить за тем, чтобы инспекционная и ревизионная деятельность Наркомата РКИ и его местных органов сохраняла полную независимость и активность [5, л. 4].

Уточнение и расширение правового статуса РКИ произошли с принятием Положения о Народном Комиссариате Рабоче-Крестьянской инспекции от 9 января 1922 г., в котором более полно раскрывались задачи Наркомата РКИ, закреплялись права РКИ, подробно освещалась ее структура.

Спустя два месяца, 16 марта 1922 г. был принят еще один Декрет ВЦИК «О Народном Комиссариате Рабоче-Крестьянской инспекции», целью которого стало разъяснение норм, содержащихся в предыдущем документе, и, в частности, констатировалось, что Народный Комиссариат Рабоче-Крестьянской инспекции осуществляет последующий и фактический контроль всех денежных и материальных средств, отпускаемых и кредитруемых всем, без исключения, государственным, общественным, частным и смешанного типа организациям, учреждениям и предприятиям [5, л. 37]. Обилие нормативных актов, регламентировавших правовой статус Рабоче-Крестьянской инспекции, к сожалению, не смогло компенсировать организационно-институциональные недостатки и слабую эффективность работы РКИ.

Следует отметить, что критика организационных основ и самой деятельности РКИ не стихала с момента ее появления, что зачастую являлось отражением непростых межличностных отношений и межфракционной борьбы внутри партии. Примером может служить постоянное противостояние И. В. Сталина и Л. Д. Троцкого по вопросам деятельности РКИ.

4 октября 1920 г. Л. Д. Троцкий выступил с обращением ко всем членам ЦК РКП (б) и наркомам, в котором подверг жесткой критике работу РКИ и отчет этого ведомства за прошедшие месяцы 1920 г. Автор обращения в категоричной форме потребовал ревизии инспекции «сверху до низу» [6, л. 1].

В РГАСПИ сохранилось ответное письмо И. В. Сталина от 7 октября 1920 г., также адресованное руководителям страны. В нем Нарком РКИ частично соглашается с Троцким, в том числе с его критикой ряда некорректных формулировок в отчете. Не вызвала у Сталина особого неприятия и идея провести тотальную ревизию организации. Вместе с тем глава комиссариата напоминает, что «последняя сессия ВЦИК не нашла оснований для

ревизии и отклонила это предложение громадным большинством» [6, л. 1].

Свое обращение к однопартийцам И. В. Сталин завершает формулировкой: «Тов. Троцкому хочется взять реванш...» [6, л. 1].

Проблема эффективности РКИ как управляющей структуры сохраняла свою актуальность и остроту на протяжении 1921–1922 гг. В одном из документов, датированных 1922 г., указано на бросающееся в глаза несоответствие заявлений партийных функционеров об успехах РКИ и действительного положения дел – «декларативные положения о массовом привлечении рабочих и крестьян остаются на бумаге... Большинство учреждений инспекции заполнены старыми чиновниками, специалистами в старой ревизионной работе по защите коммерческого, а не государственного интереса... они являются полными невеждами и профанами, косной, беспринципной, озлобленной массой, чуждой пониманию происходящего» [3, л. 23].

Трудности в организации и деятельности народного контроля видны на примере Сибири. Известно, что привлечение трудящихся к контрольной деятельности в начале 1920-х гг. осуществлялось через институт делегирования и ячейки содействия РКИ. В Сибири подобные ячейки начали создаваться во второй половине 1920 г. Уже на первых порах Томская РКИ организовала на заводах и в учреждениях 62 ячейки. В Енисейской области к декабрю 1920 г. организовалось 115 ячеек общей численностью 345 человек. 132 ячейки содействия РКИ были созданы за этот период в Омской области.

По подсчетам сибирских историков к началу 1921 г. в этих областях существовало около 400 ячеек содействия [7, с. 73]. Однако, несмотря на внушительную цифру, большинство из них бездействовали. Причины были разные: отсутствие ясного понимания задач, прав и обязанностей, слабая связь с местными РКИ, недостаточная общеобразовательная подготовка активистов и т. д.

Ситуация еще более осложнилась в связи с переходом к нэпу. В условиях отмены «уравниловки» военного коммунизма и становления новых производственных отношений вести общественную нагрузку в рабочее время уже не представлялось возможным. Это напрямую влияло на количество и качество производимой продукции, а в конечном итоге на заработанную плату. Новые веяния побудили некоторые профсоюзные учреждения Сибири призвать к ликвидации ячеек РКИ и передачи их функций месткомам и фабкомам, что вполне ожидаемо вызвало жесткую реакцию руководства инспекций. Тема соперничества структур РКИ и профсоюзов хорошо просматривается по архивным документам ГАРФ. В сохранившемся отчете НК РКИ за первую половину 1921 г. указывается, что со стороны ВЦСПС «имеет место непонимание сущности и идеи Рабоче-Крестьянской Инспекции» [8, л. 22]. И несмотря

на то, что развернувшаяся борьба между местными отделениями РКИ и профсоюзами в конечном итоге привела к компромиссу (делегированию активистов в РКИ через профсоюзы), это имело свои отрицательные последствия, в частности, привело к резкому оттоку рабочих и крестьян из контрольных органов, сокращению численности ячеек содействия РКИ, падению их авторитета. В целом по Сибири с 1 января 1921 г. по 1 января 1922 г. сокращение было более чем четырехкратным [7, с. 74].

Нарастал скептицизм и понимание необходимости коренной перестройки всей системы социалистического контроля и в верхних эшелонах власти. 25-го января 1923 г. в газете «Правда» (№ 16) была опубликована статья В. И. Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин», которая привела к бурной дискуссии по проблемам организации контроля в стране, а также к ряду практических действий власти, связанных с задачей недопущения намечившегося раскола в руководстве партии.

Молниеносной и профессиональной реакцией на происходящее отметился Л. Д. Троцкий. По сути он опередил своих однопартийцев-соперников в толковании и популяризации ленинской позиции. Л. Д. Троцкий подготовил письмо, в котором обозначил свою позицию сторонника партийного единства и недопущения раскола в партии. В РГАНИ сохранился черновик этого уникального документа за подписью (и личными правками) Л. Д. Троцкого и И. В. Сталина. В письме, в частности, говорилось о том, что члены Политбюро и Оргбюро считают необходимым заявить об отсутствии оснований для партийного раскола. Его автор настаивал на необходимости разъяснения позиции руководства страны по этой проблемной теме, «чтобы не давать врагам возможности вносить смуту и замешательство, путем ложных сообщений о состоянии здоровья тов. Ленина» [3, л. 69].

Судя по всему, дальнейшие события развивались стремительно. Уже на следующий день после публикации в газете был согласован окончательный текст письма Троцкого. 26 января членам Политбюро (Каменеву, Калинин, Рыкову, Томскому) под грифом «совершенно секретно» был разослан документ следующего содержания: «По поручению тов. Сталина препровождается Вам НА ГОЛОСОВАНИЕ проект письма тов. Троцкого всем Губкомам по поводу статьи тов. Ленина (см. «Правда» № 16)» [3, л. 67].

В окончательном тексте письма указывалось на необходимость «учитывать обстоятельства, при которых написана статья и состояние здоровья тов. Ленина». Также утверждалось, что «предположения, заключающиеся в статье, внушены не какими-то осложнениями внутри ЦК, а общими соображениями тов. Ленина о трудностях, которые ещё предстоят партии в предстоящую историческую эпоху». В конце документа,

разосланного по всем партийным структурам страны, подчеркивалось, что «настоящее разъяснение сообщается в виде строго секретного письма» в расчете на то, что на местах «из статьи тов. Ленина будут сделаны тревожные выводы и Губкомы не замедлят правильно ориентировать партийные организации» [3, л. 66].

Члены Политбюро и Оргбюро поддержали автора письма. Среди подписантов были Андреев, Бухарин, Дзержинский, Калинин, Каменев, Рыков, Сталин, Троцкий и другие лидеры партии и государства.

Вопросы, поднятые в статье В. И. Ленина, вызвали разнообразную реакцию и живое обсуждение в широких кругах партии, а со стороны руководства РКП (б) требовали конкретных действий по изменению сложившегося прядка вещей. Весьма показательна в этом смысле сохранившаяся переписка главы НК РКИ И. В. Сталина и председателя ГПУ при НКВД РСФСР Ф. Э. Дзержинского. С точки зрения последнего, «правильная организация работы РКИ – это вопрос работы госаппарата, а значит вопрос существования рабоче-крестьянской России» [3, л. 86]. В своем письме к Сталину Дзержинский выступает яростным противником бюрократической «стихии», захватившей советский и партийный аппарат: «Такая борьба может быть успешной лишь при планомерном её проведении, при тонкой обдуманной стратегии, рассчитанной на расслоение и привлечение противников, рассчитанной на долгое время, при непременном руководящем участии всей партии» [3, л. 86].

Главной заботой наркомата РКИ, по мнению главы ГПУ, должны были стать «выявление дефектов в работе», «выработка системы их преодоления», кадровая работа, «от которой зависит вся дальнейшая борьба» [3, л. 87].

Именно Ф. Э. Дзержинскому было доверено возглавить комиссию по изучению сложившегося положения в Рабкрине, выявлению причин ее неэффективности и, в конечном счете – реорганизации. По итогам работы комиссии увидел свет документ под названием «Госаппарат и задачи РКИ и ЦКК». В Российском государственном архиве новейшей истории нам удалось обнаружить его копию [3, л. 90].

Центральной идеей преобразования инспекции, что видно из названия, стало максимальное сближение двух руководящих инстанций – РКИ и ЦКК. Это был путь слияния партийных (ЦКК) и государственных (РКИ) контрольных органов. В целях установления организационной и деловой связи между структурами было принято решение увеличить состав членов и кандидатов ЦКК до 50 человек, причем половина из них делегировались в РКИ. Направленные для работы сотрудники партийного контрольного органа должны были трудиться в области выполнения ревизионно-инспекторских заданий под руководством

Наркомата РКИ, а также директив и инструкций, выработанных Президиумом ЦКК совместно с НК РКИ. Было признано целесообразным назначать наркомом РКИ одного из членов ЦКК, а состав коллегии наркомата пополнить несколькими представителями Президиума ЦКК. В тезисах комиссии Ф. Э. Дзержинского отмечалось, что «только путём радикального изменения всей системы управления, энергичной чистки, искоренения всего ненужного и лишнего в нём...партия и государство в состоянии будут заставить государственный аппарат обслуживать интересы рабочих и крестьян» [3, л. 103]. Особое внимание акцентировалось на необходимости организации управления на началах научной организации (НОТ), «исключающей возможность бюрократических извращений и излишеств» и позволявших коренным образом изменить технику управления как в административной, так и в хозяйственной области. Существовавший прежде аппарат представлялся комиссией как громоздкая, неэффективная, «лежавшая тяжелым бременем на рабочих и крестьянах техническая структура» [3, л. 103].

Итоги работы комиссии Дзержинского были рассмотрены на заседании Пленума ЦК РКП (б) 30 марта 1923 г. Подготовленные ею тезисы предлагалось взять за основу. Среди дополнений обращает на себя внимание п. 4: «Ввести в тезисы особый пункт о необходимости научить нынешних работников советского аппарата учитывать действительные нужды и запросы рабочих и крестьян, в том числе неграмотных и малограмотных, всячески идти им навстречу и карать за малейшие проявления барства и пренебрежения» [3, л. 107].

Попытки реорганизовать работу Рабкринна собственными силами, разумеется, предпринимались и руководством инспекции. Пытаясь оперативно среагировать на критику со стороны руководства, в Наркомате РКИ подготовили и 10 марта 1923 г. на заседании коллегии этого ведомства единодушно приняли «Тезисы о реорганизации НК РКИ». В документе указывалось, что организация находится «на переходном периоде» и «впредь до пересмотра постановлений РКИ, партийных съездов и декретов Советской власти от 9 января и 16 марта 1922-го года в целом сохраняет основные задачи, права и обязанности, изложенные в этих постановлениях» [3, л. 100].

В опубликованном документе задачи РКИ достаточно подробно прописаны в очередной раз. Также определялись методы работы организации (раздел 2), ее структура (раздел 4). Исходя из обозначенных направлений деятельности, аппарат РКИ был разделен на два больших отдела: отдел нормализации и улучшения госаппарата и ревизионно-инспекционное управление.

Неожиданное и скандальное развитие получила тема «личного состава», представленная в п. 5 документа. Инициатором скандала стал Л. Д. Троцкий, пытавшийся «подловить» своих

оппонентов (тройка Зиновьев – Каменев – Сталин) в условиях разгоравшейся внутривнутрипартийной борьбы.

Сразу после публикации Тезисов коллегии Рабкрина Лейба Давидович адресовал членам Политбюро письмо следующего содержания: «Зачем тезисы Тезисы коллегии Рабкрина напечатаны? Там говорится о том, что служащим РКИ – “независимо от партийности (!!) – нужно платить не менее 200 руб. золотом. Нарком РКИ и его заместитель имеют право просматривать материалы ЦК РКП (б)”» [3, л. 99].

Судя по всему, письменное обсуждение деликатной темы проходило в ходе аппаратного совещания, так как реакция однопартийцев на вопрос Троцкого была незамедлительной и во многом конфузной. В архиве сохранилась переписка следующего содержания:

М. Томский: «Не видел».

Л. Каменев: «Не видел».

Л. Троцкий: «В Известиях ВЦИК».

Г. Зиновьев: «Не видел. Считаю недопустимым. Предлагаю поручить секретариату запретить распространение».

В. Молотов: «Ко мне обращались по телефону, не помню точно кто, о напечатании тезисов. Я сам их не видел и предложил обратиться к тов. Цюрупе».

И. Сталин: «Первый раз слышу» [3, л. 99].

Без сомнения, это был удар по репутации И. В. Сталина, курировавшего данное ведомство. Сам ход событий все более разводит оппонентов «по разные стороны баррикад», что позже, уже в 30-е гг., приведет к кровавой развязке.

Курс на сближение государственного и партийного контрольных аппаратов потребовал скорректировать организационную структуру и функционал последнего, что нашло отражение в «Основных положениях о ЦКК». Вот некоторые из них:

обеспечение во всех отношениях партийной линии в деятельности всех советских органов;

систематическое осведомление партии, плановое обозрение всего, что совершается в партии в целом, в советском аппарате и в массах населения;

работа совместно с Коллегией РКИ по превращению РКИ в образцовый аппарат, тесно связанный с партией;

привлечение внимания и активное содействие работе по улучшению госаппарата широких кругов рабочих и крестьян, профсоюзов, фабзавкомов, местных Советов и парторганов, студентов коммуниверситетов, вузов, рабфаков и совпартшкол.

«Основные положения» закрепляли обязательный перевод (с дальнейшей ротацией) 25–30 сотрудников ЦКК в ведомство РКИ. Обращает на себя внимание использование популярного сегодня компетентностного подхода в осуществлении ревизионно-контрольной деятельности. В до-

кументе сформулировано буквально следующее: «Члены ЦКК могут привлекаться, по решению Президиума ЦКК, к обследованиям по заданиям Политбюро, каждый в области своей компетенции» [5, л. 2 об.].

Пункты 2–8 содержали подробное описание взаимодействия РКИ и ЦКК в процессе совместной работы.

В отношении местных органов указывалось, что «Положение» распространяется лишь на Центральную Контрольную Комиссию. Местные КК действуют на основаниях, предусмотренных Уставом партии (раздел 10) и «Положением о Контрольных Комиссиях», принятым XI съездом партии [5, л. 2 об.].

Был усилен состав ЦКК за счет членов ЦК РКП (б). Решением Пленума от 26 апреля 1923 г. в ЦКК были утверждены следующие представители Центрального Комитета партии: Сталин, Зиновьев, Дзержинский, Зеленский, Молотов. Документ предписывал «получить этой пятёрке... постоянное и регулярное представительство ЦК в ЦКК и её Президиуме» [3, л. 115].

Как и следовало ожидать, в рядах оппозиции новшества в организации работы ЦКК вызвало неоднозначную реакцию. Л. Д. Троцкий 16 июня 1923 г., в связи с происходящими изменениями направил в Политбюро записку, где заявил, что «нынешняя организация ЦКК не соответствует мысли, заложенной в основу её создания» [5, л. 13].

Идея по реорганизации РКИ была воспринята и поддержана на XII съезде РКП (б), проходившем 17–25 апреля 1923 г. в Москве. Делегатами партийного форума была подтверждена организационная связь Рабоче-Крестьянской инспекции и Центральной Контрольной Комиссии РКП (б) в части выполнения возлагаемых на эти органы задач усовершенствования государственного аппарата. РКИ должна была усилить личный состав, подбирая кадры, способные осуществлять свои функции, руководствуясь знаниями в сфере научной организации труда и управления (НОТ). Непременным условием при этом должно было стать знание госаппарата и основ теории и практики науки об управлении, делопроизводстве, организации труда и т. д. РКИ должна была отказаться от повседневного и формального контроля над всеми денежными и имущественными операциями госорганов и выполнять свои контрольные функции на основе заранее разработанного плана или в зависимости от текущей ситуации и жизненных потребностей. Обновленные методы работы РКИ должны были проходить практическую проверку. Основной целью контрольной деятельности должны были стать выяснение практических достижений или недостатков хозяйственных и административных органов и установление характерных для данной области типичных приемов хищений и способов их предотвращения.

Высказанные в ходе съезда предложения, получили нормативное закрепление в ряде документов, вышедших после проведения форума. Например, было принято Постановление ВЦИК и СНК СССР от 6 сентября 1923 г. «О реорганизации Рабоче-Крестьянской инспекции». Совместным решением этих высших властных инстанций на РКИ было возложено «общее руководство всеми работами по перестройке и совершенствованию советского аппарата в целом, а равно и непосредственное проведение в жизнь всех необходимых для этого практических мероприятий» [5, л. 4].

Также предписывалось:

1. Возложить на все без исключения ведомства в лице их руководителей непосредственную ответственность перед государством за деятельность подчиненных им административных и хозяйственных органов;

2. Реорганизовать Рабоче-Крестьянскую инспекцию на началах тесной связи с политическим руководящим центром, подбора сотрудников из числа преданных Советской власти рабочих, крестьян, а также учащихся высших учебных заведений, а также изменения методов работы [5, л. 4].

Обращает на себя внимание раздел «Положения о правах», предоставленных инспекции для выполнения стоящих перед ней задач и значительно расширенных по сравнению с предыдущим периодом [5, л. 37]. В частности, было зафиксировано право требовать от любых государственных учреждений и общественных организаций материалы, документы, акты, объяснения, справки, так или иначе связанные с их деятельностью. Кроме того, на РКИ возлагалось общее руководство деятельностью учреждений, связанных с научной организацией труда, производства и техники управления. С этой целью при коллегии РКИ в качестве совещательного органа был создан постоянно действующий Совет Научной Организации Труда, который объединял работу исследовательских учреждений (институты, бюро, лаборатории) по следующим вопросам:

а) выработка на основе практических обследований и лабораторных экспериментов наиболее современных рабочих приемов, норм, стандартов;

б) научное обобщение достигнутых результатов;

в) учебная деятельность и организация совместно с профсоюзами масштабной работы по повышению квалификации работников;

г) организация широкой консультативной помощи учреждениям;

д) научное руководство местными опытными станциями и плановых бюро в деле рационализации административно-хозяйственной деятельности.

Проект Постановления по вопросам регулирования деятельности в области НОТ был

утвержден Пленумом ЦКК и РКИ 23 июня 1923 г. [5, л. 56].

Позже в развитие обозначенной линии преобразований было принято еще несколько важных решений по оптимизации сферы контроля.

6 сентября 1923 г. был обнародован Декрет ЦИК и СНК СССР «Об освобождении Рабоче-Крестьянской Инспекции от ряда принадлежащих ей функций». Наконец, 12 ноября 1923 г. ЦИК утвердил Положение о НК РКИ СССР. В течение короткого времени в соответствии с решениями партии и правительства произошло слияние ЦКК и РКИ. Теперь наркомом РКИ назначался председатель ЦКК, состав коллегии наркомата формировался в основном из членов президиума ЦКК, управления и отделы также возглавляли преимущественно члены ЦКК.

Наркоматы РКИ и ЦКК сохраняли отдельные исполнительные аппараты, за исключением созданного в 1924 г. общего организационно-инструкторского отдела, в задачу которого входило руководство работой контрольных комиссий союзных республик.

В округах и уездах функции органов ЦКК-РКИ возлагались на уполномоченных РКИ, которые назначались краевыми, губернскими, областными РКИ по согласованию с наркоматом республики.

При всей кажущейся завершенности реформирования инспекции ряд вопросов ее деятельности оставался открытыми. Во второй половине 1923 г. в высших эшелонах власти с новой силой развернулась дискуссия о месте и роли ячеек содействия РКИ. Свою позицию по этой конфликтной теме высказал В. В. Куйбышев – первый руководитель объединенного партийно-советского органа – Центральной Контрольной Комиссии ЦК РКП (б) – Наркомата Рабоче-Крестьянской инспекции в своем письме в Политбюро ЦК РКП (б) с характерным названием «По вопросу об ячейках содействия органов РКИ по улучшению госаппарата».

Автор письма довольно подробно описывает «одиссею» «Положения о ячейках содействия» по бюрократическим структурам советского аппарата, утвержденного 20 октября 1923 г. Президиумом ЦКК. Сначала документ рассматривался в Оргбюро ЦК (одобрено), затем наступила очередь Наркоматов союзных республик. Далее «Положение» было рассмотрено и утверждено Всесоюзным совещанием местных органов РКИ-КК 20 января 1924 г. Однако, оказавшись в кабинетах «Комиссии законодательных предположений», документ претерпел изменения, которые, по словам главы ведомства В. В. Куйбышева, «совершенно меняли характер уже многократно согласованного документа» [9, л. 5]. Апогеем разбирательства стало рассмотрение «Положения» на заседании Совнаркома СССР, где после бурной дискуссии не было принято никакого решения.

С чем же было связано столь мучительное «выстраивание» бумаги, призванной «улучшить советский госаппарат» в бюрократических структурах этого самого аппарата?

«Камнем преткновения» (лат. *petra scandali*) стал вопрос о степени самостоятельности ячеек, взаимозависимости организаций РКИ-КК с администрациями подконтрольных учреждений, предприятий и др. Это как раз то, что Президиум ЦКК считал основным.

По утверждению подписанта «самостоятельность органов от администраций совершенно не означает обязательного противопоставления ячеек содействия органам управления предприятий». Была выдвинута формула «вместе, а не без них и против них» [9, л. 6].

В свою очередь подчинение ячеек содействия администрации «всё перевёртывает коренным образом, делая из этих ячеек не органы РКИ, связанные с трудящимися, а органы администрации, хилые, никому не нужные придатки» [9, л. 6, 7].

С точки зрения В. В. Куйбышева, совершенствование аппарата управления напрямую зависело от степени включенности в него «непосредственных участников производства, рабочих от станка. Только в этом случае можно изменить сложившееся положение вещей».

Этим же подходом новый глава ЦКК-РКИ руководствовался и в кадровой политике, делая акцент на праве рабочих на управленческую «самодетельность»: «Для нас ясно, что в отдельных случаях согласование кандидатур с администрациями является не только нецелесообразным, но и вредным» [9, л. 7].

В своем письме В. В. Куйбышев также категорически высказался против предоставления администрациям права роспуска ячеек содействия. Точка зрения главы ведомства ЦКК-РКИ разделялась далеко не всеми представителями управленческой вертикали. Показательна в связи с этим позиция Ф. Э. Дзержинского. В своем письме в Политбюро партии (копия В. В. Куйбышеву) он выражает свое несогласие с точкой зрения руководителя ЦКК-РКИ. По мнению Ф. Э. Дзержинского, предлагаемый, достаточно независимый статус ячеек содействия нанесет вред делу социалистического строительства. Феликс Эдмундович писал буквально следующее: «К таким ячейкам не только я отношусь с большим сомнением, но и большинство красных директоров, хозяйственников и профессионалистов. Это гарантирует провал богатой возможностями идеи, заложенной в “Проекте”» [9, л. 22].

Ф. Э. Дзержинский в своем письме от 24 марта 1924 г. обращается с просьбой в очередной раз отложить рассмотрение вопроса о ячейках содействия, «проработать» его с теми, «кому

и придётся проводить постановление о ячейках в жизнь» [9, л. 22].

Свое несогласие с обозначенным подходом руководства инспекции выразила фракция ВЦСПС, что видно из «Заключения» Бюро фракции «О ячейках содействия ЦКК-РКИ». По мнению авторов документа, предложенный подход по вовлечению трудящихся в хозяйственную и управленческую жизнь приведет к дублированию работы профессиональных союзов и «осложнит жизнь предприятий» [9, л. 35].

Подводя итог, отметим, что при всех трудностях и противоречиях, какие имели место в процессе выстраивания контрольной системы, к началу 20-х гг. в Советском государстве по большей части удалось сформировать основы организации и функционирования контроля. Базовые принципы, на которых он зиждился, предполагали сочетание партийного и других видов общественного контроля с контролем государственным; массовость и создание периферийной сети; регулярность и системность как инструменты партии и государства в совершенствовании механизма управления страной; гласность и действенность, понимаемые как предупреждение, выявление и исправление недостатков.

Список литературы

1. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 19 (Протоколы СНК РСФСР). Оп. 1. Д. 1.
2. Народный контроль в СССР / АН СССР. Отв. ред. В. И. Туровцев. М.: Наука. 1967. 284 с.
3. Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 3 (Политбюро ЦК, органы контроля ЦКК-НК, партийно-государственный контроль, комитет партийного контроля (1919–1966)). Оп. 55. Д. 1.
4. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-338 (Саратовское губернское отделение Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции СССР. 1918–1928. (ГубРКИ)). Оп. 1. Д. 80.
5. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 55. Д. 2.
6. РГАСПИ. Ф. 558 (Сталин (наст. Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953)). Оп. 1. Д. 1978.
7. Дианов А. Г. Роль ячеек содействия в осуществлении Сибирской Рабоче-крестьянской инспекцией контрольных функций (1920–1924 гг.) // Исторические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10, ч. 3. С. 72–76.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-4085 (Народный Комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции (1920–1934)). Оп. 1 а. Д. 710.
9. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 55. Д. 7.

Поступила в редакцию 22.06.2023; одобрена после рецензирования 29.06.2023; принята к публикации 30.06.2023
The article was submitted 22.06.2023; approved after reviewing 29.06.2023; accepted for publication 30.06.2023

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 459–468

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 459–468
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-459-468>, EDN: CZDRYU

Научная статья
УДК [94(410.11/.12):[616-036.22:616.9]]|1348/1351|

Средневековый Лондон в период эпидемии чумы (1348–1351): некоторые аспекты социальной жизни

Д. В. Лештаев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Лештаев Дмитрий Валерьевич, аспирант, ассистент кафедры всеобщей истории, d-Leshtaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4435-4102>, Author ID: 1179146

Аннотация. В статье на материале документации лондонского магистрата рассматриваются отдельные аспекты социальной жизни города в период эпидемии чумы (1348–1351). Показано, что наиболее сильный удар «Черная смерть» нанесла по столичным цехам, лишив их рабочих рук и временно дезорганизовав производство, что сказалось как на качестве выпускаемой продукции, так и на отношениях внутри торгово-ремесленных корпораций, способствуя их дальнейшему упадку. Будучи не в состоянии совладать с ростом социальной активности подмастеров, учеников и слуг, мастера были вынуждены апеллировать к авторитету городской администрации, требуя от нее подтверждения ранее установленных ограничительных мер. Другой важной стороной повседневной жизни Лондона стало преодоление таких последствий кризиса, как рост преступности и восстановление пошатнувшихся общественных нравов, борьба с которыми также велась посредством попыток большей регламентации и запретов. Тем не менее ощутимого результата меры эти не принесли.

Ключевые слова: Лондон, «Черная смерть», эпидемия, повседневная жизнь, установления и прокламации, заработная плата и цены, разложение цеховой организации

Для цитирования: Лештаев Д. В. Средневековый Лондон в период эпидемии чумы (1348–1351): некоторые аспекты социальной жизни // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 459–468. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-459-468>, EDN: CZDRYU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

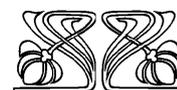
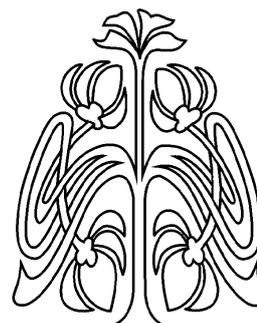
Medieval London during the plague (1348–1351): Some aspects of social life

D. V. Leshtaev

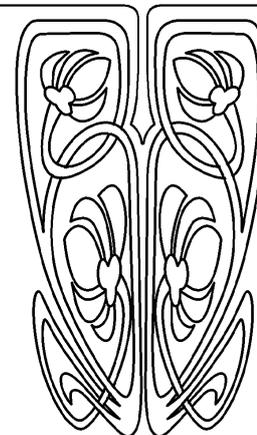
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Dmitry V. Leshtaev, d-Leshtaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4435-4102>, AuthorID: 1179146

Abstract. The article examines certain aspects of the social life of the City during the period of the plague (1348–1351) based on the documentation of the London Magistrate. It is shown that the Black Death dealt the most severe blow to the capital's guilds, depriving them of workers and temporarily disorganizing production, which affected both the quality of manufactured products and relations inside trade and craft corporations, contributing to their further decline. Being unable to cope with the growth of social activity of journeymen, apprentices and servants, the

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

masters were forced to appeal to the authority of the City administration, demanding from it the confirmation of previously established restrictive measures. Another important aspect of everyday life in London was overcoming such consequences of the crisis as the growth of crime and the restoration of shaken public mores, which were also fought through attempts at greater regulation and prohibitions. However, these measures did not bring tangible results.

Keywords: London, Black Death, epidemic, everyday life, ordinances and proclamations, wages and prices, decomposition of the guild organization

For citation: Leshtaeв D. V. Medieval London during the plague (1348–1351): Some aspects of social life. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 459–468 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-459-468>, EDN: CZDRYU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Английский городской социум XIV–XV вв., его профессиональная и повседневная жизнь неоднократно становились предметом интереса отечественной историографии, получив наиболее полное и обстоятельное рассмотрение в трудах Л. П. Репиной [1], М. М. Ябровой [2], А. Г. Праздниковой [3] и др. Не менее ценны и работы, посвященные отдельным городам и их сообществам, например, исследования Т. В. Мосолкиной [4–6] и Л. Н. Черновой [7, 8]. Из представителей зарубежной медиевистики необходимо отметить Г. А. Уильямса [9] и К. М. Бэррон [10, 11], рассматривающих развитие городского социума в контексте истории Лондона, а также ряд общих работ, посвященных прошлому английской столицы [12–14].

И все же, несмотря на столь пристальное внимание со стороны специалистов, проблема адаптации средневекового городского сообщества к условиям эпидемии, известной как «Черная смерть», по-прежнему остается малоизученной и ограничивается некоторыми отрывочными данными, а также выводами о потерях и влиянии чумы на дальнейшее развитие города. При этом ни в одной из известных работ по истории Лондона еще не предпринималось попыток рассмотрения конкретных аспектов социальной жизни английской столицы в условиях эпидемии, в частности, выявления и характеристики общественных и экономических процессов, охвативших столицу во время Великого мора, степени его влияния на их течение и реконструкции фрагментов повседневной жизни.

К середине XIV в. Лондон прочно утвердился в качестве важнейшего экономического и политического центра страны: здесь располагались королевский двор, администрация и парламент, резиденция примаса английской католической церкви архиепископа Кентерберийского, постоянные места проживания множества иных духовных и светских иерархов [15, р. 215]. Значимость города подтверждал и широчайший перечень муниципальных свобод, в частности, право беспощинной торговли на всей территории королевства. Наконец, само название столицы (*City of London*) подчеркивало ее превосходство над прочими городами Англии, как правило, именовавшимися в официальных документах *town* [16, с. 319–320]. Возникший на пересечении водных и сухопутных торговых

артерий город становился местом притяжения и для многочисленных переселенцев, прибывавших с различными целями не только из ближайшей округи, но и зарубежных стран [8, с. 40–41]. Потому кажется вполне оправданным не просто называть его «мегаполисом Средневековья», но и считать таковым в действительности.

Важнейшим показателем значимости Лондона могла бы стать численность его населения к началу XIV в., однако мы не располагаем сколько-нибудь точными данными относительно количества жителей столицы вплоть до конца XIII столетия. Не в силах исправить положение и знаменитая «Книга Страшного суда», составленная по итогам всеанглийской земельной переписи 1086 г., поскольку попросту обходит город вниманием [17, с. 72–74]. Так или иначе, в вопросе об общей оценке числа жителей Лондона в научной литературе сложился своеобразный консенсус: оно признается однозначно высоким для своего времени при том, что в области конкретных цифр сохраняется известная полярность мнений. На сегодняшний день принято считать, что уже к 1300 г. все население английской столицы насчитывало 80–100 тыс. чел. [10, р. 396; 12, с. 31; 14, с. 48], хотя не менее убедительны и те, кто заявляет о 40–60 тыс. [9, р. 315; 15, р. 215; 18, с. 88].

Начиная с XIII в., Англия переживала постепенный процесс перехода от натурального производительного хозяйства к товарно-денежному. Общее усиление централизаторских начал и укрепление институтов городского самоуправления позитивно влияли на развитие ремесел и торговли, особенно производство и сбыт шерсти, укрепляя общий внутренний рынок. Тем острее сказывалась на состоянии английской экономики затяжная Эдвардианская война (1337–1360), требовавшая все больших материальных и людских ресурсов. Порожденные ею падение прироста населения, общее понижение уровня жизни и нехватка рабочих рук выливались в усиление налогового и феодального бремени, значительно повышавшего градус народного недовольства [19, с. 104]. В этих условиях чуме предстояло взять на себя роль катализатора намечающихся перемен, хотя ее влияние на эти процессы было опосредованным.

В Европу «Черная смерть» проникла в 1347 г. через портовые города Италии и юга Франции,

а уже летом 1348 г. на гасконских кораблях достигла берегов Туманного Альбиона. К осени 1348 г. мор овладел такими важными торговыми центрами, как Бристоль на западе и Саутгемптон на юге [20, с. 196]. Отсюда, а также с товарами, поступавшими по Темзе, болезнь и попала в город. Хотя Л. П. Репина полагает, что это произошло в сентябре [20, с. 196], имеется достоверное свидетельство современника описываемых событий, английского хрониста Роберта из Эйвсбери (ум. 1359), указывавшего, что чума пришла в Лондон в ноябре 1348 г. и продолжала свирепствовать по май 1349 г. Выявление более или менее точных сроков эпидемии становится возможным благодаря их привязке к церковным праздникам. Автор отмечает, что болезнь впервые проявилась в столице накануне Дня Всех святых (1 ноября) и покинула ее лишь «с нисхождением благодати Святого Духа», в день Пятидесятницы (31 мая) [21, р. 65].

Первой реакцией города на эпидемию стали его людские потери, число которых слабо поддается исчислению, однако устанавливается в пределах 40–50% [11, р. 239; 12, с. 31; 13, с. 235; 14, с. 49; 15, р. 215]. В частности, К. Бэррон утверждает, что к 1400 г. население Лондона составляло половину от уровня 1300 г., т. е., исходя из ее же оценок, 40–50 тыс. человек [10, р. 397]. Известно, что за период 1348–1349 гг. в городе умерли 8 из 24 олдерменов [22, р. 161]. Немало погибших было среди представителей клира: францисканцы лишились 100 своих братьев, а бенедиктинское Вестминстерское аббатство – аббата и половины монахов [15, р. 215; 22, р. 128]. Столь же значительными были и потери отдельных гильдий, например, бакалейщики лишились 12 из 35 своих членов [22, р. 97].

Косвенные свидетельства высокой численности потерь встречаются и в синхронных источниках. Например, тот же Роберт из Эйвсбери упоминал, что только за период с февраля по апрель 1349 г. (со Дня Сретения Господня до Пасхи) в городе ежедневно хоронили более 200 чел. [21, р. 65]. Не менее красноречиво, хотя и не столь конкретно, послание лондонского муниципалитета папе римскому Клименту VI (1342–1352) от 2 апреля 1350 г., в котором упоминается, что людские потери столичной общины были столь «ужасающими» (*dreadful*), что теперь ни один из ее членов не мог явиться в Авиньон, не понеся «разорительных расходов» (*ruinous expense*) [23, р. 252].

Безусловно, чума вызвала живой отклик со стороны горожан. Однако эта ее сторона практически не нашла отражения в документах лондонского магистрата, не считая нескольких упоминаний о поветрии. В этой связи может сложиться ложное впечатление, будто Лондон перенес эпидемию сравнительно легко, фактически «не заметив» ее. С другой стороны, номенклатура

известных за 1348–1349 гг. документов (2 гильдейских установления и 2 судебных решения) если не свидетельствует, то, по крайней мере, подталкивает к мысли о возможных перебоях в работе столичной администрации.

Ситуация прояснится, если мы обратимся непосредственно к текстам, расширив хронологические рамки до 1348–1351 гг. Из общего числа актов (20), заметная часть (13) приходится на 1350 г. Если оценивать их тематику, то окажется, что одной из наиболее насущных забот городских властей в этот период было противодействие повсеместным нарушениям цехового законодательства. За 4 года издано 9 различных актов, направленных на борьбу с возмутителями гильдейского спокойствия, из них: 4 установления конкретным цехам (1348 г. – оловящикам [24], 1349 г. – перчаточникам [25], 1350 г. – стригальщикам и полировщикам [26, 27]); 4 судебных приговора о конфискации и утилизации контрафактных товаров (1349 г. – сетей [28], 1350 г. – перчаток, ремней и сумок [29], солонок и оловянных кружек [30], подушек, покрывал и банкетов [31]) и один уставной «Регламент» (1350), вводивший в столице фиксированные цены и размеры оплаты труда [32].

Отличительная черта гильдейских установлений состояла в том, что основная их часть была выработана и представлена на рассмотрение муниципальных властей самими мастерами, что свидетельствовало об их стремлении сохранить за собой исключительное право на занятия тем или иным ремеслом. Исключение (но лишь частичное) составляли установления, предназначенные стригальщикам, основной причиной появления которых, как следует из текста документа, явились общественный резонанс и большие убытки, вызванные срывом всех возможных сроков поставки сырья [26, р. 247]. Здесь же определялось, что вина за произошедшее целиком лежит на самой гильдии, не сумевшей в должном образе организовать свою работу, в частности, избрать или назначить контролеров (*overseers*), ответственных за ее выполнение. Посему, как декларировалось в вводной части, магистрат считает нужным представить на рассмотрение цеха указанные установления, впрочем, оставляя за ним право отвергнуть их [26, р. 247]. Последнего, по понятным причинам, не произошло, поскольку и сами ремесленники были заинтересованы в скорейшем возвращении к организованной работе. От них же, очевидно, исходила и инициатива составления этого документа, поскольку прописанные в нем меры носили в основном запретительный характер.

Из перечня становится понятно, что одной из основных проблем для мастеров стало вторжение в их профессию лиц, не являвшихся официальными членами гильдии и, таким образом, не имевших законного права на ведение аналогичной деятельности. Хорошо известно,

что данная проблема занимала их и в прежние времена, однако «Черная смерть», внесшая в систему организации производства элемент хаоса, могла заметно ее актуализировать.

Очевидно, значительная часть «самозванцев» не являлась жителями Лондона и прибывала в город из окрестностей. Об этом дают повод говорить статьи установлений, непосредственно обращенные против всякого, кто не является полноправным горожанином (*freeman of the City*) либо не прожил в столице «по меньшей мере, семи лет» [24, р. 242; 25, р. 245; 26, р. 247; 27, р. 258]. Такому человеку (источники именуют его «чужеземцем» – *foreigner, stranger* либо *strangeman*) категорически запрещалось держать лавки и набирать учеников [24, р. 242; 26, р. 247; 27, р. 258]. Выходом для него могло бы стать приобретение свидетельства о профессиональном соответствии, однако, учитывая, что выдавалось оно только специальными должностными лицами – смотрителями в торговле (*Wardens of the trade*), получение такого документа становилось практически невозможным. За ними же оставалось и право предоставления городского гражданства (а вместе с ним и полноправия) [25, р. 245; 26, р. 247; 27, р. 258], хотя отдельные цехи находили возможность вмешиваться и в эту сферу компетенций смотрителей. Так, полировщики, признавая их полномочия, тем не менее отказывались принимать новых мастеров, если те не проходили процедуру подтверждения профессиональных умений и навыков перед собранием мэра и олдерменов [27, р. 259].

Не меньшую заботу городских властей вызывали взаимоотношения гильдейцев с их подопечными – подмастерьями и слугами (*servant-man*). Поясним, что в XIV–XV вв. грань между различными категориями цеховых зависимых лиц оставалась еще весьма размытой. В первую очередь об этом свидетельствует терминология тех лет: например, те же подмастерья или наемные работники могли именоваться в официальных документах *servaunt, serviencium* или *servaunt* (т. е. *слуги* или *слуга*) [5, с. 115–116]. Более того, как указывает М. М. Яброва, названные группы были настолько близки по своему положению, что едва ли не единственным их различием оставалась перспектива подмастерья стать мастером, хотя и она приобретала в указанное время все более туманные формы [2, с. 80].

Вышесказанное обязывает напомнить, что XIV–XV вв. – это время разложения прежней системы социально-профессиональной организации средневекового города, а также формирования в нем зачаточных форм капиталистического производства, отличительными признаками которого становились как рост внутренней напряженности в цехах, так и открытое внешнее противостояние друг другу [2, с. 53–82]. Именно это, а также, возможно, и тяжелая демографическая ситуация привели, с одной стороны, к учащению

случаев переманивания трудоспособной молодежи (в том числе и лицами, занимавшимися тем или иным ремеслом незаконно) [25, р. 245, 246; 26, р. 247; 27, р. 258]; с другой – к ее большей консолидации в борьбе за собственные права. Например, установления стригальщикам прямо отмечают факты подстрекательства к коллективным бойкотам в ответ на конфликт между конкретным мастером и «его человеком» [26, р. 247–248].

В связи с этим столичный муниципалитет еще раз подтверждал право гильдии на собственный суд, возлагая разрешение споров между стригальщиками на самих тяжущихся ремесленников, а между мастером и зависимым от него лицом – на упомянутых смотрителей [26, р. 248]. При этом магистрат сохранял привилегию высшего арбитража. Апеллировать к суду мэра и олдерменов следовало либо в случае невозможности достижения мирового соглашения между мастерами в вопросе о перебежавшем подмастерье, либо в ситуации, когда последний не являлся на суд смотрителей – тогда он подвергался аресту, а его дело передавалось на рассмотрение суда мэра, выносившего окончательное решение [26, р. 248]. Другими способами наказания становились денежные штрафы (полмарки за переманенного ученика или слугу у стригальщиков, 20 шиллингов у перчаточников и 40 шиллингов за перебежавшего слугу у полировщиков [25, р. 245; 26, р. 247; 27, р. 258]), а также запрет принимать на работу подмастерий, находившихся в ссоре с прежними мастерами (такая мера позднее действовала у литейщиков (1389) и медников (1416) [33, с. 61].

Аналогично развивалась ситуация и в других английских городах, например, в Бристоле, где сукновалы еще в 1346 г. постановили, что никакой работник (*ouerour*), нанесящий мастеру материальный или иной ущерб, не мог быть вновь принят на работу (в том числе и другим ремесленником), пока не возместит причиненные убытки [5, с. 116]. В конце XIV в. мера, схожая с лондонской, была принята на вооружение и местными ткачами, запрещавшими брать на работу слуг, находящихся под судом либо связанных обязательствами с третьими лицами [5, с. 117].

Помимо смены мастера или вступления с ним в открытый конфликт, для подмастерий и учеников существовал и третий путь профессиональной самореализации – бегство из Лондона в поисках лучшей доли в других городах. Вспомним, что еще одним ярким признаком разложения цеха становилось его «замыкание», выражавшееся, в частности, в увеличении сроков обучения: например, у шорников к рассматриваемому времени он составлял 7 лет, у портных – 8, а у торговцев сукном – все 12 [16, с. 327]. В связи с этим известно более чем о 35 обращениях столичного магистрата к властям иных городов

с просьбой содействовать в возвращении беглецов [16, с. 327]. И хотя запросы эти, как правило, удовлетворялись, едва ли их исполнение могло серьезным образом сказаться на масштабах движения.

Вероятным следствием нехватки рабочих рук, а вместе с тем и способом восполнения потерь в рабочей силе стал рост числа неквалифицированных и неучтенных работников. Вот почему оловянщики требовали набирать учеников только в соответствии с действовавшими нормами («обычаями города»), а также запретить привлекать к их ремеслу людей, не имеющих опыта, и отстранить от работы всех подмастерий и слуг, не приносивших гильдейской клятвы [24, р. 242, 244]. Те же условия устанавливали и полировщики, введшие в этой связи самую жесткую кару: мастер, в течение первого года не поставивший ученика на учет, лишался городского гражданства [27, р. 258].

С активизацией слуг и подмастерий связаны и меры, направленные против воровства. Так, установления оловянщикам определяли, что мера наказания за содеянное должна носить градационный характер: подмастерье, обокравший мастера на сумму менее 10 пенсов, в первый раз обязывался возместить ущерб, во второй – передавался на суд гильдии, в третий – изгонялся из нее [24, р. 243]. Суровее были перчаточники: обворовавший хозяина более чем на 12 пенсов слуга должен был предстать перед судом смотрителей. На них же цех возлагал и компенсацию убытков. В случае, если преступник не являлся на разбирательство, процедура предусматривала меру, аналогичную описанной у стригальщиков [27, р. 258].

Еще одним важным свидетельством роста спроса на рабочие руки и социальной нестабильности в столице стали требования мастеров ограничить размеры заработной платы для подмастерий и слуг. Показательна в этом отношении анонимная петиция, поданная одним из стригальщиков и являющаяся собой важный пример обратной связи между цехами и магистратом. Полностью поддерживая начинания «отцов города» и признавая, что его коллеги «действительно довольны» предложенными мерами [34, р. 250–251], он в то же время сетует на размеры заработной платы слуг и подмастерий, давая понять, что она значительно возросла. В связи с этим мастер напоминает, во сколько ранее оценивался труд его подопечных, и требует возвращения к старым расценкам: от Рождества до Пасхи – 3 пенса, от Пасхи до дня Св. Иоанна (24 июня) – 4 пенса, со дня Св. Иоанна до дня Св. Варфоломея (24 августа) – 3 пенса, со дня Св. Варфоломея до Рождества (в случае хорошей работы) – 4 пенса [34, р. 251]. Более того, он позиционирует это как способ наказания неопытных подмастерий и слуг, заявляя, что именно они, стремящиеся заработать как можно

больше и как можно скорее, портят ткани, нанося тем самым большой ущерб не только заказчикам, но и гильдии, «по причине чего мастера в упомянутой профессии имеют большое порицание и оскорбление, и берут меньше [заказов], чем они привыкли выполнять» [34, р. 251]. Потому, завершает он, цех просит муниципалитет наказать нерадивых «указанных людей» и принудить их «работать в соответствии с древним обычаем» [34, р. 251].

Однако если стригальщики уповали в этом вопросе на городские власти (что, вероятно, объяснялось их тяжелым положением), то перчаточники сами зафиксировали в тексте предлагаемых установлений, что никто не может брать за свою работу больше, чем было установлено за 2–3 года до принятия данного документа [25, р. 246].

Как видно, среди прочего мастера волновала и проблема роста некачественной контрафактной продукции (номенклатура отдельных товаров приводилась выше). Ей также уделялось важное место в текстах установлений, хотя нередко в числе изготовителей контрафакта оказывались не одни подмастерья, но и сами ремесленники, в чем также угадываются элементы разложения цеховой организации. Об этом свидетельствуют запреты на изготовление и сбыт товаров на дому и в ночное время, а также угроза ареста и суда для мастеров, отказывающихся соблюдать предлагаемые нормы [24, р. 243, 246–247; 25, р. 246; 27, р. 259]. Например, у оловянщиков суровость наказания традиционно возрастала по мере повторения таких случаев: в первый раз дело ограничивалось изъятием контрафакта, во второй – повторной конфискацией и разбирательством в суде, в третий – исключением из гильдии [24, р. 243]. Отдельно оговаривалась кара за попытку сбыта: лицо, пытавшееся реализовать свою продукцию прежде, чем она прошла процедуру отбора, привлекалось к судебной ответственности [24, р. 243]. Жестче поступали полировщики: преступление сразу наказывалось арестом с последующим разбирательством, вину на котором устанавливало жюри из мастеров цеха [27, р. 258]. Вместе с тем нельзя не отметить, что уже к концу столетия отношение к труду в ночное время кардинальным образом изменилось. Вновь показателен пример Бристоль: если в 1346 г. местные ткачи устанавливали категорический запрет на ведение какой-либо работы в темное время суток, то уже в 1406 г. сукновалы, напротив, оговаривали, что «слуги должны приступать к делу и подниматься к их названной работе так же хорошо ночью, как и днем...» [5, с. 103; 33, с. 61].

Не менее внимательны были гильдии и к борьбе за сохранение качества. Так, оловянщики, апеллируя к сложности работы со сплавами, просили муниципалитет признать за ними право избрать из своей среды трех или четырех «наиболее законопослушных и искусных в своем ремес-

ле» мастеров, которые бы осуществляли надзор за соблюдением стандарта. Необходимые пропорции были установлены здесь же: на 1 центнер олова приходилось 22 фунта свинца [24, р. 242]. Перчаточники и полировщики же определяли, что изъятие контрафактной продукции должно производиться зрителями, а вопрос о ее ответственности стандартам решаться присяжными из числа гильдейцев [25, р. 246; 27, р. 258–259]. Более того, полировщики вовсе запрещали брать крупные заказы мастерам, не владеющим своим ремеслом в совершенстве, а также изготавливать на дому рукояти, наверхия и ножны для мечей и использовать для них какой-либо материал, кроме хорошей стали и выделанной телячьей кожи. Отдельно оговаривались эпизоды сбыта изделий, подвергавшихся ремонту. Во всех случаях нарушителей ожидал суд [27, р. 259].

Что же до реакции городских властей, то она не ограничивалась только утверждением цеховых уставов. Тема регулятивных мер получила развитие в изданном в 1350 г. «Регламенте, касающемся оплаты труда и цен в городе», появление которого было напрямую связано с эпидемией чумы, упоминания о которой можно найти на его страницах [32, р. 256–257]. Документ устанавливал максимальные размеры стоимости товаров и услуг и содержал некоторые организационные положения. В частности, он фактически упразднял прежнее деление рабочего года на четыре части, вводя вместо него двухчастную систему (по полугодиям), и унифицировал стоимость услуг ряда мастеров (*workmen*). Так, для каменщиков, плотников, штукатуров и пильщиков (*sawiers*) она составила 6 пенсов в первом полугодии (от праздника Пасхи до дня Св. Михаила, 29 сентября) и 5 пенсов во втором [32, р. 253, 254]. Кроме того, «Регламент» запрещал им брать деньги в праздничные дни и требовать доплаты за изготовление или ремонт инструментов [32, р. 253]. В отдельные категории документ выделил плиточников и обмазчиков (*master daubers*), чей труд оценивался немногим меньше – в 5,5 и 4,5 пенса для первых и в 5 и 4 пенса для вторых. Здесь же оговаривались размеры вознаграждения для работников, получавших 3,5 и 3 пенса [32, р. 253–254]. Вероятно, они также доставляли своим мастерам немало хлопот.

Завершался этот раздел строгим наказом, обращенным уже к лондонцам: не платить больше, чем прописано в «Регламенте». Причем призыв этот не ограничивался лишь увещанием. Нарушителям грозили суровые кары: штраф в 40 пенсов для несознательного горожанина и 40-дневное заключение для поддавшегося соблазну ремесленника [32, р. 254].

Следует указать и на повышенное внимание магистрата к вопросу организации торговли продовольственными товарами и ее большей

прозрачности, что, вероятно, было вызвано нарушениями поставок продуктов питания и спекуляциями в этой сфере. В частности, «Регламент» устанавливал фиксированные цены для пяти различных сортов вина, а также обязывал продавцов удовлетворять требование клиента, если тот желал удостовериться в чистоте стеклянной тары либо бочки, из которой вино разливалось. За отказ от выполнения этой меры грозил штраф в полмарки, увеличивавшийся на аналогичную сумму всякий раз, как отмечался рецидив [32, р. 255].

Не менее строгие меры предъявлялись к продаже пшеницы и ячменя. Торговля ими должна была осуществляться только непосредственными поставщиками и только в специально отведенных для этого местах – нарушителей ожидали конфискация и тюремное заключение, длительность которого определялась по усмотрению мэра и олдерменов [32, р. 255–256]. Товар следовало отпускать всем горожанам, но в первую очередь пекарям. Отдельно оговаривались условия продажи для владельцев гостиниц: они не могли осуществлять закупки для кого бы то ни было, кроме собственных постоялых дворов, и обязывались рассчитываться только личными средствами [32, р. 256].

Очевидно, во время эпидемии гостиницы Лондона и до того, надо полагать, не пользовавшиеся доброй славой, окончательно превратились в рассадники преступности. Об этом свидетельствует не только параграф о торговле злаковыми (вероятно, хозяева гостиниц были неким образом замешаны в спекуляциях), но и специальное положение, посвященное постоялым дворам. Муниципалитет прямо указывал на необходимость «хорошего и законного» обслуживания гостей, дабы те могли быть уверены в сохранности «как тела, так и имущества» [32, р. 256].

Завершая тему преступности, следует отметить, что «Регламент» уделял внимание и мерам профилактики, правда, незначительное: отдельный параграф предписывал удалять из приходов лиц, пользующихся дурной репутацией, предварительно уведомив об этом местного олдермена [32, р. 256].

В заключительной части документа, городские власти, наконец, обращаются к теме, столь волновавшей автора анонимной петиции, – проблеме расценки труда работников и слуг. Им предписывалось выплачивать то же жалование, что и до чумы [32, р. 257], в противном случае нарушителей ожидало наказание. Обязательным для тех и других становилось тюремное заключение, дальнейшая же их участь кардинальным образом различалась. Так, мастер (*workman*) или его работник (*labourer*) пребывали под стражей до тех пор, пока не находили поручителя, а затем, дав клятву не нарушать установленного правила, возвращались к работе [32, р. 256–257]. Если же они намеренно покидали город,

«не желая работать и трудиться» (вероятно, отправляясь на поиски более высокого заработка), а затем возвращались и обнаруживались властями, то наказание их ужесточалось: 3 месяца ареста с конфискацией движимого имущества. За этот срок им вновь вменялось разыскать поручителя и принести клятву, в противном случае нарушителей ожидало изгнание [32, р. 257]. В то же время слуги (*servants*) обязывались выплатить сумму, вдвое превышающую размеры полученной. Аналогичная мера распространялась и на их хозяев, только в этом случае размер штрафа увеличивался уже втрое [32, р. 257].

Перечисленные меры стали прямым продолжением государственной политики, направленной на преодоление последствий тяжелого экономического кризиса. В масштабах страны, как известно, ее выражением стало так называемое «рабочее законодательство» Эдуарда III (1327–1377), призванное закрепить крестьян и работников за местом их проживания и родом деятельности, а также зафиксировать минимальные размеры оплаты труда [35]. Аналогичную роль в масштабах столицы играл «Регламент».

После ознакомления с перечисленными положениями возникает вопрос о механизмах контроля за их выполнением. Ответ на него содержит завершающий параграф все того же документа. Соответствующие полномочия лондонский магистрат возлагал на уже неоднократно упоминавшихся смотрителей, избравшихся в каждом городском приходе в количестве двух или четырех человек [32, р. 257]. Располагая реальными полномочиями и действуя с санкции мэра и олдерменов, они могли проводить конфискацию товаров или иного имущества нарушителя, привлекая в случае необходимости представителей государственной администрации (шерифа или его офицеров). Платой за их работу становилась третья часть изъятого. Оставшее шло в распоряжение городской общины с выделением некоторой доли для шерифа, если он или его люди участвовали в операции. Последний, впрочем, в любом случае не оставался обделенным, поскольку право фирмы (*ferm*)¹ обеспечивало ему получение постоянной фиксированной выплаты, средства на которую должны были изыскать смотрители [32, р. 257]. Дополнительной гарантией соблюдения статей «Регламента» служил штраф в 40 шиллингов за их нарушение, а, кроме того, магистрат оставлял за собой право вносить в документ изменения «для общей выгоды, в соответствии с тем, как сложатся времена» [32, р. 257–258].

Картина повседневной жизни Лондона в период «Черной смерти» была бы неполной без обращения к документам, проливающим свет на неизменные заботы городских властей. Возвращаясь к делам судебным, отметим, что юрисдикция муниципалитета не ограничивалась только утилизацией контрафакта или разбором гиль-

дейских тяжб. До нас дошла пара примечательных записей о судебных разбирательствах 1348 и 1351 гг., свидетельствующих, что жизнь в городе не замирала даже в самые тяжелые годы.

В обоих случаях дело было связано с приобретением мяса. По первому из исков 6 мая 1348 г. перед судом мэра и олдерменов предстали некие Джон, сын Джона Гилессона из Рефхема, и Агнес, дочь или жена торговца скобяными изделиями. Вина их состояла в том, что они выставили на продажу тухлую свинину, чем угрожали жизни ничего не подозревавших покупателей и навлекли позор на магистрат [36, р. 240]. В ходе заседания, однако, было установлено, что главным виновником является Джон: он лишь хотел заработать, распродав по частям тушу найденной им ранее мертвой свиньи. В свою очередь, Агнес, ни о чем не догадываясь, купила у него злополучный кусок мяса, надеясь его перепродать. Действительно ли она не заметила признаков разложения либо заметила слишком поздно и решила избавиться от него – вопрос открытый. Тем не менее суд счел возможным оправдать женщину, признав ее одной из жертв Джона. Приговором ему стал позорный столб, кроме того, у ног преступника была сожжена снятая им с туши свиная кожа [36, р. 241].

Второе заседание по схожему делу состоялось 31 января 1351 г., но на сей раз обвинителем выступала уже не разгневанная общественность, а конкретное лицо. Некто Генри Пекши, желая угостить своих друзей, приобрел у повара Генри де Пасселью пару запеченных в тесте каплунов. Уже во время трапезы, почти расправившись с одной из птиц, компания обнаружила, что мясо ее было тухлым. Не желая мириться с обманом, Пекши подал против недобросовестного кулинара иск, предоставив вторую птицу в качестве доказательства. Вскрытая на судебном заседании, она была признана «гнилой и дурно пахнущей» [37, р. 266]. Де Пасселью, впрочем, отрицал какую-либо вину, настаивая, что на момент продажи мясо было свежим. Тогда сержанту было приказано доставить в суд 6 или 8 присяжных из числа заслуживающих доверия поваров, дабы те установили правоту слов подсудимого. Мнение экспертов оказалось не на стороне коллеги. В наказание повар был приговорен к позорному столбу, а на пути к месту осмеяния перед ним несли вскрытого на суде каплуна [37, р. 267].

Показательна обращающая на себя внимание обязательная для исполнения приговора процедура унижения осужденного, выражавшаяся в некоторых ритуальных действиях. Не акцентируя на ней излишнего внимания, отметим, что необходимость подобного объяснялась особой ролью наказаний в жизни средневекового и, в частности, городского социума – им отводилась функция «очищения от скверны» и «восстановления изначальной чистоты в отношении между людьми» [38, с. 354].

К числу аналогичных актов, проливающих свет на повседневные заботы лондонского магистрата в 1348–1351 гг., можно отнести также постановление об опеке над несовершеннолетней дочерью одного из олддерменов, доверенной после смерти обоих родителей ее старшему брату [39], прокламацию, запрещающую купание во рвах и Темзе близ Тауэра [40], две имущественные описи лавок и часовни на Лондонском мосту, составленные покидавшими свой пост местными смотрителями [41, 42], и др.

Особое внимание хотелось бы обратить на прокламацию 1351 г., содержащую строгие рекомендации относительно внешнего вида горожанок из незнатных сословий, а также приезжих [43]. Представляющий ценность уже самим фактом своего существования (хотя и не уникальный), этот документ стал отражением долгосрочных перемен в психологии английских сословий и, в частности, горожан.

Средневековые с его четкой регламентацией сословной принадлежности делало внешний вид человека едва ли ни важнейшим индикатором положения в обществе и материального благополучия. Отсюда любое стремление лиц, не принадлежавших к высшей страте, аналогичным образом подчеркнуть свой достаток трактовалось как личное оскорбление и попрание моральных устоев. В особенности касалось это горожанок, занимавших в общественной иерархии тех лет промежуточное положение между благородными леди и женщинами из социальных низов, призванных служить воплощением бюргерского идеала «заботливой матери, послушной и верной жены, одновременно слуги и помощницы для своего мужа» [3, с. 101].

Сказанное подтверждает и настоящая прокламация. Прямо обвиняя горожанок Лондона в «непристойном» (*lewd*) поведении, она призывала их отказаться от провокационных элементов гардероба, в роли которых выступали изделия, отороченные беличьим, барсучьим, заячьим или кроличьим мехом, в пользу более скромных, но отражающих истинный социальный статус хозяйки одеяний, например, плащей, накидок или капюшонов без подкладки и внешней отделки [43, р. 267]. При этом, помимо рекомендательных, прокламация содержала и вполне конкретные меры недопущения дальнейших оскорблений «добропорядочных и благородных дам и девиц» (*good and noble dames and damsels*), обязывая жительниц столицы добровольно расстаться с неподобающим облачением до дня, следующего за праздником Св. Илария (13 января), в противном случае угрожая его конфискацией [43, р. 267].

Материалы последующего столетия свидетельствуют о полной несостоятельности подобной политики. Так, обращаясь к материалам Бристолья, мы увидим, что и в XV в. тенденция к самовыражению посредством недопустимого

гардероба сохранялась здесь в том числе и среди мужчин, в завещаниях которых то и дело упоминаются плащи всевозможной длины и расцветок, подбитые мехами или сукном [5, с. 190]. То же найдем в конце XV в. и в Йорке, где, несмотря на значительное сокращение населения, процветало перчаточное производство [33, с. 62]. Победить стремление к роскоши так и не удалось, в связи с чем Эдуард IV (1461–1470) вынужден был издать в 1463 г. специальный закон, определявший номенклатуру позволительных для ношения городским патрициатом мехов и нарядов, а некоторые муниципалитеты (все тот же Бристоль) даже вводили ограничения на количество денежных средств, которые их должностные лица имели право тратить на меха [5, с. 190].

Итак, период эпидемии стал для Лондона временем испытаний. Городу пришлось столкнуться с целым рядом негативных проявлений полномасштабного кризиса, одним из важнейших катализаторов которого была «Черная смерть», но тем не менее вызванного объективными изменениями в системе организации производства. Его непосредственными выражениями стали тотальная нехватка рабочих рук, усугублявшая и без того критическое положение цехов, причина которой могла крыться также в понесенных столицей людских потерях, повсеместное нарушение норм гильдейского законодательства, спекуляции, рост количества контрафактной продукции и уровня преступности, возможный продовольственный кризис. Не в силах совладать с ним, представители ремесленных и торговых цехов вынуждены были апеллировать к муниципальным властям, требуя их вмешательства и упорядочивания экономической жизни.

Ответом магистрата стало издание ряда специальных актов, позволявших регулировать как внешние, так и внутренние стороны торгово-ремесленной деятельности и общественных отношений, причем посредством не только декларативных, но и вполне конкретных мер. Начинания эти получили известную поддержку со стороны гильдий, что особенно заметно благодаря имеющимся свидетельствам обратной связи между ними и «отцами города».

Вместе с тем в Лондоне продолжалась и обычная жизнь. Магистрат по-прежнему издавал распоряжения и прокламации, выносил судебные решения, однако те глубокие социальные изменения, начало которым было положено в XIV в., уже не могли быть преодолены путем большей регламентации и запретительных мер.

Примечания

¹ Право фирмы (*firma*) – привилегия, пожалованная Лондону за 300 фунтов Хартией Генриха I и заключавшаяся в уплате муниципальными властями фиксированной денежной суммы в обмен на право взимать с горожан

произвольные поборы с их дальнейшим распределением на нужды столицы и ее жителей. Контроль за своевременным поступлением денежных средств возлагался на шерифа.

Список литературы

1. Репина Л. П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века. М. : Наука, 1979. 221 с.
2. Яброва М. М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе: (Лондон XIV – начала XVI века) / под ред. С. М. Стама. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1983. 230 с.
3. Праздников А. Г. Английский город XIV–XV веков: социальная структура и менталитет. Киров : Издательство Вятского государственного университета, 2007. 204 с.
4. Мосолкина Т. В. Город Бристоль в XIV–XV веках. Экономика, общественные отношения, социальная психология / под ред. С. М. Стама. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1997. 216 с.
5. Мосолкина Т. В. Социальная история Англии XIV–XVII вв. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. 416 с.
6. Мосолкина Т. В. Преступность в английском средневековом городе в последней трети XV века (на материалах города Йорк) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 57–60. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2015-15-3-57-60>
7. Чернова Л. Н. Правящая элита Лондона XIV–XVI веков: олддермены в контексте экономической, социальной и политической практики. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2005. 440 с.
8. Чернова Л. Н. Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 366 с.
9. Williams G. A. Medieval London: From Commune to Capital. London : University of London ; The Athlone Press, 1963. 377 p.
10. Barron C. M. London 1300–1540 // The Cambridge Urban History of Britain: in 3 vols. / gen. ed. P. Clark. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. Vol. 1. 600–1540 / ed. by D. M. Palliser. P. 395–440.
11. Barron C. M. London in the Late Middle Ages: Government and People 1200–1500. Oxford : Oxford University Press, 2004. 472 p.
12. Клаут Х. История Лондона / пер. с фр. Е. Д. Мурашкинцевой. М. : Весь Мир, 2002. 160 с.
13. Акройд П. Лондон: Биография / пер. с англ. В. Бабкова, Л. Мотылева. М. : Издательство Ольги Морозовой, 2009. 896 с.
14. Дженкинс С. Краткая история Лондона / пер. с англ. Д. В. Борока. М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. 480 с.
15. Byrne J. P. London, England // Byrne J. P. Encyclopedia of the Black Death. Santa Barbara, California ; Denver, Colorado ; London, England : ABC-CLIO, 2012. P. 215–216.
16. Чернова Л. Н. Лондон и города Англии в 1350–1370 гг.: социально-экономический аспект взаимоотношений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 319–328. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-319-328>
17. Левицкий Я. А. Город и феодализм в Англии / отв. ред. Е. В. Гутнова. М. : Наука, 1987. 284 с.
18. Самаркин В. В. Историческая география Западной Европы в средние века. М. : Высшая школа, 1976. 248 с.
19. Мортон А. Л. История Англии / пер. с англ. Н. Чернявской. М. : Издательство иностранной литературы, 1950. 463 с.
20. Репина Л. П. Население городов // Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т. / отв. ред. А. А. Сванидзе. Т. 1 : Феномен средневекового урбанизма. М. : Наука, 1999. С. 169–213.
21. The Black Death/transl. and ed. by R. Horrox. Manchester ; New York : Manchester University Press, 1994. 354 p.
22. Byrne J. P. Daily life during the Black Death. Westport, Connecticut ; London : Greenwood Press, 2006. 326 p.
23. Petition addressed to Pope Clement the Sixth by the Mayor and Aldermen, that Brother John de Worthyn, and he only, may be empowered to grant absolution within the City // Memorials of London and London life, in the XIIIth, XIVth and XVth centuries. being a series of extracts, local, social and political, from the early archives of the City of London. A.D. 1276–1419 / sel., transl. and ed. by H. T. Riley. London : Longmans, Green, and Co., 1868 (далее – Memorials of London and London life). P. 251–252.
24. Ordinances of the Pewterers // Memorials of London and London life. P. 241–244.
25. Ordinances of the Glovers // Memorials of London and London life. P. 245–247.
26. Ordinances of the Shearmen // Memorials of London and London life. P. 247–248.
27. Articles of the Furbishers // Memorials of London and London life. P. 258–260.
28. False nets ordered to be burnt // Memorials of London and London life. P. 244–245.
29. False gloves, braels, and pouches, burnt in Chepe // Memorials of London and London life. P. 249–250.
30. False saltcellars and potels of pewter forfeited // Memorials of London and London life. P. 259–260.
31. False cushions, coverlet, and bankers, forfeited // Memorials of London and London life. P. 260.
32. Regulations as to wages and prices in the City // Memorials of London and London life. P. 253–258.
33. Мосолкина Т. В. Повседневная реальность Англии в художественной литературе и исторических источниках XIV–XV веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 58–63. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-58-63>
34. Petition of the Master Shearman, as to the scale of wages // Memorials of London and London life. P. 250–251.
35. Законы о рабочих 1349–1350 гг. / пер. Д. М. Петрушевского // Хрестоматия памятников феодального

- государства и права стран Европы / под ред. В. М. Ко-
рецкого. М. : Государственное издательство юридиче-
ской литературы, 1961. С. 262–270.
36. Punishment of the Pillory, for selling carrion // Memorials
of London and London life. P. 240–241.
37. Punishment of the Pillory, for selling a putrid capon //
Memorials of London and London life. P. 266–267.
38. Тогоева О. И. Казнь в средневековом городе: зрелище
и ритуал // Город в средневековой цивилизации Запад-
ной Европы : в 4 т. / отв. ред. А. А. Сванидзе. Т. 3 :
Человек внутри городских стен. Формы обществен-
ных связей. М. : Наука, 2000. С. 353–361.
39. Wardship of Isabel de Hakeneye; with Inventory of her
plate and jewels // Memorials of London and London life.
P. 248–249.
40. Proclamation against bathing in the Fosses, or the Thames,
near the Tower, on pain of death // Memorials of London
and London life. P. 260–261.
41. Inventory and valuation of stores belonging to the works
at London Bridge, delivered to the Wardens thereof by the
outgoing Wardens // Memorials of London and London
life. P. 261–262.
42. Inventory of articles in the Chapel on London Bridge,
delivered to the Wardens thereof by the outgoing
Wardens // Memorials of London and London life. P. 263–
264.
43. Proclamation as to the dress of common women within
the City; and as to the sale of fish // Memorials of London
and London life. P. 267–268.

Поступила в редакцию 05.05.2023; одобрена после рецензирования 00.05.2023; принята к публикации 30.06.2023
The article was submitted 05.05.2023; approved after reviewing 00.05.2023; accepted for publication 30.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 469–472
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 469–472
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-469-472>, EDN: CZGFOC

Научная статья
УДК [94+655.26](437.1-21)|14|

Развитие чешских городов в послегуситский период как предпосылка возникновения чешского книгопечатания

Е. Н. Многолетняя

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Многолетняя Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Elenamногоletnjaja@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2079-6080>, Author ID: 386600

Аннотация. В статье предпринимается попытка выявить экономические предпосылки возникновения книгопечатания в Чехии. Исследуется экономическое развитие чешских городов в послегуситский период; анализируются основные привилегии, которые городам давали или подтверждали их владельцы, а также развитие в них ремесла и торговли.

Ключевые слова: история Чехии, послегуситский период, чешские города, ремесло, привилегии, торговля

Для цитирования: Многолетняя Е. Н. Развитие чешских городов в послегуситский период как предпосылка возникновения чешского книгопечатания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 469–472. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-469-472>, EDN: CZGFOC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The development of Czech cities in the post-Hussite period as a prerequisite for the emergence of Czech printing

E. N. Mnogoletnyaya

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena N. Mnogoletnyaya, Elenamногоletnjaja@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2079-6080>, Author ID: 386600

Abstract. The article attempts to identify the economic prerequisites for the emergence of printing in the Czech Republic. The author analyzes the economic development of Czech cities in the post-Hussite period, analyzes the main privileges that cities were given or confirmed by their owners, as well as the development of crafts and trade in them.

Keywords: history of the Czech, post-Hussite period, Czech cities, craft, privileges, trade

For citation: Mnogoletnyaya E. N. The development of Czech cities in the post-Hussite period as a prerequisite for the emergence of Czech printing. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 469–472 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-469-472>, EDN: CZGFOC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Чехия стала одной из первых стран, в которых появилось книгопечатание. По времени зарождения типографского дела она занимает 3-е место после Германии и Италии и опережает даже такие развитые для той поры страны, как Нидерланды, Англия и, возможно, Франция. Среди славянских стран Чехия первой освоила великое изобретение Гутенберга.

В этой связи неизбежно возникает вопрос о том, что же стало причиной столь раннего появления в Чешских землях книгопечатания. Следует отметить, что при всей важности этого вопроса он до сих пор специально не ставился

в исторической литературе. Однозначный ответ на него едва ли возможен. На наш взгляд, появление книгопечатания во многом было связано с высоким уровнем экономического развития Чешских земель во второй половине XV в. Это положение может показаться, на первый взгляд, спорным, поскольку в первой половине XV в. Чехия стала ареной бурной социально-политической и ожесточенной религиозной борьбы.

Пятнадцатилетний период гуситских войн, в ходе которых Чехия подвергалась опустошительным вторжениям крестоносцев, вспышки внутренних раздоров среди самих гуситов вме-

сте с экономической блокадой со стороны католической Европы не могли не нанести Чехии ощутимого экономического ущерба. Поэтому представления о тяжелейших, разрушительных последствиях гуситского периода в работах историков XIX – начала XX в. были преобладающими [1, 2]. Однако в исследованиях чешских историков, появившихся после Второй мировой войны, построенных на базе разнообразных источников, картина социально-экономического развития Чешских земель послегуситского периода предстала в ином виде. Чешский историк Алоис Мика пришел к выводу о том, что масштабы разрушительных последствий были несколько преувеличены в исследованиях XIX – начала XX в. Он признает, что значительные разрушения действительно имели место, но они коснулись главным образом тех районов, где велись активные военные действия. Самое же главное состояло в том, что произошедшие в Чехии во время гуситского движения глубокие изменения во всех сферах общества создали исключительно благоприятные условия для последующего социально-экономического развития Чешских земель, что принесло свои результаты уже в ближайшие десятилетия [3].

Исследования послевоенного времени показали, что во второй половине XV в. значительного расцвета достигли чешские города. В первую очередь это относится к королевским городам. Там развернулась оживленная экономическая жизнь, и наблюдался заметный прирост населения. Например, в Праге с 1436 по 1500 гг. было зарегистрировано 1483 новых ремесленников [3, s. 822]. Королевские города вышли из гуситского революционного движения, значительно усилив свои позиции. Это было следствием активного участия в гуситском движении чешского бюргерства, которое смогло освободиться от засилья немецкого патрициата и добиться для себя политических прав. В результате произошедших за годы гуситских войн конфискаций имущества у церкви и изгнанных немцев-патрициев королевские города получили мощную основу для дальнейшего экономического развития [4, s. 29].

На послегуситское время приходится подъем как королевских, так и сеньориальных, панских городов. Крупные феодалы переходят к политике всестороннего покровительства своим городам. Они дают им различные экономические и политико-правовые привилегии, горожане добиваются у короля расширения прав в сфере торговли, укрепляя тем самым экономические позиции городов [3, s. 822]. За период с 1453 по 1500 гг. некоролевским городам было предоставлено 348 привилегий. Из них только треть подтверждала уже данные ранее привилегии (107 грамот). Это означало, что 2 из 3 городов получили новые импульсы к развитию.

Городу Беле привилегии подтверждались 4 раза. Первую грамоту он получил в 1454 г. от короля Ладислава, который подтвердил горожанам все их привилегии [5, s. 8]. В 1460 г. король Иржи по просьбе горожан подтвердил их привилегии, особенно грамоту короля Карла IV от 2 сентября 1348 г. [5, s. 343]. В 1485 г. Цтибор Товачовский из Цимбурка, гетман маркграфства Моравского, также подтвердил горожанам г. Беле их привилегии [5, s. 516]. С 1478 г. по Оломоуцкому договору Моравия находилась под властью венгерского короля Матиаша Корвина, а чешские земли остались под властью Владислава Ягеллона, их власть в Моравии была номинальной, а все реальные управленческие функции были в руках земского гетмана. Поэтому привилегию подтверждал гетман маркграфства Моравского Цтибор Товачовский из Цимбурка.

После смерти Корвина в 1490 г. на венгерский трон был избран чешский король Владислав Ягеллон, представитель польской правящей династии. Чешские земли вновь воссоединились. И следующая привилегия подтверждается от его имени. Король Владислав в 1493 г. по просьбе Цтибора Товачовского из Цимбука подтвердил городу Беле и его горожанам все права и привилегии, особенно привилегию короля Карла IV от сентября 1348 г. [5, s. 576]. Как видим, подтверждение привилегий происходило при смене короля на чешском троне. Отметим, что все привилегии выдавались городам как раз в то время, когда в Чехии начинает распространяться книгопечатание. Получается, что оно совпадает с фазой подъема городской жизни.

Об этом подъеме ярко свидетельствуют разного рода торговые привилегии, их насчитывается 79. Например, король Иржи 27 мая 1458 г. предоставил находским горожанам (город Наход) право проводить ежегодную ярмарку в день Святого Мартина (11 ноября) и последующие 8 дней [5, s. 37]. Король Иржи 16 января 1460 г. пожаловал по просьбе Гануша из Колдиц его местечку Билине право ежегодной ярмарки в день Святого Марка и Марселлиана (18 июня) [5, s. 47]. Король Владислав предоставил в 1472 г. жителям г. Роудницам по их просьбе ежегодную ярмарку на праздник Святого Ильи (2 августа) и на 4 последующих дня и даровал право монопольного использования и продажи соли, привезенной в город [5, s. 157]. Король Владислав в 1478 г. пожаловал местечку Нове Пака ежегодную ярмарку в день Святого Лаврентия (10 августа) и последующие дни и, кроме того, право на ярмарку каждую субботу [5, s. 189].

Встречаются в документах и привилегии политико-правового, а также имущественного характера. Так, королева Йоанна в 1457 г.

«предоставляет горожанам своего города Теплицы право литомержицкое (г. Литомержицы) и постановляет, что город принадлежит местному и замку, а отнюдь не королевской короне...» [5, s. 134], 25 апреля 1472 г. были подтверждены привилегии города Теплицы [5, s. 148].

Горожане некоторых местечек по привилегии получали право распоряжения имуществом. В 1475 г., 3 мая, Томаш III из Колдиц, гетман Литомержицкого края, позволил билинским (г. Билина) горожанам и всем, кто получил это право, чтобы имущество хозяина (*herbot*) принадлежало жене и детям, имущество жены, в свою очередь, мужу и детям... могут свое имущество каждый завещать или подарить, кому захотят [5, s. 163]. Этой привилегией закрепляется право наследования имущества.

Если говорить о содержании привилегий, то наиболее значительную их часть составляют грамоты, подтверждающие ранее данные права или предоставленные новые торговые привилегии. Значительное количество торговых привилегий косвенно свидетельствует о формировании густой сети местных рынков, а следовательно, увеличении ассортимента производственных товаров, имеющих постоянный спрос.

Процветание чешских городов во второй половине XV в. во многом связано с развитием в них ремесла. Ремесленное производство, получившее на рубеже XIII–XIV вв. цеховую организацию, достигло в середине XV в. значительного расцвета. Для г. Праги ценнейшими документами о ремесленном производстве являются сохранившиеся 16 цеховых статуты второй половины XV в. [6, s. 442–491], весьма неоднородных по своему характеру. Как правило, в них ставятся вопросы об ученичестве, о требованиях к мастерам, о регламентации производства. На их основании мы можем говорить о том, что во второй половине XV в. в г. Праге были следующие цеховые союзы: пекарей, кузнецов, мыловаров, солодовников-пивоваров, маслоделов, шляпников, уздарей, золотых дел мастеров (ювелиров), пильщиков, канатчиков, гончаров, седельщиков.

Выдающийся исследователь чешского города З. Винтер подробно проследил развитие процесса специализации в кузнечном деле (г. Прага) [7]. Он выявляет следующие специальности в металлообрабатывающем производстве г. Праги: изготовители кос, гвоздильщики, игольщики, изготовители цепей, жестянщики, слесари, часовщики, ножовщики, изготовители ножиц, стрел, копий, мечей, клинков, шлемов, фонарей, оружейники, пороховщики, изготовители селитры, лудильщики, изготовители колоколов, посуды (чайников, мисок, котелков), латуньщики, изготовители подсвечников, колец, золотых дел мастера, кровельщики. Всего свыше 30 наименований специальностей [7, s. 458–484].

Высокий уровень развития металлообработки, которая имела первостепенное значение для книгопечатания, являлся важнейшей предпосылкой его возникновения.

Особо хотелось бы отметить, что во второй половине XV в. произошли изменения и в художественном ремесле. От художников отделились иллюминаторы, т. е. иллюстраторы книг. За период с 1420 по 1526 гг. в документах Праги мы находим сведения о 27 иллюминаторах [7, s. 514, 517].

Высокий уровень ремесленного производства был характерен и для других чешских городов [4, s. 32]. В г. Высоком Мыто, например, в 1432 г. было 9 цехов: пекарей, солодовников, мясников, ткачей полотна, портных, суконщиков, сапожников, кузнецов, лавочников [4, s. 32]. В г. Литомышле приблизительно в период 1437–1453 гг. к привилегированным ремеслам принадлежали сапожное дело, солодовничество, кузнечное дело, пекарское дело, портновское дело, скорняжное дело, мясники, суконщики [4, s. 32]. В г. Таборе в 1432–1450 гг. трудились сапожники, мясники, портные, солодовники, гончары, скорняжники, кузнецы, плотники, мельники [4, s. 32]. В г. Пльзене во второй половине XV в. было 55 различных ремесел. В тот период наблюдались реорганизация пльзенских цехов и широкая специализация ремесел. В 1488 г. магистрат города подтвердил новые правила объединенному цеху слесарей, бронников, оружейников, ножовщиков, шорников, уздарей [8, s. 21, 23].

Развитию кузнечного и ювелирного дел во многом способствовала разработка рудников. С начала XIV в. стали разрабатываться богатые золотые рудники в Емнице (Моравия). Новые серебряные рудники возникли в XIV в. в Моравии у Шумперка, Кралика, Горного Беншова. Особенно большое значение имело открытие больших запасов серебра в Кутной Горе. На протяжении XIV в. г. Кутна Гора был центром горного промысла [9, с. 92]. С конца XV в. в Чехии начался новый подъем горного производства, главным образом добычи серебра, а открытие новых серебряных месторождений у Яхимова в начале XVI в. вывело Чехию на одно из первых мест в Европе по добыче драгоценных металлов [10, с. 93].

Производство ремесленной продукции для местного рынка занимало в указанный период первое место и достигло уровня, который имел следствием полное его насыщение [4, s. 63]. Такое положение вещей находит отражение в цеховых статутах, которые запрещают привоз на рынок товаров, произведенных не в ближайшем округе. Так, в цеховом статуте сукноделов г. Высокое Мыто от 1451 г. содержится запрет на продажу в розницу сукна из городов, не принадлежащих к округе г. Высокое Мыто: из Жмутиц, Табора, Жатец [4, s. 38]. Главным

доказательством проникновения ремесленной продукции на широкий внутренний рынок свидетельствуют также меры цехов и городских магистратов, направленные против ее ввоза. Так, против ввоза чужой продукции выступили в 1444 г. скорняки в Высоком Мыте, в 1446 г. – кузнецы в Новом Месте Пражском, в 1484 г. – портные Тржебони [4, с. 39].

В результате насыщения местного рынка начинается поиск путей для выхода на внешний заграничный рынок. Важнейшим экспортным товаром во второй половине XV в. становится чешское сукно. Сукнодельческая продукция вывозилась в северогерманские города маркграфства Мейссен, Вену, другие города Австрии, Братиславу. На поставках и производстве сукна специализировались Пльзень, Чешские Будейовицы, Табор, Индржихов Градец и некоторые другие города Чехии [4, с. 42–43]. Помимо сукна, из городов Чехии за границу вывозились и некоторые ремесленные изделия: ножи, покрывала, шляпы [4, с. 30].

Таким образом, вторая половина XV в. стала периодом динамичного развития экономики Чешских земель. Ремесленная продукция выходит на широкий внутренний рынок, и начинается поиск новых рынков для реализации произведенного товара. В целом выявленные факты позволяют говорить о создании технической базы для появления книгопечатания и возможного рынка для книгопечатной продукции.

Список литературы

1. *Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě: v 5 díl. Díl 4. část 1.* Praha : Nakladem Knihkupectví J. G. Kalve, 1857. 476 s.
2. *Pekař J. Žižka a jeho doba : v IV díl. Díl. 1.* V Praze : Vesmír, 1927. 283 s.
3. *Mika A. Die wirtschaftlichen und sozialen Folgen der revolutionären Hussitenbewegung in den landlichen Gebieten Bohmens // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft.* 1959. № 4. S. 820–841.
4. *Janáček J. Řemeslná výroba v českých městech v 16. století.* Praha : Nakladatelství Československé akademie věd, 1961. 269 s.
5. *Privilegia nekralsvych mest ceskych // Sbirka pramenu prava mestskeho kralovstvi ceskeho. D. 2. Privelegia nekralsvich mest ceskych z let 1453–1500 / Zpracoval Antonin Haas.* Praha : Nakl. Československe akad. věd, 1960. 409 s.
6. *Archiv český: XXXVII díl. Díl. XI V.* V Praze: Nakl. Domestikálního fondu českého, 1895. 611 s.
7. *Winter Z. Dějiny řemesel a obchodu v Čechách v XI V. a v XV. století.* V Praze : nákladem České Akademie Císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1906. 906 s.
8. *Lábek L., Petlán E. Počátky českého knihtisku.* Plzeň : Grafika, 1948. 84 s.
9. *История Чехословакии : в 3 т. / под ред. Г. Э. Санчука и П. Н. Третьякова. М. : Издательство АН СССР, 1956. Т. 1. 440 с.*
10. *Краткая история Чехословакии: С древнейших времен до наших дней / отв. ред. А. Х. Клеванский, В. В. Марьина, И. И. Поп. М. : Наука, 1988. 574 с.*

Поступила в редакцию 16.05.2023; одобрена после рецензирования 10.06.2023; принята к публикации 30.06.2023
The article was submitted 16.05.2023; approved after reviewing 10.06.2023; accepted for publication 30.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 473–479
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 473–479
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-473-479>, EDN: DIHUPV

Научная статья
УДК [94+930](410)|15|+929[Бернар Андре+ГенрихVII]

«Анналы Генриха VII» (1504–1505 гг., 1507–1508 гг.) Бернара Андре: история, пропаганда или мифотворчество?

Д. В. Кирюхин

Нижегородский государственный агротехнологический университет, Россия, 603107, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 97

Кирюхин Дмитрий Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Иностранные языки», bagerlock@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-6585-497X>, AuthorID: 831617

Аннотация. В статье анализируются так называемые «Анналы Генриха VII» (записи двадцатого и двадцать третьего года правления основателя династии Тюдоров), написанные придворным поэтом и королевским историографом Бернаром Андре. Созданные после завершения работы над «Историей жизни и достижений Генриха VII», они, возможно, задумывались автором как черновик для будущего подобного исторического сочинения и содержали множество важных деталей, хотя в силу обстоятельств так и не приобрели форму завершённого произведения.

Ключевые слова: Англия эпохи Тюдоров, репрезентация власти, Генрих VII, придворная историография, Бернар Андре, гуманизм

Для цитирования: Кирюхин Д. В. «Анналы Генриха VII» (1504–1505 гг., 1507–1508 гг.) Бернара Андре: история, пропаганда или мифотворчество? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 473–479. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-473-479>, EDN: DIHUPV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“*Annales Regni Henrici Septimi*” (1504–1505, 1507–1508) by Bernard André: History, Propaganda or Myth-creation?

D. V. Kiryukhin

Nizhny Novgorod State Agrotechnological University, 97 Ave. Gagarina, Nizhny Novgorod 603107, Russia

Dmitriy V. Kiryukhin, bagerlock@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6585-497X>, AuthorID: 831617

Abstract. The article analyzes the so-called “*Annales Regni Henrici Septimi*” (records of the twentieth and twenty-third years of the reign of the founder of the Tudor dynasty), written by the court poet and royal historiographer Bernard André. Created after the completion of “*De Vita atque Gestis Henrici Septimi Historia*”, it may have been intended by the author as a draft for a future similar historical work and contain many important details, although due to circumstances it never took the form of a completed work.

Keywords: Tudor England, the representation of power, Henry VII, court historiography, Bernard André, humanism

For citation: Kiryukhin D. V. “*Annales Regni Henrici Septimi*” (1504–1505, 1507–1508) by Bernard André: History, Propaganda or Myth-creation? *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 473–479 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-473-479>, EDN: DIHUPV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Эпоха Возрождения ознаменовала возвращение европейского общества к античной культуре, и к концу XV в. миф вновь становится неотъемлемой частью создаваемого нарратива, появляясь с целью сравнения, сопоставления, оценки окружающей авторов действительности и, разумеется, играет не последнюю роль в общем процессе мифологизации актуальных образов последней. Боги и богини, герои и существа античной мифологии, чьи имена чаще использовались в латинизированной форме, стали постоянными

ми спутниками придворных поэтов, которые в своих многочисленных стихотворениях обращались не только к Аполлону и его музам, но и не скупались проводить аналогии, сравнивая своих современников с героями славного прошлого. Как отмечает А. В. Ставицкий, «миф онтологичен, а бытие мифологично, поскольку мифотворчество свойственно человеку и обществу уже в силу потребности в смыслах, а миф эти смыслы создает» [1, с. 57].

В отечественной историографии большой вклад в изучение всех аспектов мифа и мифотворчества как теоретического, фундаментального и концептуального характера, так и в сфере культуры как информационно-алгоритмической системы, внесла проводимая филиалом МГУ им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе Международная научно-практическая междисциплинарная конференция «Миф в истории, политике и культуре», которая объединила, помимо ведущих исследователей из России и ученых из девятнадцати стран, а также стараниями ее организаторов привела к созданию научного журнала «Мифологос». Среди ряда научных работ, опубликованных в данном издании и имеющих непосредственное отношение к нашей теме, необходимо отметить статьи А. В. Ставицкого [2, с. 153–169] и Е. Е. Демидовой [3, с. 122–134]. Рассматриваемый период первых Тюдоров в Англии в последние годы в отечественной историографии продолжает вызывать интерес у исследователей. В числе материалов последних лет особенно важна докторская диссертация А. Г. Праздниковой, посвященная событиям Войн роз, предшествующих воцарению короля Генриха VII [4]. Вслед за Констанцией Блэкуэлл из университета Лондона, рассматривавшей использование античного наследия Цицерона, Плутарха и Саллюстия итальянским поэтом, историком и гуманистом Титом Ливием Фруловези (ок. 1400–1456/1457) в его сочинениях «Жизнь Генриха V» (“*Vita Henrici Quinti*”) (1437 г.) и «История Генриха VII» Бернара Андре [5, с. 431–440], Е. Д. Браун обращается к античным образам в произведении последнего [6, с. 75–85], используя его затем как материал для реконструкции представлений о Войнах роз на страницах манускрипта [7, с. 55–68].

«История жизни и достижений Генриха VII» является источником для исследований и персональной истории. Так, М. А. Мухин анализирует создаваемый Бернаром Андре образ короля Эдуарда IV [8, с. 12–16], а затем сопоставляет личность самого Генриха VII, созданную трудами Андре и Фрэнсиса Бэкона [9, с. 165–166], написавшего свою «Историю правления короля Генриха VII» много позднее. Лондон периода Тюдоров, переживший глубокие социальные изменения и реформационные процессы, повлекшие трансформации духовно-религиозные и нравственные ценности, находится в центре внимания исследования Л. Н. Черновой [10, с. 311–319]. Что касается недавно вышедших в свет публикаций, несомненный интерес вызывает материал С. А. Мироновой, в котором автор обращается к политическим и гендерным аспектам прихода к власти и правления Марии Тюдор [11, с. 31–37]. Появилась содержательная статья о Бернаре Андре и в русскоязычной «Википедии», со ссылками как на отечественных, так и зарубежных

исследователей, чего, однако, к сожалению, нельзя сказать о других его коллегах по перу – Джованни Джильи, Пьетро Кармелиано, Андреа Аммонии или Корнелио Вителли, которые по-прежнему малоизвестны.

Уроженец Тулузы Бернар Андре (1450–1522) после получения степени доктора канонического и гражданского права примкнул к монахам-августинцам. Плохое зрение, которое, вероятно, ухудшалось с годами [12, с. 869–903], не стало преградой для литературного и поэтического поприща, более того, «Гомер Севера» сделал прекрасную карьеру при английском дворе [13, с. 106]. Исследователи жизни и творчества Андре расходятся во мнениях, при каких обстоятельствах и когда произошла его первая встреча с Генрихом Тюдором. Некоторые авторы относят их знакомство ко времени бегства графа Ричмонда во Францию или Бретань [14, с. XIII], другие считают, что оно произошло при Бургундском дворе [15, с. 279–304], однако согласно самому Андре он встретил основателя новой династии со своей сафической одой в Лондоне во время триумфального шествия после победы над Ричардом III Йорком 27 августа 1485 г. [16, с. 58–59]. Именно Бернар Андре стал первым поэтом-лауреатом в Англии, а также совместил должности «королевского историографа», латинского секретаря монарха и наставника его сыновей. Вероятно, последние годы он провел в уединении в стенах одного из монастырей, продолжая работу над своими рукописями.

Литературное творчество Бернара Андре очень неоднородно. Известно около 60 его работ, большая часть из которых в настоящее время считается утраченной. Среди поэтических произведений можно назвать стихотворения и оды на победы короля Генриха VII, размещенные в сочинении «Истории жизни...», и опубликованная отдельно поэма «Двенадцать побед Генриха VII» (1497) [17, с. 131–153]. Андре также является автором комментариев к труду Августина «О Граде Божьем», высоко ценившихся Эразмом Роттердамским, и сборника «Христианские гимны», также снискавшем славу у его современников [18, с. 72–87]. Впрочем, у придворного поэта были прекрасные отношения со своими коллегами, исключением является лишь ссора с Эразмом в 1511 г. во время визита последнего в Лондон, но это событие лишь еще раз свидетельствует о характере самого Эразма, уверенного в том, что его выдающийся талант был даром человечеству, и привыкшего жить за счет своих друзей, оскорблявшего и возмущавшегося, когда его просили оплачивать его счета [19, с. 45–51].

Хотя известно, что над текстом манускрипта «Истории жизни и достижений Генриха VII» Андре начал работать не позднее августа 1500 г., вопрос завершенности произведения остается открытым. События, описанные в сохранившемся

нарративе, начинаются с рождения будущего короля и заканчиваются речью Генриха VII к побежденным корнуольцам, которые поддержали восстание Перкина Уорбека в 1497 г.

Помимо этого, сохранились годовые записи 1504–1505 гг., 1507–1508 гг., 1515–1516 гг., 1521–1522 гг. Существовавшая подобная запись за 1518–1519 гг. считается утраченной, как и запись 1500 г., комментарии Андре к сочинениям Теренция, Плиния, Вергилия, Авла Геллия и Стация и «История правления Генриха VIII» [20, р. 161–198].

Латинский оригинал манускрипта «Истории жизни...» вместе с двумя годовыми записями, озаглавленными издателем как «Анналы Генриха VII», относящимися к периоду правления первого из Тюдоров, и поэма «Двенадцать триумфов Генриха VII» были впервые опубликованы как «История короля Генриха VII» Джеймсом Гайрднером в 1858 г. в академической серии Rolls Series [21]. В 2010 и 2019 гг. на сайте библиотеки Литературного музея института Шекспира университета Бирмингема появились первые переводы «Истории жизни...» и «Анналов» на современный английский язык, выполненные Даной Саттон с 2010 по 2019 г. [22]

В 2011 г. в Нью-Йоркском издательстве Italic Press вышел альтернативный перевод манускрипта за авторством историка Дэниэла Хоббинса [23]. Помимо последнего, к зарубежным исследователям, обращающимся к жизни и творчеству Бернара Андре, можно отнести и Дэвида Карлсона, авторству которого, кроме прочего, принадлежит объемный обзорный труд, посвященный сохранившимся письменным сочинениям придворного поэта [24, р. 229–250]. Первый перевод на русский язык «Истории жизни...» Б. Андре был опубликован в 2017 г. в Центре гуманитарных инициатив» [16], перевод и комментирование «Анналов» были завершены нами в 2022 г., но эти материалы пока не опубликованы.

При попытках сопоставительного анализа сочинений «Анналы Генриха VII» (1504–1505 гг., 1507–1508 гг.) и «История жизни...» англоязычные историки задаются лишь вопросом их возможной связи [25]. Во-первых, до сих пор дискуссионным является предположение о законченности повествования «Истории жизни...», так как из-за состояния манускрипта не до конца ясно, не было ли у имеющегося текста продолжения, не сохранившегося в силу недобросовестного хранения. Во-вторых, можно ли считать запись 1504–1505 гг. и другие прямым ее продолжением? Хронологически, конечно, нет, ведь манускрипт, написанный предположительно в период с 1500 по 1503 гг., заканчивается событиями 1497 г., но известно, что имелась годовая запись за 1500 г., что дает повод предположить о существовании некогда и других текстов, подобных сохранившимся «Анналам».

Сама связь этих, казалось бы, разрозненных источников напрашивается сама собой, если взглянуть на посвящение «Истории жизни...»: «Когда я часто размышляю об этом, Ваше драгоценнейшее имя приходит мне на ум, такое яркое и даровавшее столько расположения ко мне, что если я должен предпринять что-то одновременно благородное и милое моему сердцу, – не сказать о нем было бы величайшей несправедливостью. И более того, в этом заключается мой долг по отношению к Вам как слуги, и так же, как остальные отдают вам десятину и первые плоды своего урожая, я вручаю вам плоды своего досуга. *Я стремлюсь представить Вам более или менее ежегодный труд, продиктованный либо избытком, либо бесплодностью моего ума* (курсив наш. – Д. К.), как словно бы я был одним из арендаторов Вашей земли, и эти плоды моего маленького надела отражали бы мою добрую волю» [16, с. 21–22].

Однако если Д. Гайрднер, впервые подготовивший текст манускриптов к печати, озвучивал теорию о том, что «Анналы» продолжались на том месте, где заканчивалась «История жизни...» [26, р. XI–XIII], то Д. Саттон во введении к опубликованному переводу отмечает, что на самом деле мы не имеем пока ни малейшего представления о том, повествованием о каких событиях Б. Андре планировал закончить одно произведение, или как много по времени охватывали «Анналы» правление короля Генриха VII. Кроме того, нельзя исключать, что материалы могли быть написаны в одно время [25]. Поэтому представление о том, что между этими работами не было хронологических совпадений, может быть не более чем оптической иллюзией, созданной состоянием имеющихся у нас на данный момент источников.

Как бы то ни было, нас в первую очередь будут интересовать сходства и различия «Истории жизни...» и «Анналов Генриха VII», представленных записями 1504–1505 гг., 1507–1508 гг. При беглом взгляде становится очевидным, что, несмотря на многочисленные намеренные лакуны, оставленные автором с целью заполнить после получения необходимой информации, более ранняя «История жизни...» является самой проработанной из трех названных произведений. Несмотря на то, что труд в целом следует хронологии последовательно развивающихся событий (если не учитывать некоторые даты битв, которые автор ошибочно располагает в обратном порядке из-за недостаточного владения информацией), Андре не просто достаточно вольно интерпретирует их в угоду Короне, но и добавляет что-то от себя либо намеренно умалчивает, составляет акценты и создает особый драматизм, дополняя не только собственные поэтические произведения, но и прямую речь, например, тирана Ричарда III или молитву святого короля Генриха VI [16, с. 42–43, 54–55].

Так, судьба Генриха VII становится неразрывно связанной с Англией задолго до его рождения, ведь предком будущего короля является не только знаменитый король Артур, но и сам Брут I Троянский, легендарный основатель английского королевства. Разумеется, история страны согласно Б. Андре это не просто череда правителей, последовательно сменяющих друг друга, это поле битв добра со злом, богоизбранных королей и поддавшихся злым и искушениям злодеев. Основными темами, к которым обращается автор «Истории жизни...», являются: вопрос законности прав на английский трон династии Ланкастеров, наследником которой был Генрих Тюдор, его валлийское происхождение и вероломство выступающих против него самозванцев, и они, безусловно, не случайны, а продиктованы событиями, происходившими при дворе в момент написания произведения [27, с. 20–23]. Речь идет о череде смертей представителей королевской семьи и сторонников Генриха VII, случившихся в эти годы. Так, в июне 1500 г. погиб третий сын короля Эдмунд, в сентябре этого же года Джон Мортон (1420–1500), один из важнейших сторонников правителя, в 1502 г. наследник престола Артур погибает от потливой лихорадки, в 1503 г. умирает королева Елизавета Йоркская.

Ухудшение здоровья самого короля Генриха VII на фоне этих событий порождает тревожные слухи при дворе и среди послов других государств о скорой кончине правителя и грядущем государственном перевороте. Таким образом, при написании «Истории жизни...» Б. Андре решал задачу не столько создать сочинение об истории Англии, соответствующее новейшим для своего времени гуманистическим тенденциям, сколько устранить возможные сомнения и слухи в придворных и дипломатических кругах о легитимности и законности прав новой династии и стабильности ее правления [28, р. 61–79].

Запись 1504–1505 г. – 20-й год правления Генриха VII – можно назвать «Историей жизни...» в миниатюре, хотя перед автором явно стояли несколько иные задачи, а масштаб повествования был ограничен лишь временным отрезком в один год. По форме подачи материала слог Б. Андре очень узнаваем. Во-первых, повествование четко структурировано и разделено на тематические «главы». Предшествует тексту неизменное посвящение со «слезным восклицанием автора» и просьбами его простить в случае ошибок или неточностей и апелляцией к античным классикам. Важно отметить, что когда Андре описывал события 20-го года правления короля, считал годы по римскому образцу (Полидор Вергилий использовал тот же метод в своей «Истории Англии» [29]). Эта часть его труда охватывает период с 22 августа 1504 г. по 23 августа 1505 г. Андре не случайно заканчивает свое

годовое описание именно праздником дня святого Варфоломея (24 августа) – эта дата является напоминанием начала воцарения Генриха VII, победившего Ричарда III Йорка на Босвортском поле 22 августа.

Андре начинает с внутренней политики, посвящая первую главу «Справедливой денежной реформе». Впрочем, не стоит ждать здесь от автора подробностей и деталей, ведь «обращение с чеканкой монет и расширение или сокращение этого закона подробно отражены в публичных актах и бумагах, этот вопрос более отчетливо виден на деле, чем на словах» [30], поэтому Андре переходит к описанию других событий. Важно отметить впервые появляющийся здесь тезис о том, что преобразования были осуществлены королем без «какого-либо использования оружия или гибели людей» [30]. Как мы увидим впоследствии, он красной нитью проходит через все повествование.

Остальные 6 глав документа посвящены преимущественно внешней политике. Внимание Андре в первую очередь привлекают дары иностранных послов и ведущих европейских правителей, что, несомненно, свидетельствует о престиже английского монарха. Так, Жорж д'Амбуаз (1460–1510), кардинал Руана, один из главных министров Людовика XII, сыгравший большую роль в кампании по вовлечению Англии в Камбрейскую лигу с целью завоевания Венеции и разделения ее территории, отправляет в дар одну из ног святого Георгия Победоносца, святого, имевшего для Англии особое значение: он считался покровителем рыцарства, участников крестовых походов, а также одним из Четырнадцати святых помощников, в 1348 (1350) г. святой Георгий был избран покровителем Англии королем Эдуардом III [31, с. 608–609].

Отмечает Б. Андре и работу посольств по установлению международных союзов, например с Португалией, которой в те годы правил Мануэл I Счастливый (1469–1521), а также важность торгового взаимодействия с Фландрией. И хотя мы не встретим подробностей или деталей, автор убежден: «Он (король Генрих VII. – Д. К.) один смог принести столько благополучия своему королевству только благодаря искусству мира, не прибегая к оружию или кровопролитию, а потому по праву может называться отцом своей страны всеми без исключения и быть провозглашенным королем мира во всех отношениях» [30].

Затем Андре повествует об английском посольстве ко двору римского папы Юлия II (1443–1513), в которое входили настоятель бенедиктинского аббатства в Гластонсбери, дипломат, ученый и друг Эразма Ричард Бир (ум. 1524 г.), дипломат Роберт Шерборн (ок. 1453–1536) и сторонник Генриха Тюдора, начиная с битвы при Босворте, сэр Гилберт Тэлбот (1452–1518). Вышеуказанное посольство фактически возглавлял кардинал Адриано Кастеллес

(ок. 1460–ок. 1521), в него также входил епископ Вустера Сильвестро де Джильи (1463–1521). Мы не узнаем, о чем была «прекрасная и изысканная речь в присутствии папы» [30], но зато в следующей главе автор сообщит об ответных дарах папы римского – это были «головной убор и меч для защиты и сохранения всей Воинствующей Церкви» [30]. Необходимо отметить, что достаточно подробно Андре описывает торжественную публичную церемонию обретения этих даров, подводящую к выводу о том, что король является собой «олицетворение самой справедливости» [30].

Кульминацией 20-го года является глава «Что такое миротворец», в которой Андре лишь упоминает о таких не менее важных произошедших событиях, как вспыхнувшая вновь эпидемия потливой лихорадки, отводя главное место рассказу о мирном договоре, заключенном 31 января 1504 г. в Блуа в качестве итога второй итальянской войны. Франция во главе с королем Людовиком XII (1462–1515) пошла на уступки Фердинанду II Арагонскому в признании Неаполитанского королевства и Южной Италии владением испанской короны, которая, в свою очередь, отдала Франции Ломбардию и Геную, в Северной Италии также сохранилось влияние последней.

Определенную выгоду извлекла как Венеция, добавившая к своим территориям ряд апулийских портов, так и римский папа, чья власть была восстановлена в Средней Италии. Разумеется, по мнению автора, заключение мира не могло бы состояться без участия «Соломоноподобного хранителя мира» Генриха VII, к которому за помощью обратились вышеназванные правители: «И до сего дня ни один из них не смог бы удержаться от войны, если бы наш король не сдерживал, не смягчал, не успокаивал и не усмирал их умы, будучи как бы связующим звеном и неразрывной цепью» [30]. Завершает повествование Андре обильными цитатами из Священного Писания и пересказом книги святого Амвросия Медиоланского «Об обязанностях священнослужителей» [32].

Запись 1507–1508 гг., относящаяся к 23-му году правления короля Генриха VII, разительно отличается от двух ранее рассмотренных материалов. С одной стороны, эти записи лишены узнаваемой литературной обработки и практически не структурированы, хотя представленные события описаны в хронологическом порядке. С другой стороны, объем приводимых сведений и деталей значительно шире. Не вызывает сомнений тот факт, что сам Андре прекрасно понимал разницу этих своих произведений и намеренно выбрал именно такую форму подачи материала. Так, например, повествование начинается со сведений о выборах лорд-мэра и шерифов Лондона, которые состоялись

в октябре, и то, что Андре пишет об этом событии в начале своего труда, говорит о том, что он следует традиции городских хроник, в которых также каждый год начинается с имен лорд-мэра и шерифов. Поскольку те занимали свои посты только в течение одного года, их имена также являлись своего рода хронологическим маркером, как, например, имена консулов Древнего Рима.

Вполне вероятно, что собранный таким образом материал Андре планировал впоследствии использовать при написании нового произведения или даже, возможно, использовал, но оно не сохранилось. Сведения о записях 23-го года правления Генриха VII могли использовать и другие придворные авторы в качестве источника информации, выбрав и структурировав их, придав им форму и трактовав по-своему. Примечательно, что Андре отмечает множество интересных событий и деталей – от ярко сверкавшей молнии «в субботу ночью и утром в воскресенье» [30], до разнообразных слухов из сферы международной политики. Вновь достаточно подробно и красочно Андре описывает приемы и торжества с участием короля, его сторонников и иностранных послов.

Особенно важно, что Андре упоминает и некоторые детали жизни Генриха VII, которые мы не встретим в других его произведениях, где король по ходу всего повествования занят исключительно государственными делами. Так, мы узнаем, что первый из Тюдоров, вероятно, очень любил охоту и не отрывался от этого занятия даже, когда приезжали послы из Франции или Германии. Кроме того, король страдал приступами подагры. Впрочем, достаточно подробно описывает Андре и болезни, которыми страдали иностранные послы и придворные, упоминая в том числе и потливую лихорадку. Из текста Андре становится очевидным, что Генрих очень переживал смерть своей супруги Елизаветы Йоркской и каждый год 11 февраля организовывал памятные мероприятия (она умерла в день своего рождения).

Не стоит забывать, что для любого автора из гуманистических кругов того времени история – это не просто набор каких-то событий и фактов, а некая стройная система, сформировавшаяся с помощью их интерпретации, компиляции и анализа. Даже для придворного историка Полидора Вергилия, автора 26-томной «Английской истории», чей труд очень близок к философии, это своего рода вид этики, раскрывающий читателям кладезь как положительных, так и отрицательных примеров. Бернар Андре своей «Историей жизни...» идет дальше, куда более свободно интерпретируя события и исторические личности, даря читателю готовые ответы на вопрос о том, как относиться к тому или иному правителю или происшествию.

Поэтому столь интересно рассматривать «Историю жизни...» в сравнении с «Анналами» 20-го и 23-го годов, наглядно демонстрирующими работу придворного историографа в динамике: от сбора фактологического материала до придания ему особой формы сначала в масштабах одного года, а затем и целого периода. При этом необходимо помнить, что эта самая литературная форма получившегося в итоге произведения обусловлена текущей обстановкой в стране, тем целям и задачам по репрезентации власти, которые ставил перед собой автор.

Список литературы

1. Ставицкий А. В. Общая теория мифа о структуре его функционирования // Мифологос. 2022. № 1. С. 56–74. <https://doi.org/10.35103/SMSU.2022.43.42.005>
2. Ставицкий А. В. Мифологические структуры в свете общей теории мифа: основные подходы, варианты, параметры // Мифологос. 2022. № 1. С. 153–169. <https://doi.org/10.35103/SMSU.2022.93.73.012>
3. Демидова Е. Е. Мифы о власти и власть мифа: когнитивный аспект // Мифологос. 2022. № 4. С. 122–134. <https://doi.org/10.35103/SMSU.2022.14.15.056>
4. Праздников А. Г. Состав и модели поведения активных участников социально-политического конфликта в Англии второй половины XV века : дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 2021. 711 с.
5. Blackwell C. W. T. Humanism and Politics in English Royal Biography: The use of Cicero, Plutarch and Sallust in the Vita Henrici Quinti (1438) by Titus Livius de Frulovisi and the Vita Henrici Septimi (1500–1503) by Bernard André // Acta Conventus Neo-Latini Sanctandreami : proceedings of the Fifth International Congress of Neo-Latin Studies, St. Andrews, 24 August to 1 September 1982 / ed. by McFarlane, I. D. Binghamton, New York : Medieval and Renaissance Texts and Studies, 1986. P. 431–440.
6. Браун Е. Д. Античные образы в английской ренессансной историографии (на примере «Истории Генриха VII» Бернара Андре) // История и архивы. 2020. № 1. С. 75–85. <https://doi.org/10.28995/2658-6541-2020-1-75-85>
7. Браун Е. Д. Войны Роз в «Истории жизни и достижений Генриха VII» Бернара Андре // Память и идентичность – II. Кто пишет историю: особенности формирования исторического нарратива : сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции / отв. ред. П. Н. Лебедев. М. : РГГУ, 2020. С. 55–68.
8. Мухин М. А. Образ короля Эдуарда IV в труде Бернара Андре «История жизни и достижений Генриха VII» // Ars Historica : сборник научных статей. Вып. 12 / сост., науч. ред. Т. С. Минаева. Архангельск : Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, 2020. С. 12–16.
9. Мухин М. А. Два взгляда на личность Генриха VII в сочинениях Бернара Андре и Фрэнсиса Бэкона // Ломоносов 2020 : материалы XXVII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / под ред. О. А. Шпырко. Севастополь : Филиал МГУ им. М. В. Ломоносова в Севастополе, 2020. С. 165–166.
10. Чернова Л. Н. Тюдоровский Лондон: социальный портрет (на материале завещаний) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 311–319. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-311-319>
11. Миронова С. А. Политические и гендерные аспекты прихода к власти и правления Марии Тюдор // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 31–37. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-31-37>
12. Carlson D. R. The ‘Opicius’ Poems (British Library, Cotton Vespasian B.iv) and the Humanist Anti-Literature in Early Tudor England // Renaissance Quarterly. 2002. Vol. 55, iss. 3. P. 869–903.
13. Lecuppre G. Historie autorisée, biographie héroïsée: les douze triomphes de Henry VII (1497) // Revista de Humanidades y Ciencias Sociales. 2013. № 3. P. 103–116.
14. Hobbins D. Introduction // Andre B. The Life of Henry VII/trans. & introd. by D. Hobbins. New York : Italica Press, 2011. P. IX–XL.
15. Carlson D. R. Politicizing Tudor Court Literature: Gaguin’s Embassy and Henry VII’s Humanists; Response // Studies in Philology. 1988. Vol. 85, № 3. P. 279–304.
16. Андре Б. История жизни и достижений Генриха VII / пер. с лат., вступ. ст., коммент. Д. В. Кирюхин. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. 144 с.
17. Andre B. Les Douze Triomphes de Henry VII // Historia Regis Henrici Septimi a Bernardo Andrea Tholosate Conscripta, necnon Alia Quaedam ad Eundem Regem Spectantia / ed. by J. Gairdner. London : Longman, 1858. P. 131–153.
18. Кирюхин Д. В. Творческое и эпистолярное наследие Эразма Роттердамского и Бернара Андре в контексте личных взаимоотношений авторов // Средние века. 2017. Т. 78, № 4. С. 72–87.
19. Tournoy G. Two poems written by Erasmus for Bernard Andre // Humanistica Lovaniensia. 1978. Vol. 27. P. 45–51.
20. Hobbins D. Arsenal MS 360 as a Witness to the Career and Writings of Bernard Andre // Humanistica Lovaniensia. 2001. Vol. 50. P. 161–198.
21. Historia Regis Henrici Septimi a Bernardo Andrea Tholosate Conscripta, necnon Alia Quaedam ad Eundem Regem Spectantia / ed. by J. Gairdner. London : Longman, 1858. 476 p.
22. Andre B. De Vita atque Gestis Henrici Septimi Historia / ed. and trans. by D. F. Sutton // Library of Humanistic Texts of the Philological Museum of the University of Birmingham. URL: <https://philological.cal.bham.ac.uk/andreas/> (дата обращения: 03.04.2023).

23. *Andre B.* The Life of Henry VII/trans. & introd. by D. Hobbins. New York : Italica Press, 2011. 126 p.
24. *Carlson D. R.* The Writings of Bernard Andre (c. 1450–1522) // *Renaissance Studies*. 1998. Vol. 12, № 2. P. 229–250.
25. *Sutton D. F.* Introduction / Andre B. *Annales Regni Henrici Septimi (1504/5 and 1507/8)* / ed. and trans. by D. F. Sutton // *Library of Humanistic Texts of the Philological Museum of the University of Birmingham*. URL: <https://philological.cal.bham.ac.uk/andreannals/intro.html> (дата обращения: 03.04.2023).
26. *Gairdner J.* Introduction // *Historia Regis Henrici Septimi a Bernardo Andrea Tholosate Conscripta, necnon Alia Quaedam ad Eundem Regem Spectantia* / ed. by J. Gairdner. London : Longman, 1858. P. VII–LXIV.
27. *Кирюхин Д. В.* Роль манускрипта «De Vita atque Gestis Henrici Septimi Historia» Б. Андре при дворе Генриха VII как одно из средств репрезентации королевской власти // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего : сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 65-летию профессора Я. Г. Солодкина (Нижевартовск, 13–15 октября 2016 г.) / под общ. ред. проф. Л. В. Алексеевой. Нижевартовск : Издательство НВГУ, 2016. С. 20–23.
28. *Hobbins D.* The Poet Laureate as Stabilizer: Bernard André and the Vita Regis Henrici Septimi // *Enarratio*. 1997. Vol. 4. P. 61–79.
29. *The Anglica Historia of Polydore Vergil, A.D. 1485–1537* / ed. and trans. by D. Hay. London : Office of the Royal Historical Society, 1950. 373 p.
30. *Andre B.* *Annales Regni Henrici Septimi (1504/5 and 1507/8)* / ed. and trans. by D. F. Sutton // *Library of Humanistic Texts of the Philological Museum of the University of Birmingham*. URL: <https://philological.cal.bham.ac.uk/andreannals/intro.html> (дата обращения: 03.04.2023).
31. *Устинов В. Г.* Столетняя война и Войны Роз. М. ; АСТ : Астрель ; Хранитель, 2008. 637 с.
32. Творение св. Амвросия, епископа Медиоланского. Об обязанностях священнослужителей (*De officiis ministorum*) / пер. с лат. Г. Прохорова ; под ред. Л. Писарева. М. ; Рига : Благовест, 1995. 412 с.

Поступила в редакцию 20.03.2023; одобрена после рецензирования 10.04.2023; принята к публикации 30.06.2023
The article was submitted 20.03.2023; approved after reviewing 10.04.2023; accepted for publication 30.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 480–485
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 480–485
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-480-485>, EDN: NEINEW

Научная статья
УДК [323.272(44):328.123(410)]|17|+929Фокс

Чарльз Джеймс Фокс и дискуссия в британском парламенте о начальном периоде Французской революции

И. В. Дайнеко

Южный федеральный университет, Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42

Дайнеко Илья Владиславович, аспирант кафедры зарубежной истории и международных отношений, idayneko@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3191-591>, AuthorID: 1109901

Аннотация. Статья посвящена позиции известного британского политика, лидера партии вигов Чарльза Джеймса Фокса, в связи с началом Французской революции. Анализируются причины раскола в рядах парламентской фракции вигов по итогам обсуждения событий во Франции.

Ключевые слова: парламент Великобритании, Французская революция, виги, раскол партии, фракции

Для цитирования: Дайнеко И. В. Чарльз Джеймс Фокс и дискуссия в британском парламенте о начальном периоде Французской революции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 480–485. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-480-485>, EDN: NEINEW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Charles James Fox and the debate in the British Parliament concerning the early period of the French Revolution)

I. V. Dayneko

Southern Federal University, 105/42 Bol'shaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344006, Russia

Ilya V. Dayneko, idayneko@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3191-591>, AuthorID: 1109901

Abstract. The article deals with the position of the famous British politician, Whig party leader Charles James Fox on the beginning of the French Revolution. The author analyzes the reasons for the split in the ranks of the Whig parliamentary faction following the discussion of the events unfolding in France.

Keywords: British Parliament, French Revolution, Whigs, party split, fractions

For citation: Dayneko I. V. Charles James Fox and the debate in the British Parliament concerning the early period of the French Revolution). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 480–485 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-480-485>, EDN: NEINEW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Конец XVIII столетия ознаменовался для британских политиков значительными изменениями, во многом связанными с революционными событиями во Франции. Они пришлись на время нахождения у власти Уильяма Питта-младшего (1759–1806), занимавшего пост премьер-министра Великобритании с 1783 по 1801 г. В современной историографии его правление традиционно характеризуется как «девять лет мира», сменившиеся «восемью годами войны» [1, с. 16–18]. Основная причина столь кардинальных перемен – Французская революция, превратившая на последующие два десятилетия территорию Европы

в поле ожесточенного военно-дипломатического противостояния.

Неудивительно, что, начиная с 1789 г., в английском парламенте развернулись дискуссии о сущности изменений, произошедших в соседней стране, о причинах дестабилизации ситуации в Старом Свете. В ходе состоявшегося обсуждения британская политическая элита разделилась во мнениях. Классическое противостояние партийных группировок тори и вигов дополнилось расколом среди верхушки либеральной партии (вигов). Лидером группировки «новых вигов» стал Чарльз Джеймс Фокс (1749–1806), извест-

ный оппонент короля Георга III (1738–1820) и Уильяма Питта-младшего. После раскола либералов «старых» вигов возглавил известный философ и политический деятель Эдмунд Бёрк (1729–1797).

Обращение к оценочным суждениям Ч. Фокса, касавшихся характера и нацеленности Французской революции, позволит более предметно проанализировать ход политических процессов, происходивших в парламенте Великобритании в конце XVIII столетия.

Исследования, посвященные данной теме, можно разделить на несколько групп. Одна из них – это биографии Чарльза Джеймса Фокса, рассматривавшие ключевые эпизоды его политической деятельности. К ним относятся работы Д. Пауэлла [2], Л. Рида [3], С. Эйлинга [4], Дж. Хаммонда [5], Л. Митчелла [6]. Отметим, что относительно влияния Французской революции на раскол вигской партии мнение этих историков схоже. В качестве ключевой причины раскола группировки вигов зарубежные исследователи выделяют, прежде всего, дебаты, связанные с обсуждением революции во Франции. Едина их оценка и позиции Фокса. Исследователи подчеркивают, что британский политик являлся сторонником либерально-демократических идей, пропагандируемых французскими политиками в начальный период революционных преобразований во Франции (1789–1792 гг.). Пожалуй, лишь Л. Митчелл предложил несколько иной взгляд на причину раскола партии вигов. Начало раскола, по его мнению, может быть отнесено к событиям 1782 г. и связано с деятельностью коалиционного правительства Фокса – Норта. Именно после его отставки, утверждает Митчелл, среди вигов стали все более отчетливо проявляться консервативные настроения [6]. Следовательно, согласно его оценке обсуждение событий Французской революции послужило поводом для раскола вигов, но не самой его причиной, как полагали другие авторы.

Еще одну группу тематических исследований составляют работы, посвященные деятельности английского парламента в эпоху Французской революции. Позиция Фокса в них затрагивается фрагментарно, однако эти исследования позволяют собрать дополнительную мозаику мнений по рассматриваемой проблеме. Так, У. Лапдейд освещает деятельность Фокса в контексте бурных политических прений в британском парламенте по поводу ситуации «по ту сторону Ла-Манша». Это помогает более ясно представить проблему взаимоотношений политических элит Великобритании в конце XVIII в. [7]. Г. Баттерфилд исследует вигскую интерпретацию событий 1792 г. во Франции [8]. Помимо этого, в сфере интересов историка находятся причины раскола либеральной партии. По его мнению, вина в этом полностью на стороне Фокса и его избыточной принципиальности [8, р. 329].

Английскую общественно-политическую мысль периода Французской революции рассматривают в своих работах Г. Клайес [9] и П. Хауэлл [10]. Касаясь проблематики взаимоотношений внутри партии вигов, они приходят к схожим выводам по поводу причин, из-за которых произошел финальный разрыв между Фоксом и Бёрком. При этом ключевой и самый спорный аспект проблемы, по мнению Клайеса и Хауэлла, идеологический. Современный британский исследователь М. Скьенсберг раскрывает проблему взаимоотношений Э. Бёрка и парламентской оппозиции периода 1789–1794 гг. Автор статьи рассматривает данную проблему в контексте разделения вигов на «старых» и «новых» [11].

Отечественная историография затрагивала рассматриваемую проблематику фрагментарно. Можно констатировать, что Чарльз Джеймс Фокс является второстепенным персонажем для российской британистики, а специальные работы, посвященные его деятельности, отсутствуют. Лишь в исследованиях, анализирующих позицию видных британских политиков конца XVIII в., упоминаются отдельные аспекты политики лидера вигов. Так, А. А. Егоров рассматривает события конца XVIII столетия в Великобритании через призму политической биографии Уильяма Питта-младшего [1]. А. В. Чудинов в своей монографии освещает воззрения и политические позиции Э. Бёрка, Дж. Макинтоша, У. Годвина в связи с событиями Французской революции [12]. Т. Л. Лабутина и М. А. Ковалев исследовали проблему взаимоотношений внутри партии вигов в конце XVIII в. [13].

Прежде чем приступить к анализу воззрений Чарльза Джеймса Фокса относительно Французской революции, следует рассмотреть положение лидера парламентской оппозиции в партии вигов к этому моменту. После постигшей его неудачи во время «регентского кризиса» 1788–1789 гг. Фокс лишился значительной части своего электората [14]. Первая половина 1789 г. для главы вигов оказалась особенно тяжелой. Как отмечают исследователи, Фокс превратился в «посмешище в глазах английского общества», поскольку отказался от собственных взглядов и предпочел рискнуть своей репутацией ради власти [1, с. 110; 14, с. 140]. Фактически от него отвернулась и часть либерально настроенной знати. Положение лидера вигов усугублялось триумфом премьер-министра У. Питта-младшего, получившего поддержку аристократии и выздоровевшего короля Георга III. Однако сложившуюся политическую конфигурацию внутри правящей элиты Великобритании радикально изменила разразившаяся во Франции революция. Либерально-демократические взгляды Фокса вновь приобрели актуальность в обществе.

Позиция лидера британской оппозиции заключалась в полной поддержке революционных

событий на территории Франции. Современники Фокса отмечали, что падение Бастилии произвело довольно сильное впечатление на британское общественное мнение [3, р. 258]. Показательно, что лидер вигов адресовал своему другу Фицпатрику следующие слова: «Насколько это величайшее событие, которое произошло в мире, и насколько лучшее!» [15]. По мнению Фокса, события во Франции послужили одной из предпосылок формирования в этой стране черт демократического государства. Важнейшую роль в установлении подобного порядка вещей в стране сыграла принятая в конце августа 1789 г. «Декларация прав человека и гражданина» [16, с. 42–44]. Лидер британской оппозиции выражал надежду, что тиранический строй, под гнетом которого находились французы в последние века, после этого непременно изменится. На заседании парламента в сентябре 1789 г. Фокс высказал мысль о близости Английской и Французской революций: «Во многом, две революции в Англии XVII века были схожи с Французской. Но во Франции положение было хуже, там правил деспот, которого необходимо было свергнуть» [6]. Лорен Рид отмечает, что «Фокс хотел стать другом новой свободной Франции» [3, р. 258]. Ранее глава британской оппозиции стал сторонником независимости Соединенных Штатов Америки, где еще в 1776 г. в «Декларации независимости США» [17] и в Конституции 1787 г. [18] были четко прописаны права человека. Исходя из этих настроений и симпатий, Фокс возлагал большие надежды на Французскую революцию. Глава вигов писал о том, что «большая часть европейской политической системы будет изменена, если эта Революция будет иметь последствия, которые я ожидаю» [15]. Добавим, что позиция Фокса в отношении США поменялась со временем. Изначально поддерживавший широкую автономию Североамериканских колоний, позже он стал сторонником борьбы за их освобождения из-под власти Британской короны, убедившись, что король Георг III не собирается отступить и желает полностью подчинить американцев. Также можно отметить, что в обоих случаях – и в период Войны за независимость [15], и во время Французской революции [15, 19] – Фокс поддерживал мирные способы борьбы за власть и выступал за максимально бескровное разрешение любой кризисной ситуации. Для лидера оппозиции британского парламента были важны идеи гуманизма и человечности.

Необходимо подчеркнуть, что в эпицентре политической концепции Фокса всегда присутствовала идея смягчения конкуренции французской и британской политик. Как пишет Л. Митчелл, «Фокс, в те короткие моменты, когда он занимался иностранными делами, ясно понимал, что его первой обязанностью было сдерживать непомерную гордость и безграничные амбиции

Франции. В 1786 г. лидер вигов выступил против торгового договора Питта с Францией, на том основании, что это была просто французская уловка, чтобы связать Англию» [6]. Монархия Бурбонов, в лице Людовика XVI, по мнению Фокса серьезно угрожала правлению Георга III. Несмотря на разногласия, существовавшие между ним и королем Великобритании, Фокс был истинным английским патриотом и опасался, что в ходе революции французский король одержит победу, что еще более усложнит международную обстановку и сведет на нет все гуманистические достижения, которые принесла революция. Поэтому вождь вигов истово поддерживал противников Людовика XVI во Франции.

Однако рассуждения Фокса не совпадали с мнением консервативной части вигов. Уже в первые месяцы после начала Французской революции на заседании парламента свою негативную оценку этого события озвучил Эдмунд Бёрк, выступивший сторонником французского аббата-контрреволюционера О. Баррюэля [20]. В частности, старый друг Фокса критически высказался против уже произошедших изменений в политической и социальной структурах французского государства. Вследствие этого в партии вигов наметился раскол. Фактически в ней возникло два разных политических направления: «старые виги» и «новые виги», которые соответственно возглавили Бёрк и Фокс. В самом начале кризиса, несмотря на серьезные внутривнутриполитические противоречия, окончательный разрыв между лидерами партии казался маловероятным, тем более, как уже отмечалось Митчеллом, первые симптомы «болезни в организме либерального лагеря» проявили себя еще в 1782 г., когда часть вигов выступила против коалиции Фокса – Нортона [21]. Бёрк всегда занимал собственную позицию по большей части вопросов, даже когда это противоречило взглядам остальных вигов и самому духу либеральной партии, хотя, по мнению еще одного видного оппозиционного политика и друга Фокса Ричарда Бринсли Шеридана (1751–1816), «скорее в силу обстоятельств, чем по собственному выбору или природной близости, мистер Бёрк всегда примыкал к популярной партии в политике» [22, р. 58].

К 1789 г. в либеральной среде уже назревали конфликты, и отношения Бёрка и Шеридана в это время было сложно назвать дружескими. Во время регентского кризиса 1788–1789 гг. Бёрк также занял независимую от Фокса политическую позицию [23, р. 261]. Он утверждал, что британская традиция наделяет короля исполнительной властью и что наследственное право на корону в династии Ганноверов было установлено Актом о престолонаследии 1701 г. [24]. Такая точка зрения значительно расходилась с позицией Фокса и представляла собой ультраконсервативный взгляд на политику, но подобная риторика не находилась в противоречии с привычной позицией

Бёрка, лишней раз подтверждая его приверженность собственным убеждениям. Большая часть вигов всецело одобряла такую позицию и поддерживала опытного политика.

В то же время Фокс и Бёрк имели собственные взгляды на дальнейшее развитие партии. Об этом пишет, например, М. Скьенсберг: «Бёрк был приверженцем вигов, но независимым человеком, который стремился вести свою партию в собственном направлении» [11, р. 545]. Согласно оценкам ряда исследователей, в частности Дж. Дерри [23], к июлю 1789 г. Бёрк располагал не менее обширным влиянием в парламенте и партии вигов, чем Фокс.

Неудивительно, что расклад сил в британском парламенте еще более изменился с началом Французской революции, особенно в ситуации, когда Фокс положительно воспринял трансформацию политической системы в соседней стране. Позиция вождя вигов оказалась вновь популярной. В целом большая часть английского парламента поддержала революцию во Франции. При этом тори рассчитывали, что переворот ослабит страну, являющуюся стратегическим противником Великобритании. Позиция либеральной части вигов была иной, но также нацеленной на поддержку революции во Франции. Эта часть британской правящей элиты полагала, что революция позволит построить на территории Франции демократическое, дружественное государство. Л. Митчелл пишет о том, что именно благодаря подобной позиции «Фокс восстановил свое положение среди реформаторов после начала Французской революции, и такие реформаторы, как Уайвилл, возобновили контакты с ним» [6].

Поддерживал революцию и премьер-министр У. Питт-младший, разделяя мнение большинства тори [25]. Для Фокса это был определенный позитивный шаг – поддерживая главу кабинета, лидер оппозиции тем самым приобретал собственный политический вес. Несмотря на расхождения в деталях и понимании значения революции, премьер-министр и лидер оппозиции имели схожие положительные мнения о событиях во Франции. В глазах общества глава вигов вновь вернул свой авторитет, а провал времени регентского кризиса, когда Фокс предал свои политические принципы, был забыт [15].

На заседании парламента 21 января 1790 г. Фокс, как отмечали очевидцы, был красноречив, как никогда. Глава вигов заявил: «Декларация прав человека и гражданина во Франции – самое потрясающее и славное здание свободы, которое было воздвигнуто на фундаменте человеческой честности во все времена и во всех странах» [15]. Развивая эту мысль, он утверждал, что «не может не считать эту революцию самым грандиозным делом, каким бы оно ни казалось тем, кто смотрит на нее более поверхностно» [15].

По мнению другого британского политика Уильяма Гренвиля (1759–1834), премьер-министра Соединенного королевства в 1806–1807 гг., эта речь явилась сильным ударом для Бёрка [25]. Во всяком случае в переписке участников этих событий была высказана точка зрения о том, что теперь «может последовать политический раскол, который закончится распадом партии» [26].

Однако в британском парламенте мнение относительно Французской революции весьма быстро претерпело существенные изменения. Уже в середине 1790 г. большая часть депутатов Палаты общин считала позицию Фокса авантюристической. Эта группировка скорее была склонна поддерживать Бёрка, уже опубликовавшего свою знаменитую книгу «Размышления о революции во Франции» [27]. Питт-младший придерживался нейтральной позиции, как и в целом правительство Великобритании. Премьер-министр, прежде всего, оценивал, какую выгоду может получить Великобритания от событий, происходивших во Франции [25], но глава вигов оставался верен своим взглядам, несмотря на всеобщее осуждение. Так, Уильям Гренвиль указывал в 1790 г. на то, что «в стране наблюдается рост демократического движения и различных, подчас довольно радикальных политических клубов» [26]. Сторонники Фокса и сам лидер вигов использовали такую ситуацию для сбора денег в поддержку французских революционеров. Либеральные оппозиционеры зачастую сами возглавляли подобные политические кружки и клубы. Во многом именно эта точка зрения в отношении Французской революции повлияла на усиление недовольства в обществе и становление радикального движения, яркими представителями которого были Уильям Годвин, Гилберт Уэйкфилд и Хелен Мария Уильямс.

Начиная с 1791 г., в Великобритании наблюдалось изменение вектора внешней и внутренней политики правящего кабинета. На смену относительно либеральной политике приходит жесткий консервативный курс. Последнее десятилетие XVIII столетия в оценке исследователя Кеннета Джонстона было ничем иным, как временем «террора Питта-младшего» [28]. В частности, достаточно жестко были подавлены июльские волнения в Бирмингеме в 1791 г. Впоследствии Фокс на заседании парламента, посвященном этим событиям, отреагировал на подобную политику в характерном для себя стиле. В частности, он подчеркнул, что «Французская революция подтвердила, что преследования короны ведут к ужасным и отвратительным преступлениям» [19].

В 1791 г. состоялся окончательный раскол партии вигов. На заседании парламента, которое открылось 6 мая, Бёрк заявил о своем разрыве с Фоксом. В своей речи политик выказал явное недовольство лидером оппозиции, считая

того виновным в случившемся. «Он был запятнан французской политикой и принципом; он ... покинул своих старых друзей», – заявил Бёрк [6]. Фокс со слезами на глазах высказал надежду на продолжение 25-летней дружбы, но Бёрк остался непреклонен и не отказался от своего решения. Как итог, отстаивая свою позицию в отношении Французской революции, признанный вождь вигов лишился поддержки своего старого соратника. Фактически это событие может свидетельствовать о важности для Фокса не только произошедших во Франции событий, но и его устоявшихся радикальных взглядах на политику.

После казни Людовика XVI (1793) и объявления Великобританией войны Французской республике наступил новый этап как в отношениях между Францией и Великобританией, так и к самой революции. Для Фокса обретенные к этому времени политические итоги были довольно неутешительными. Потеряв значительную часть поддержки аристократии, лидер вигов стал в своей стране непопулярной политической фигурой. Впервые за долгое время на выборах в парламент Фокс получил менее 100 голосов поддержки [29]. Но самое главное – либеральная партия раскололась на «старых» и «новых» вигов, и теперь друзья лидера оппозиции превратились в его оппонентов.

Таким образом, можно утверждать, что позиция Фокса как лидера британской парламентской оппозиции на протяжении всей его политической карьеры (за исключением коалиции 1783 г. и регентского кризиса 1788–1789 гг.) оставалась неизменной. Как пишет лорд Рассел, биограф Фокса, «во всех своих многочисленных и блестящих боях за свободу совести, за политическую свободу, за мир, за отмену работорговли и за парламентскую реформу мистер Фокс никогда не забывал, что он виг. Он посвятил свою жизнь отстаиванию подлинных принципов этой партии и умер, пытаясь их отстаивать» [30]. Можно констатировать, что и в начальный период Французской революции оценки Фокса основывались, прежде всего, на его радикальных и, возможно даже, на несколько идеалистических представлениях о политике. В целом лидер вигов был политиком, желавшим добиться максимальных перемен в лучшую (прагматическую) сторону и в кратчайшие сроки. Революция во Франции вполне отвечала подобным ожиданиям. В своей политической борьбе Фокс неизменно поддерживал ее, и ради отстаивания этой принципиальной позиции был готов пожертвовать даже «старой» дружбой. При этом из-за сложившейся общественно-политической конъюнктуры позиция Фокса ненадолго совпала с восприятием событий во Франции даже Уильямом Питтом-младшим, что привело в 1789 г. к временному союзу правящей партии (тори) и оппозиции (вигов). К 1792 г. лидер вигов из-за своей идейной

позиции в значительной степени утратил поддержку собственного электората и превратился в политика «второго плана», на стороне которого в Великобритании оставалась лишь небольшая часть либерально настроенных сторонников.

Список литературы

1. *Егоров А. А.* Уильям Питт Младший. 1784–1806: решающие годы. Ростов н/Д : Южный федеральный университет, 2017. 444 с.
2. *Powell D.* Charles James Fox. London : Hutchinson, 1989. 283 p.
3. *Reid L.* Charles James Fox: A man for the people. Columbia : University of Missouri Press, 1969. 475 p.
4. *Ayling S. E.* Fox: The life of Charles James Fox. London : J. Murray, 1991. 271 p.
5. *Hammond J. L. Le B.* Charles James Fox: A political study. London : Methuen & Company ; New York : James Pott & Company, 1903. 370 p.
6. *Mitchell L. G.* Charles James Fox. Oxford : Oxford University Press, 1992. 338 p. URL: <https://archive.org/details/charlesjamesfox00mit> (дата обращения: 12.09.2022).
7. *Laprade W. T.* England and the French revolution. Baltimore : The Johns Hopkins Press, 1909. 232 p.
8. *Butterfield H.* Charles James Fox and the wig opposition in 1792 // Cambridge Historical Journal. 1949. Vol. 9. P. 293–330.
9. *Clayes G.* The French Revolution debate and the British political thought // History of Political Thought. 1990. Vol. 11, № 1. P. 59–80.
10. *Howell P.* Burke, Paine, and the Newspapers: An «Archeology» of Political Knowledge 1789–1793 // Studies in Romanticism. 2004. Vol. 43, № 3. P. 357–398.
11. *Skjonsberg M.* Edmund Burke, the French Revolution and the Battle for the Soul of the Whig Party // Parliamentary History. 2021. Vol. 40, pt. 3. P. 543–562.
12. *Чудинов А. В.* Размышления англичан о Французской революции. Э. Берк. Дж. Макинтош. У. Годвин. М. : Памятники исторической мысли, 1996. 304 с.
13. *Лабутина Т. Л., Ковалев М. А.* Британские интеллектуалы эпохи Просвещения: от маркиза Галифакса до Эдмунда Берка. М. : Алетейя. 2021. 570 с.
14. *Ковалева О. А., Подольников В. П., Волошина Е. Е.* Регентский кризис и вигская оппозиция в Англии 1788–1789 годов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2016. № 3. С. 41–50.
15. *Memorials and Correspondence of Charles James Fox* : in 4 vols. / ed. by J. R. Russel. London : R. Bentley, 1853. Vol. 2. 424 p. URL: <https://archive.org/details/memorialsandcorr02foxc/page/66/mode/2up> (дата обращения: 12.11.2022).
16. Конституция и законодательные акты Французской Республики: По состоянию на январь 1958 года / сост. и авт. вступ. статьи М. А. Крутоголов. М. : Госюриздат, 1958. 527 с.
17. Декларация независимости Соединенных Штатов Америки. 4 июля 1776 года. URL: <https://www.>

- vostlit.info/Texts/Dokumenty/S.America/XVIII/1760-1780/Deklac_nezavisim/text.phtml?id=4684 (дата обращения: 18.11.2022).
18. Конституция Соединенных Штатов 1787 года. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/S.America/XVIII/1780-1800/Konstitucija_USA/text.phtml (дата обращения: 19.11.2022).
 19. Memorials and Correspondence of Charles James Fox : in 4 vols. / ed. by J. R. Russel. London : R. Bentley, 1854. Vol. 3. 470 p. URL: <https://archive.org/details/dli.granth.71723> (дата обращения: 20.11.2022).
 20. Киясов С. Е. Аббат О. Баррюэль о причинах и организаторах Французской революции // Вестник Волгоградского университета. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, № 6. С. 46–56. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.6.13>
 21. Mitchell L. G. Charles James Fox and the disintegration of the wig party 1782–1794. Oxford : Oxford University Press, 1971. 318 p.
 22. Sheridan R. B. The speeches of R. B. Sheridan : in 3 vols. Oxford : Oxford University Press, 1828. Vol. I. 73 p.
 23. Derry J. W. The Regency Crisis and the Whigs. 1788–1789. Cambridge : University Press, 1963. 256 p.
 24. Act of Settlement, 1701. URL: <http://jacobite.ca/documents/1701settlement.htm> (дата обращения: 19.11.2022).
 25. The speeches of the Right Honourable William Pitt, in the House of Commons : in 4 vols. / ed. by W. S. Hathaway. London : Printed For Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, Paternoster-Row, 1817. Vol. 1. 476 p. URL: <https://archive.org/details/speechesofrighth01pittuoft> (дата обращения: 23.11.2022).
 26. Memoirs of the court and cabinets of George the third. From original family documents. The duke Buckingham and Chandos, K. G. : in 4 vols. London : Hurst and Blackett, publishers, successors to Henry Colburn, 1853. Vol. 3. 457 p. URL: <https://archive.org/details/memoirsofcourtca0001buck> (дата обращения: 25.11.2022).
 27. Берк Э. Размышления о революции во Франции. Лондон : ОПИ, 1992. 411 с.
 28. Johnston K. R. Unusual suspects. Pitt's Reign of Alarm and the Lost Generation of the 1790s. Oxford : Oxford University Press, 2013. 400 p.
 29. Annals of reign of King George the Third : in 2 vols. / ed. by J. Aikin. London : Printed for Longman, Hurst, Rees, Orme, Brown, and Green, 1825. Vol. 1. 532 p. URL: https://books.google.ru/books?id=YJBjAAAAMAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 26.11.2022).
 30. Russel J. R. The life and times of Charles James Fox : in 4 vols. London : Kessinger Publishing, 1866. Vol. 2. 388 p. URL: <https://archive.org/details/dli.granth.91633/page/n7/mode/2up> (дата обращения: 22.11.2022).

Поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 30.06.2023
The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 25.04.2023; accepted for publication 30.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 486–491

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 486–491

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-486-491>, EDN: NZRADE

Научная статья

УДК [327+355/359](430)|1969/1974|+929Брандт

«Новая восточная политика» Вилли Брандта и бундесвер в 1969–1974 годы

Д. В. Родин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Родин Денис Валерьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории новой и новейшей истории стран Европы и Америки, enigma9307@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5378-5342>, AuthorID: 1065123

Аннотация. На основе архивных и опубликованных материалов проанализировано отношение высшего и низшего состава бундесвера к «новой восточной политике» канцлера Вилли Брандта и влияние последней на развитие вооруженных сил Западной Германии в 1969–1974 гг. Продемонстрирована поддержка внешнеполитического курса В. Брандта на разрядку в отношениях с социалистическим блоком со стороны рядовых и младших офицеров. В то же время показано, что высшее командование бундесвера в своих документах подчеркивало верность Североатлантическому альянсу и использовало принципы «новой восточной политики» для укрепления позиций ФРГ в НАТО.

Ключевые слова: ФРГ, Вилли Брандт, разрядка, новая восточная политика, бундесвер, НАТО, студенческое движение 1968, Гельмут Шмидт, Георг Лебер

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш01-17 «Влияние гонки вооружений на мировую политику, научно-технический прогресс и экологию».

Для цитирования: Родин Д. В. «Новая восточная политика» Вилли Брандта и бундесвер в 1969–1974 годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 486–491. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-486-491>, EDN: NZRADE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“New Eastern Policy” of Willy Brandt and Bundeswehr in 1969–1974

D. V. Rodin

Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Denis V. Rodin, enigma9307@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5378-5342>, AuthorID: 1065123

Abstract. The article based on archival and published materials analyses the attitude of the members of the higher and lower structures of the Bundeswehr to the “new eastern policy” of Chancellor Willy Brandt and the influence of the latter on the development of the armed forces of West Germany in 1969–1974. It is demonstrated that privates and junior officers supported the foreign policy course of W. Brandt on detente in relations with the socialist bloc. At the same time it is shown that the high command of the Bundeswehr emphasized loyalty to the North Atlantic Alliance in their documents and used the principles of the “new eastern policy” to strengthen the positions of the Federal Republic of Germany in NATO.

Keywords: Federal Republic of Germany, Willy Brandt, détente, new eastern policy, Bundeswehr, NATO, student movement of 1968, Helmut Schmidt, Georg Leber

Acknowledgments: The reported study was performed according to the Development Program of Moscow University, project number 23-Ш01-17 “The impact of the arms race on world politics, scientific and technological progress and ecology”.

For citation: Rodin D. V. “New Eastern Policy” of Willy Brandt and Bundeswehr in 1969–1974. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 486–491 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-486-491>, EDN: NZRADE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Лозунгом канцлерства Вилли Брандта стали слова «преемственность и обновление» с акцентом на втором слове, подразумевавшем глубокие реформы как во внутренней, так и во внешней политике. Одним из ключевых направлений

его внешнеполитической деятельности являлась «новая восточная политика», о которой канцлер говорил: «Наши национальные интересы не позволяют нам занимать позицию между Востоком и Западом. Наша страна нуждается в сотрудни-

честве и согласованных политических действиях с Западом и во взаимопонимании с Востоком» [1]. Выстраивание нового вектора отношений с Советским Союзом и социалистическим блоком в целом стало одной из основ внешней политики ФРГ в 1969–1974 гг.

Дипломатическая история «новой восточной политики»: подписание Московского и Варшавского договоров с Советским Союзом и Польшей, взаимное признание ГДР и ФРГ, подписание Пражского договора с Чехословакией и начало Хельсинкского процесса, – исследована достаточно подробно [2; 3, с. 315–363; 4, 5]. Однако восприятие «новой восточной политики» различными политическими и общественными институтами Западной Германии остается темой малоизученной. В данной статье предпринята попытка осветить отношение к «новой восточной политике» со стороны бундесвера и проследить влияние осуществления данной политики на западногерманскую армию. Основой представленного исследования выступают материалы из библиотеки Фонда имени Фридриха Эберта и документы Министерства обороны ФРГ, опубликованные в 2019 г. [6]

Рассмотрение ситуации в бундесвере невозможно без обращения к общим трендам, характерным для западногерманского общества на рубеже 60–70-х гг. XX в. В это время в полную силу дало о себе знать студенческое движение, отражавшее перемены в идейных и мировоззренческих взглядах нового поколения, возмущенного и взволнованного окончанием денацификации, постепенной ремилитаризацией Западной Германии и излишне репрессивным, по мнению молодежи, характером немецкого общества. При этом, как отмечает исследователь феномена 1968 г. М. Курлански, подразумевалось, что «Германия все еще была страной с репрессивным режимом, что означало провал попытки перехода от Третьего рейха к истинно демократическому обществу» [7, с. 208].

В этой связи западногерманская молодежь требовала демократизации партийно-политической системы ФРГ, обсуждения болезненного вопроса привлечения бывших нацистов на государственную службу, отмены подготовки правительством чрезвычайного законодательства, предполагавшего возможность ограничения личных и демократических свобод в случае возникновения чрезвычайных ситуаций [8, с. 79–80]. Следствием распространения среди молодых людей взглядов «новых левых» (М. Хоркхаймера, Г. Маркузе, Т. Адорно), критиковавших капиталистическую систему в целом и насаждаемый правительством культ потребления в частности, стала достаточно быстрая радикализация студенческого движения: «...Активисты видели чистейшую форму политической деятельности лишь в существовании собственного протеста – и это существование должно было многократно подтверждаться все более радикальными действиями и все более решительным противодействием

государству» [9, р. 44]. Студенческое движение, превратившись в катализатор изменения общественно-политического и духовного климата в ФРГ, имело следствием изменение взаимоотношений в самых разных общественных структурах и институтах Западной Германии, в том числе и в армии.

Согласно закону о всеобщей воинской повинности, принятому бундестагом в 1956 г., в бундесвер призывались юноши, достигшие 18 лет, а срок их службы с 1962 г. составлял 18 месяцев [10; 11, S. 298]. Как следствие, значительная часть армии (85–90%) состояла из молодых людей, подверженных влиянию радикальных идей, стремительно распространявшихся в западногерманском обществе. Как показывали опросы общественного мнения, молодежь в конце 1960-х гг. все в большей степени дистанцировалась от воинского духа и ценностей офицерского корпуса, а популярность карьеры офицера стремительно падала [12, р. 189]. Соответственно, среди военных ширились настроения в пользу обновления армии. Об этом свидетельствовал отчет уполномоченного бундестага по делам военнослужащих М. Хугена, представленный весной 1969 г. Предупреждая о недостаточной интеграции армии и общества и потенциальных негативных последствиях «самоизоляции солдат», автор отчета призывал к отказу от «традиционного стиля руководства в духе авторитарного государства» и к «переосмыслению» функций вооруженных сил [13, S. 40].

Аналогичные идеи содержались и в тезисах, которые были составлены слушателями курсов Школы армейских офицеров в Гамбурге в конце 1969 г. и в январе 1970 г. опубликованы в газете «Франкфуртер альгемайне цайтунг» под заголовком «Лейтенант 1970». Новое поколение младших офицеров видело свою задачу в «поддержании и восстановлении мира» на основе Конституции ФРГ и отказывалось от старой ролевой модели офицера бундесвера, которую слушатели Школы именовали «феодално-корпоративной» [6, S. 458]. Они стремились к большему творчеству, а не банальному подражанию старине, к расширению возможностей для обоснованной критики начальства, к большему «обезличиванию» отношений в армии, что означало верность «не людям или ведомствам, но исключительно миссии, предписанной Конституцией» [6, S. 459–460]. Подчеркивая, что армия является отражением общества, молодые военные требовали соблюдения верховенства закона и права в армейской среде, а также настаивали на более активной роли бундесвера в укреплении основ всеобщего мира: «Армия должна ориентироваться не только на образ войны, но и на образ мира. Она должна стремиться к миру» [6, S. 462].

Г. Шмидт, бывший в 1969–1972 гг. министром обороны ФРГ, дал тезисам следующую оценку: «Отчасти спорные, в некоторых отношениях ошибочные, в других – провокационные» [цит. по: 10]. Тем не менее под его руководством уже

в 1970 г. была начата военная реформа, приведшая к перераспределению обязанностей и компетенций в рамках Министерства обороны, к сокращению продолжительности срочной службы до 15 месяцев, к пересмотру программ воспитательной работы в армии, к развитию системы военного образования и к более тесной интеграции бундесвера и гражданского общества. Как указывал В. Брандт в письме к главам правительств федеральных земель в ноябре 1970 г., «...молодежь должна понимать необходимость адекватной обороны как предпосылки любой политики разрядки» [14, f. 86].

Как можно видеть, внешнеполитическая активность ФРГ тесно увязывалась канцлером с решением проблем бундесвера. Кроме того, особо следует отметить, что тезисы «Лейтенант 1970» во многом были созвучны следующим принципам «новой восточной политики»: признание территориального статус-кво в Европе и отказ от применения силы или угрозы ее применения, выстраивание равновесия между Востоком и Западом и кооперация между Восточной и Западной Европой [3, с. 321–322]. Как следствие, рядовые и младшие офицеры бундесвера поддерживали внешнеполитический курс правительства СДПГ и СвДП, свидетельством чему являлось открытое письмо канцлеру в декабре 1971 г. В нем солдаты бундесвера приветствовали визиты главы западногерманского правительства в Москву и Варшаву и подписанные по их итогам договоры. В них видели гарантию неприменения силы в Европе, что противопоставлялось словам вышестоящих офицеров о «предполагаемом враге на Востоке», «империалистическом Советском Союзе» и желании последнего «вторгнуться в НАТО и другие западные страны» [6, S. 505]. Истоки подобной риторики рядовые видели в «демагогии ХДС/ХСС и других кругов, близких к оружейному капиталу», и с целью ее преодоления призывали канцлера как можно скорее ратифицировать Московское и Варшавское соглашения и «дать отпор антикоммунизму и мании наращивания вооружений» [6, S. 506]. С этой же целью солдаты настаивали на сокращении срока обязательной военной службы и общей численности западногерманских войск.

Из этого письма следует, что для германских солдат «новая восточная политика» являлась продолжением общей линии на демократизацию общественно-политической жизни в ФРГ, отражением чего должны были стать в том числе перемены в армии. Молодое поколение солдат и офицеров, воспитанное в духе идеалов 1968 г., выступало с позиций пацифизма, что находило непонимание у старших офицеров, представлявших лагерь традиционалистов. Одним из видных лидеров данного лагеря являлся инспектор сухопутных сил ФРГ в 1968–1971 гг. А. Шнец, считавший, что «быть солдатом – это задача *sui generis*, а не профессия, подобная другим», и потому выступавший за сохранение и укрепление «немецких солдатских традиций», за активную

борьбу с теми, кто отказывался от военной службы по соображениям совести, и за дальнейшее ограничение права солдат заниматься политической деятельностью [цит. по: 15, S. 163–164]. Своих оппонентов из лагеря сторонников обновления армии А. Шнец подвергал суровой критике: «Многие учителя, священники, писатели, публицисты, режиссеры и телеведущие по-прежнему усиливают неприязнь к службе с оружием в руках. При этом вызывает сомнение мнение известных ученых и священнослужителей о том, что идеалом будущего будет служение без оружия, что солдат, к сожалению, все еще необходим Богу, но ход истории уже обгоняет его» [15, S. 165].

Отражением конфликта между прогрессивно настроенными рядовыми и «старыми офицерами» стал стремительный рост числа отказников: если в 1964 г. было подано около 3 тыс. заявлений об отказе от военной службы по соображениям совести, то уже в 1966 г. их было около 4,5 тыс., в 1967 г. – почти 6 тыс., в 1968 г. – 11,5 тыс., в 1969 – более 14 тыс., а в 1970 г. – около 20 тыс. [16, S. 49]. К началу 1970-х гг. ситуация стала еще серьезнее: если в 1971 г. было подано около 28 тыс. заявлений об отказе от военной службы по соображениям совести (на 43% больше, чем в 1970), то в первом квартале 1972 г. их уже было больше 14 тыс., что составляло рост на 62%, по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года [6, S. 508]. При этом Министерство обороны фиксировало, что большая часть отказов мотивировалась этическими и религиозными соображениями, что в ведомстве объясняли тем, что «церкви стали чаще консультировать потенциальных отказников от военной службы» [6, S. 509]. Большинство солдат после окончания срочной службы отказывались от перехода на службу по контракту, в связи с чем в бундесвере ощущалась серьезная нехватка специализированных кадров: так, в 1969 г. недокомплект по унтер-офицерам составлял около 32 тыс. человек [10].

Все это свидетельствовало о том, что военная служба теряла популярность у молодежи, и в числе причин, способствовавших этому, важное место занимала изменившаяся международная обстановка. Немецкая общественность поддерживала курс на разрядку и разоружение: согласно опросу Института Веккерта в Тюбингене в июле 1970 г. 92% жителей ФРГ старше 18 лет высказались «за окончательное примирение с Советским Союзом», причем в возрастной группе 18–29 лет процент поддержавших политику примирения был еще выше – 98% [2, с. 128]. В условиях постепенного потепления в отношениях между капиталистическим и социалистическим лагерями западногерманская молодежь, охваченная радикальными левыми идеями, не видела причин братья за оружие и пополнять ряды армии, проникнутой антикоммунистическими настроениями.

Вопросу преодоления межпоколенческого конфликта был посвящен доклад генерального

инспектора бундесвера А. Циммермана о политическом образовании в армии, представленный в июле 1973 г. В нем подчеркивался отказ молодых солдат видеть врага в коммунистах: «Солдаты бундесвера отказываются проповедовать ненависть к русским или коммунистам. Ненависть не является мотивом для политических действий. Она препятствует объективным суждениям и справедливой оценке фактов. Порожденные ею действия ведут к вырождению человека» [6, S. 552]. Соответственно, предлагалось перенести акцент в политической подготовке солдат с негативного образа врага на идею «службы во имя мира, свободы и справедливости», что подразумевало в том числе больший акцент на объективной оценке сущности советского режима [6, S. 553]. На аналогичные проблемы указывали и авторы сборника «Солдаты демократии. Бундесвер в обществе и государстве», изданного в 1973 г. Они критиковали старый подход к воспитанию немецких солдат, в рамках которого «особое внимание уделялось развитию моральных и духовных возможностей для ведения борьбы с коммунизмом, которая трактовалась как “тотальная”» [17, S. 171], и приветствовали отказ от термина «идеологическая подготовка» (*geistige Rüstung*), подчеркивавшего ориентацию воспитательной работы в армии на то, чтобы «вооружить солдат психологически и морально против определенных идеологий – как марксизма, и определенного общественного строя – как социализма в Восточной Европе» [17, S. 171].

Говоря о позиции командования бундесвера, следует отметить, что оно придавало большое значение тому, чтобы «новая восточная политика» В. Брандта осуществлялась в тесной связи с общей политикой разрядки между Североатлантическим альянсом и странами Варшавского договора. В докладе Комитета оборонного планирования НАТО в декабре 1970 г. выражались надежды на то, что прогресс в переговорах между двумя блоками может привести «к соглашению об ограничении стратегических ядерных вооружений, прочной основе отношений между Востоком и Западом и улучшению ситуации в Берлине и вокруг него» [6, S. 490]. Об этом же говорил и Г. Шмидт: в своих интервью он утверждал, что поддержание баланса между силами, действующими на Европу извне – со стороны США и СССР, является важной предпосылкой обеспечения разрядки, но в то же время предупреждал, что «восточная политика была бы невозможна», если бы ФРГ и Североатлантический альянс в целом «не поддерживали равновесие, сохраняя достаточный противовес военной мощи Востока» [цит. по: 18, f. 5].

В этой связи нельзя не заметить разительных масштабов перевооружения западногерманских вооруженных сил в 1970-е гг. В немалой степени это было заслугой Г. Лебера – преемника Г. Шмидта на посту министра обороны ФРГ в 1972–1978 гг. Численность бундесвера при нем

увеличилась с 465 тыс. до 495 тыс., а военно-промышленный комплекс приступил к массовому производству новых самолетов, вертолетов, кораблей, ракет и т. д. (сам Г. Лебер называл этот процесс «материальной мобилизацией») [13, S. 43]. Проведенные в первую половину 1970-х гг. реформы, направленные на консолидацию и укрепление бундесвера, привели к сокращению количества отказников и улучшению отношения гражданского населения к вооруженным силам. Как отмечали впоследствии обозреватели, к 1975 г. «большинство граждан считали бундесвер надежным инструментом демократии, во многом сравнимым с промышленным предприятием» [10].

В определенной степени это также являлось следствием «новой восточной политики» В. Брандта. Канцлер осознавал, что «условием любой внешнеполитической линии ФРГ должны быть безопасность в рамках Североатлантического альянса и политическая и экономическая солидарность в Европейском сообществе» [3, с. 351]. Соответственно, укрепление бундесвера, являвшегося составной частью вооруженных сил НАТО, должно было снять потенциальное беспокойство союзников в отношении внешнеполитической ориентации Бонна и являлось своеобразной «ценой, которую немцы должны были заплатить Атлантическому альянсу и США» за свободу в осуществлении «новой восточной политики» и сохранение условий для проведения политики разрядки [13, S. 43].

Новый вектор политики в отношении стран Восточной Европы не означал коренного пересмотра связей между бундесвером и армиями других членов Североатлантического альянса. Выводы рабочей группы по чрезвычайному законодательству, представленные в сентябре 1970 г., подчеркивали верность бундесвера обязательствам перед альянсом и готовность применения западногерманских войск в рамках совместных операций НАТО [6, S. 474–484]. Уже упомянутый доклад Комитета оборонного планирования сохранял в силе концепции «гибкого реагирования» и «передовой обороны», причем последняя предусматривала применение ядерного оружия на самой ранней стадии развития военного конфликта [6, S. 492–493].

Западногерманское правительство и армейские структуры ФРГ выражали определенное несогласие с названными концепциями, в частности, с идеей «гибкого реагирования», поскольку, с их точки зрения, она предполагала возможность «временной утраты части западногерманской территории в случае войны» [2, с. 169]. Поэтому командование бундесвера выступало за как можно более ранний ввод в действие ядерных сил, о чем свидетельствовал секретный доклад, поданный в Министерство обороны в 1972 г. В нем говорилось о необходимости достичь «высокого уровня солидарности» между всеми членами Североатлантического альянса по вопросу о применении тактического ядерного оружия [6, S. 520]. Подобные утверждения подготавливали почву для

последующего одобрения Г. Шмидтом, сменившим В. Брандта на посту канцлера в 1974 г., «двойного решения» НАТО по вопросу размещения новых американских ракет в Западной Европе и, в частности, на территории ФРГ.

Ключевым документом, определившим развитие бундесвера вплоть до 1980-х гг., стали «Принципы западногерманской безопасности и военной политики», разосланные по армии в ноябре 1972 г. В них подтверждалась верность западногерманского руководства принципам атлантизма и курсу на «тесное сотрудничество» с партнерами по Североатлантическому альянсу и Западноевропейскому союзу [6, S. 530]. Вместе с тем целью НАТО и ЗЕС провозглашалось поддержание международной безопасности и мира «посредством взаимного сдерживания» и «преодоления конфликта между Востоком и Западом» [6, S. 530]. Условием для этого являлся стратегический баланс сил между двумя сверхдержавами и руководимыми ими блоками. Формирование консолидированной западноевропейской и североатлантической политической линии объявлялось важным условием для выстраивания общего курса в отношениях Востока и Запада. При этом неперемными принципами, лежащими в основе данного курса, должны были стать провозглашенные В. Брандтом начала «новой восточной политики»: «отказ от применения силы, невмешательство во внутренние дела и признание территориальной целостности» [6, S. 533]. Немаловажным признавалось сокращение вооружений и установление международного контроля над этим процессом.

Отметим, что согласно указанному докладу задачи бундесвера не претерпели существенных изменений. Его главная функция заключалась в том, чтобы «выиграть время для повышения оборонительной готовности всех сил НАТО и прикрытия их развертывания», что подчеркивало роль ФРГ как форпоста Североатлантического альянса в Центральной Европе [6, S. 540]. Кроме того, перед разведслужбами ФРГ ставилась задача «активизации сбора разведывательных данных» и получения «максимально полных сведений о политических и военных намерениях потенциального агрессора», под которым, как и прежде, подразумевались СССР и страны Варшавского пакта [6, S. 539]. Следует подчеркнуть, что в данном документе нашли явное отражение взгляды недавно заступившего на пост министра обороны Г. Лебера, подчеркивавшего в публичных выступлениях, что все усилия по обеспечению разрядки международной напряженности – «ничто и станут ничем без гарантированной безопасности, от которой зависит наше существование как государства, нации, сообщества и отдельных личностей» [19, f. 1]. Соответственно, влияние «новой восточной политики» в большей части прослеживалось в политической части документа, характеризующей международную обстановку, а не в практической,

определявшей конкретные задачи, стоящие перед западногерманскими вооруженными силами.

На это же указывала и «Военно-стратегическая концепция бундесвера» 1973 г., провозглашавшая, что в рамках общего плана обороны НАТО западногерманская армия должна ориентироваться «в первую очередь на отражение агрессии, осуществляемой Варшавским пактом, ниже уровня мировой войны – с применением тактического ядерного оружия или без применения такового» [6, S. 546]. Условием применения ядерных сил объявлялась лишь «преднамеренная эскалация» со стороны потенциального противника [6, S. 547].

Необходимо отметить, что в документе соединялись два противоположных по смыслу направления в деятельности бундесвера: с одной стороны, развитие вооруженных сил ФРГ и их развертывание ставилось в прямую зависимость от общих планов и целей НАТО, а с другой стороны, в документе подчеркивалось, что даже в рамках альянса бундесвер «должен способствовать решению только тех задач, которые имеют приоритетное значение для национальных интересов и которые могут быть решены с применением национальных средств» [6, S. 550]. Исходя из этого, авторы документа также подчеркивали, что «вклад германских вооруженных сил должен гарантировать, что ФРГ имеет равные права и право голоса в альянсе, в котором поощряется союзническая солидарность» [6, S. 550]. В связи с этим можно отметить, что «новая восточная политика» В. Брандта, основанная на балансировке интересов Западной Германии в отношениях Запада и Востока, отражала стремление Бонна к повышению статуса ФРГ на мировой арене, в том числе и в рамках Североатлантического альянса. Так, в своих интервью канцлер говорил, что именно его политика сближения с восточными соседями «проложила путь» к Четырехстороннему соглашению по Берлину 1971 г. [20, f. 4], и подчеркивал важность западноевропейской интеграции для обеспечения самостоятельности участвующих в ней стран: «Расширенная и консолидированная Западная Европа будет более независимой, и это то, чего стоит желать» [21, f. 2].

Таким образом, представляется возможным говорить о влиянии «новой восточной политики» в первую очередь на политическую составляющую концепции развития вооруженных сил ФРГ в 1970-е гг. При неизменности стоящих перед бундесвером задач и сохранении приверженности Бонна своим обязательствам в рамках Североатлантического альянса методы решения поставленных задач и исполнения обязательств в мирное время претерпевали существенное изменение: акцент смещался на выстраивание баланса сил в отношениях между Востоком и Западом, ключевую роль в которых должна была играть Западная Германия. Принципы «новой восточной политики» проникали в руководящие документы бундесвера

и способствовали более взвешенному подходу к решению вопросов о численности вооруженных сил ФРГ и возможностях их применения в мирных и военных условиях.

В намного большей мере идеи, связанные с «новой восточной политикой» В. Брандта, повлияли на молодое поколение солдат и младших офицеров, недавно поступивших на службу в бундесвер. Поколение 1968 г. отказывалось видеть противника в русских и коммунистах и требовало более взвешенного, объективного и в определенной степени даже более демократического подхода к военной подготовке, прежде всего в области подачи политической информации. Следствием этого стало распространение пацифистских взглядов в германском обществе и дальнейшее развитие в Западной Германии массового антивоенного движения. Данные тенденции, в свою очередь, подталкивали командование бундесвера к реформе вооруженных сил с учетом изменившихся общественных запросов, что и было осуществлено в период пребывания Г. Шмидта и Г. Лебера на посту министра обороны ФРГ.

Список литературы

1. Bundeskanzler Brandt. Regierungserklärung vor dem Deutschen Bundestag am 28. Oktober 1969. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bibliothek/bestand/a368.pdf> (дата обращения: 21.03.2023).
2. Кремер И. С. ФРГ: этапы «восточной политики». М.: Международные отношения, 1986. 220 с.
3. Павлов Н. В. История внешней политики Германии. От Бисмарка до Меркель. М.: Международные отношения, 2012. 797 с.
4. Bender P. Neue Ostpolitik: Vom Mauerbau zum Moskauer Vertrag. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1986. 289 S.
5. Ostpolitik, 1969–1974: European and Global Responses. Washington; New York: German Historical Institute, Washington D.C.; Cambridge University Press, 2009. 289 p.
6. Dokumente zur deutschen Militärgerichte 1945–1990: Bundesrepublik und DDR im Ost-West-Konflikt. Berlin: Ch. Links Verlag, 2019. 990 S.
7. Курлански М. 1968. Год, который потряс мир / пер. с англ. А. В. Короленкова, Е. А. Семеновой. М.: АСТ, 2008. 541 с.
8. Украинская Н. Н. Берлинский феномен студенческого движения. Условия формирования и радикализации студенческого протеста 1960-х годов в ФРГ // Исторические исследования. 2019. № 14. С. 78–87.
9. Sepp B. Escape to the Front: the Strange Radicalisation of the West German Student Movement // Esboços: histórias em contextos globais. 2022. Vol. 29, № 50. P. 35–47.
10. Fleckenstein B. 50 Jahre Bundeswehr // Aus Politik und Zeitgeschichte. 18.05.2005. URL: <https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/29038/50-jahre-bundeswehr/> (дата обращения: 21.03.2023).
11. Glatzer W., Hondrich K. O., Noll H.-H., Stiehr K., Wörndl B. Recent Social Trends in West Germany, 1960–1990. Frankfurt am Main; Montreal; Kingston; London; Buffalo: Campus Verlag; McGill-Queen's University Press, 1992. 549 p.
12. Mombauer A. From Imperial Army to Bundeswehr: Continuity and Change in the Role of the Military in German History // The Historical Journal. 2004. Vol. 47, № 1. P. 187–193.
13. Bald D. Militär und Gesellschaft, 1945–1990: Die Bundeswehr der Bonner Republik. Baden-Baden: Nomos, 1994. 169 S.
14. Soldat in der Gesellschaft // Weißbuch 1971/1972 zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Entwicklung der Bundeswehr. URL: https://zeitgedankenweb.files.wordpress.com/2018/02/weissbuch_bundeswehr_1971.pdf (дата обращения: 21.03.2023).
15. Götz Ch. Kriege beginnen im Geist der Menschen // Gewerkschaftliche Monatshefte. 1970. № 3. S. 162–167.
16. Bredow W. von. Die Armee ohne Eigenschaften. Probleme des Selbst- und Umweltverständnisses der Bundeswehr // Politische Vierteljahresschrift. 1972. Vol. 13, № 1. S. 39–63.
17. Jacobsen H.-A., Bredow W. von. Politikwissenschaftliche Aspekte der politischen Bildung in der Bundeswehr // Soldaten der Demokratie. Die Bundeswehr in Gesellschaft und Staat / hrsg. von F. Pöggeler, O. Wien. Frankfurt am Main: Bernard & Graefe, 1973. S. 171–186.
18. In der Sendung «Deutsches Forum – Gedanken zur Politik der Gegenwart» des Norddeutschen Rundfunks unterhalten sich der stellvertretende SPD-Vorsitzende, Bundesverteidigungsminister Helmut Schmidt, und Bernhard Wördehoff. 1.2.1971. URL: <https://library.fes.de/cgi-bin/pdpdf.pl?d=13&f=714&l=724> (дата обращения: 21.03.2023).
19. Das Interview des SPD-Pressedienstes: Ohne Sicherheit gibt es keine Entspannung. Interview des SPD-Pressedienstes mit dem Bundesverteidigungsminister Georg Leber MdB, Mitglied des SPD-Präsidiums. 16. März 1973. URL: <https://library.fes.de/spdpd/1973/730316.pdf> (дата обращения: 21.03.2023).
20. Der Vorsitzende der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands, Bundeskanzler Willy Brandt, hält am Samstag, dem 30. September 1972, in Interlaken auf der Parteitag der SPS folgende Rede. 29.9.1972. URL: <https://library.fes.de/cgi-bin/pdpdf.pl?d=15&f=630&l=638> (дата обращения: 21.03.2023).
21. Bundeskanzler Willy Brandt wird heute auf dem NATO-Flughafen Ramstein von Vertretern der Bundeswehr sowie vom Betriebsrat und Personalrat der bei den amerikanischen Streitkräften beschäftigten deutschen Arbeitnehmer empfangen. Anschließend sagt er u.a. in Kaiserslautern. 26.10.1972. URL: <https://library.fes.de/cgi-bin/pdpdf.pl?d=16&f=153&l=154> (дата обращения: 21.03.2023).

Поступила в редакцию 20.03.2023; одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 30.06.2023
The article was submitted 20.03.2023; approved after reviewing 27.03.2023; accepted for publication 30.06.2023

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 492–496

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 492–496

<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-492-496>, EDN: PJB DYU

Научная статья

УДК [327(55:567):284] 19/20 | +929 Саддам Хусейн

«Шиитский вопрос» в ирако-иранских отношениях при Саддаме Хусейне

М. С. Хамид

Саратовский национальный исследовательский государственный университет, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Хамид Мариам Салман, аспирант кафедры всеобщей истории, mariyam22sm@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5363-0909>

Аннотация. В статье анализируются взгляды Саддама Хусейна, исходя из его высказываний в отношении «шиитского вопроса», который изначально основывался на идейном наследии Баас, изложенном в конституции 1951 г. Однако процессы, происходившие в Ираке на протяжении 1970-х гг., в частности курдское национальное движение и «исламское пробуждение» шиитов под влиянием Иранской революции 1979 г., заставили Саддама Хусейна корректировать идеи Баас под новые реалии. Как следствие, Саддам был вынужден признать многонациональный характер иракского общества и права шиитов на вероисповедание, отказавшись от атеистических принципов Баас. Произшедшая эволюция взглядов, как показала война с Ираном, способствовала консолидации иракского общества вокруг программы Баас и личности Саддама Хусейна.

Ключевые слова: Ирак, Иран, Саддам Хусейн, Баас, курды, ислам, шииты, улама, секуляризм, исламизм

Для цитирования: Хамид М. С. «Шиитский вопрос» в ирако-иранских отношениях при Саддаме Хусейне // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 492–496. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-492-496>, EDN: PJB DYU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

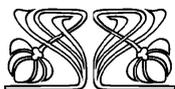
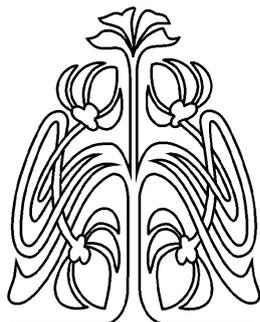
The “Shiite issue” in Iraqi-Iranian relations under Saddam Hussein

M. S. Hamid

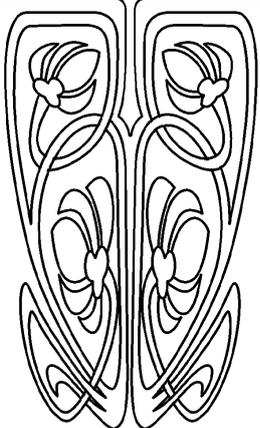
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Maryam Salman Hamid, mariyam22sm@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5363-0909>

Abstract. The article analyzes the views of Saddam Hussein, based on his statements regarding the “Shiite question”, which was originally based on the ideological heritage of the Ba’th, set out in the Constitution of 1951. However, under the influence of the processes that took place in Iraq throughout the 1970s, in particular the Kurdish national movement and the “Islamic awakening” of Shiites under the influence of the Iranian Revolution of 1979, Saddam Hussein was forced to adjust the ideas of the Ba’th to new realities. As a result, Saddam was forced to recognize the multinational nature of Iraqi society and the rights of Shiites to worship, abandoning the Ba’th atheistic principles. The evolution of views that took place, as the war with Iran showed, contributed to the consolidation of Iraqi society around the Ba’th program and the personality of Saddam Hussein.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Keywords: Iraq, Iran, Saddam Hussein, Ba'th, Kurds, Islam, Shiites, Ulama, secularism, Islamism

For citation: Hamid M. S. The "Shiite issue" in Iraqi-Iranian relations under Saddam Hussein. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 492–496 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-492-496>, EDN: PJB DYU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Современная история Ирака неразрывно связана с личностью Саддама Хусейна, получившего целый ряд почетных титулов в знак признания своих заслуг от иракского народа, таких как qa'id al-nasr (лидер-победитель), qa'id al-salam (лидер мира) и в конечном счете после вторжения в Кувейт, qa'id al-umma (лидер нации) [1, p. 74].

Созданный им самим «культ личности» придал его персоне гипертрофированный интерес, что не могло не отразиться на историографии, в которой присутствуют диаметрально полярные характеристики фигуры Саддама Хусейна и его роли в иракской истории. Так, российский общественный деятель А. Проханов патетически отзывался о своем герое следующим образом: «Саддам значительно больше, чем политик, полководец и лидер. Он – святой. Ибо явлен в мире, где предельно и открыто сразились Добро и Зло» [2, с. 1]. Противоположной точки зрения придерживается британский журналист и биограф Саддама Хусейна Кон Кафлин, который в предисловии к своей книге «Саддам. Его расцвет и падение» признался, что «написание биографии Саддама Хусейна было скорее похоже на попытку собрать доказательства обвинения против печально известного преступного гангстера» [3, p. XX].

Абстрагируясь от крайних точек зрения, большинство исследователей, как российских [4, 5], так и западных [6, 7], признают значимость Саддама Хусейна в истории Ирака, его роль как борца за иракский национализм, панарабизм, свободу и независимость страны.

Время правления Саддама Хусейна приходится на непростой период в истории Ирака, когда страна переживала резкий экономический подъем, связанный с ростом нефтяных доходов после национализации нефтедобывающей промышленности в 1972 г., масштабными проектами преобразований, охватившими все сферы жизнедеятельности, и призванными превратить Ирак в ведущую державу региона и арабского мира. Радужным планам не суждено было сбыться, так как реальность оказалась иной. Попытка создания единого «национального» иракского государства натолкнулась на этническую и конфессиональную раздробленность страны. Стремление решить «шиитский вопрос» в итоге привело к вооруженному конфликту с Ираном, за которым последовали неудачная авантюра в Кувейте, международная изоляция и американская интервенция в 2003 г., приведшие к падению режима Саддама Хусейна и его последующей казни.

Привлечение официальных источников, таких как программный документ Партии Баас – Конституция Баас, принятая в 1951 г. [8], а также

материалов нарративного характера в виде речей, интервью, заявлений и выступлений Саддама Хусейна [9, 10], дает возможность проследить и проанализировать эволюцию взглядов и подходов к решению «шиитского вопроса» в Ираке в период до начала войны с Исламской Республикой Иран в 1980 г.

Как признавался сам Саддам Хусейн в своем интервью американской исследовательнице Кристине Хелмс, до 1974 г. он и не думал заниматься партийной идеологией Баас [9, p. 17], а это означало, что на практике партия руководствовалась положениями партийной конституции от 1951 г.

Ознакомление с основными положениями конституции позволяет убедиться в том, что она пропагандирует идеи панарабизма, так как первый принцип гласит, что «арабы составляют единую нацию. Эта нация имеет естественное право жить в едином государстве и свободно распоряжаться своей собственной судьбой» [8, p. 233]. Главная цель партии заключается в возрождении арабской нации, а принцип национализма достигается и реализуется в «освобождении и объединении» арабов [8, p. 234]. «Арабское отечество» географически охватывает пространство, ограничивающееся отрогами Тавра и Загроса, «залива Басры» (Персидский залив. – М. Х.), «Арабским океаном» (Индийским океаном. – М. Х.), Эфиопским нагорьем, пустыней Сахара, Атлантическим океаном и Средиземным морем. При этом лишь «национальная связь является единственной связью, которая существует в арабском государстве» [8, p. 236]. Опора на национальную связь гарантирует противодействие всем религиозным, племенным, расовым или региональным расколам.

В конституции также провозглашается, что Баас – это социалистическая партия. «Социализм, фактически, несет в себе установление идеального социального порядка, который позволит арабской нации реализовать свои способности и привести к процветанию, гарантирующему постоянный прогресс в материальной и духовной сфере» [8, p. 235]. Это будет достигнуто через гарантии свободы слова, свободы собраний, свободы веры, а также свободы самовыражения. Государство посредством руководства со стороны Баас будет играть доминирующую роль в развитии арабской нации. При этом партия ставит перед собой цель «воспитания нового арабского поколения, верящего в единство нации и в непреходящую миссию арабов. Эта политика, основанная на современных исследованиях, призвана освободить от пут предрассудков и реакционных

традиций. Политика будет пропитана духом оптимизма, борьбы и солидарности между всеми гражданами на пути всеобщей Арабской революции» [8, р. 241].

Согласно конституции 1951 г. партия Баас провозглашалась революционной партией, стоящей на позиции уничтожения существующего порядка, который объявлялся несправедливым. Реализуя данный принцип, представители Баас в Ираке смогли закрепиться у власти только в результате третьего переворота, получившего название революции 17 июля 1968 г. Учитывая уроки предыдущих переворотов – 1958 и 1963 гг. – новый президент генерал Ахмед Хасан аль-Бакр предпринял соответствующие шаги по укреплению своего контроля над вооруженными силами, сделав ставку на привлечение к власти своих соплеменников из племени аль-Бу Насир, которое доминировало в районе г. Тикрит [11, р. 15]. Одним из приближенных оказался Саддам Хусейн, занявшийся вопросами создания и укрепления структуры национальной безопасности – государственной службы общественной безопасности (al-Amn al-Am), президентской службы безопасности и партийной службы безопасности (al-Jihaz al-Khas). Благодаря его поддержке, осенью 1968 г. были проведены массовые аресты коммунистов, нассеристов, диссидентов внутри Баас, бывших политических деятелей, прозападных бизнесменов. Одновременно прошли чистки от неугодных в гражданской службе и офицерском корпусе [12, р. 188].

Укрепляя политическую власть Баас и превращая страну в однопартийную систему, дуумвират аль-Бакр – Хусейн проводили преобразования в Ираке, реализовывая принцип построения национального арабского государства. Проведенная национализация нефтедобывающей промышленности в 1972 г. привела к двойственному эффекту. С одной стороны, она предоставила молодому государству огромные финансовые ресурсы для осуществления крупномасштабных преобразований, а с другой, обнажила наличие серьезных внутренних проблем, которые угрожали целостности страны.

При всем желании партии Баас видеть в Ираке арабское государство с арабской составляющей это стремление не соответствовало реалиям. Примерно 20% населения страны составляли курды, представлявшие отдельную этническую группу, близкую к персам, а не к арабам, и территориально раздробленную между Ираком, Ираном, Сирией и Турцией. В стремлении сохранить национальное единство страны Баас в марте 1970 г. обещал курдам признать за ними «права на автономию». Сложность реализации данного обещания заключалась в том, что курды претендовали на районы Киркука, на который приходилось 2/3 нефтедобычи Ирака [13, р. 127]. В случае реализации обещанной автономии центральные власти в Багдаде могли потерять значительную

долю своих доходов. Чтобы не допустить этого, власти Баас стали проводить политику насильственного выселения курдов из района Киркука, что вызвало ответную реакцию.

Весной 1974 г., так и не добившись от Багдада обещанной автономии, курды под руководством Мустафы Барзани начали вооруженную борьбу против центрального правительства. Восстание разрасталось, превратившись в полномасштабную войну, в которой иракской армии пришлось весьма туго, так как повстанцы получали поддержку со стороны шахского Ирана. Урегулировать взаимоотношения с Ираном удалось в результате Алжирского соглашения в марте 1975 г. После подписания данного соглашения курды, лишившись поддержки Ирана, потерпели поражение. По признанию Кона Кафлина, «война в Курдистане быстро превратилась в самый смертоносный вызов, с которым баасисты столкнулись с момента захвата власти в 1968 году» [3, р. 118].

Подавление курдского восстания могло привести власти Ирака к ощущению того, что они справились с проблемой, устранив жесткими мерами вооруженную оппозицию курдов. Многие лидеры, включая Мустафу Барзани, покинули Ирак и перебрались за границу, что должно было означать победу курса Баас по построению национального государства. Однако наряду с выявившейся национальной к концу 1970-х гг. проявилась и конфессиональная проблема, оказавшаяся не менее, если не сказать более опасной, чем стремление курдов к автономии.

Мусульмане-шииты, как арабы, так и курды, в Ираке составляют подавляющее большинство – 14 млн чел., или 60% всего населения страны [14, р. 117]. Ведущим шиитским государством в исламском мире является Иран, тогда как в большинстве арабских государств преобладающее мусульманское население принадлежит к суннитам, которые в Ираке, соответственно, представляют меньшинство, но это не мешало им исторически находиться во главе власти. Как отмечает российский исследователь А. В. Баранов, «Ирак по многим параметрам, действительно занимал особое место в политике ИРИ» [15, р. 96]. И речь шла не только о статистике населения, но и о том, что на территории Ирака находились почитаемые святыни шиитов. И провозглашение в Иране Исламской республики 1 апреля 1979 г. стало мощным импульсом для политической активизации иракских шиитов, оказавшихся «зараженными» идеями Исламской революции, свергнувшей монархическую диктатуру шаха Пехлеви в Иране.

Столкнувшись с вызовами своему доминированию в Ираке, Саддам Хусейн как лидер Баас и президент страны, отстранивший в июле 1978 г. Ахмеда Хасана аль-Бакра, был вынужден реагировать. Как отмечал Кон Кафлин, «перспектива исламской революции, охватившей соседний Иран, наполнила иракских баасистов глубоким

беспокойством» [3, р. 148]. И Саддам Хусейн не мог этого не понимать.

Анализ взглядов Саддама Хусейна, исходя из его высказываний, дает понять, что он, не отказываясь от наследия Баас, изложенного в конституции 1951 г., был вынужден приспособить его к новым реалиям, в которых оказался Ирак на рубеже 1970–1980-х гг. Исходным пунктом рассуждений является постулат о том, что «Ирак вновь возглавляет движение арабского возрождения, подобно тому, как Багдад играл главенствующую роль в эпоху арабского и исламского расцвета» [10, с. 107]. Саддам осознает страну как неотъемлемую часть арабского мира, «Ирак – восточное крыло общей арабской родины» [10, с. 109]. Как отмечает израильская исследовательница Офра Беньо, у Саддама для характеристики данной концепции есть два термина, которые взаимодополняют друг друга – «wataniyya» и «qawmiyya». По словам Беньо, «ватан» имеет отношение к почве и территории, первоначально обозначая «место», часто в смысле дома, местности или даже загона для скота. В наше время ватанийя стала означать «патриотизм» или верность территориальной единице. «Каумийя», напротив, относится к сообществу людей; первоначально «qawm» означал группу, племя или фракцию [1, р. 89].

Для Саддама в этих терминах раскрывалась суть его понимания «родины» как единой территории и единого общества, населяющего эту территорию. Отличие заключалось в том, что «кау-ум» – это также название большого бедуинского традиционного шатра, символизировавшего принадлежность Ирака к общему арабскому отечеству, тогда как под термином «ватан» понималась верность своему месту рождения, т. е. Ираку, что совпадает с понятием «патриотизм». Под термин «ватан», таким образом, подпадают все, кто родился и живет на территории Ирака. Символично, что сам Саддам, говоря о патриотизме и национализме, сравнивал Ирак со Швейцарией и Советским Союзом, подчеркивая, «что в этих странах один народ, но он состоит из многих национальностей» [10, с. 117]. Развивая данную мысль, Саддам поясняет, что как все арабы являются по отношению друг к другу братьями, так и все иракцы являются братьями. «Иракцы никогда не были расистами, – говорит он. – Мы не делаем различия между курдами и арабами, все они мусульмане. И если мы выступали против каких-то идей, то только лишь потому, что они не соответствовали сущности иракского народа» [10, с. 115].

Обращая внимание на шиитский активизм, провозглашавший своей целью создание в Ираке Исламской республики, Саддам соглашается с тем, что «жизнь без веры бесполезна, в ней нет достоинства» [10, с. 139]. Однако не стоит злоупотреблять верой. Баас отвергает атеизм, но он

предостерегает: «Использование религии для проведения политики, враждебной планам революции, служит целям неоимпериализма» [10, с. 141]. В Ираке недопустимо превращение политиков в религиозных деятелей, так как нельзя превращать государство и его институты в филиалы мечети. Саддам уверен, что улама, чтобы вести достойную жизнь, не должен получать средства со стороны, а тем более из-за границы. «Политика вмешательства в религиозные дела приведет к расколу народа не только на верующих и атеистов, но и к расколу в рядах верующих, так как в религии множество различных толкований и направлений» [10, с. 142].

Обязанность по пресечению расколов и заговоров, причем не только инициируемых внешними, но и внутренними врагами, лежит на партии. «Партия арабского социалистического возрождения (Баас) неразрывно связана с историей арабской нации. Наша партия является знаменосцем нации в настоящее время и олицетворяет прогресс» [10, с. 124], – заявляет Саддам. Деятельность партии основывается на принципе централизма и единства волеизъявления ее членов, что необходимо для «принятия своевременных решений для мобилизации народных масс на принципах, которые объединяют революционеров, бойцов и баасистов» [10, с. 133]. Причем во главе партии должен находиться лидер. «Народ Ирака мечтал иметь лидера, который привел бы страну к расцвету, величию» [10, с. 130], – уверен Саддам.

Таким образом, страна и нация, объединенные под руководством партии и ее лидера на принципах патриотизма, национализма и прогресса, по мнению Саддама, будут двигаться к общей цели, а именно к возрождению былого величия Ирака, который имеет древнюю историю, уходящую в эпоху Аббасидов, Вавилона и Ассирии. «Единство народа и превращение Ирака в большой дом, в котором иракский флаг развевается выше остальных флагов, не означает запрета курдскому народу отстаивать свои права в рамках большого дома и под государственным стягом» [10, с. 108].

Ирак не позволит, чтобы с ним разговаривали свысока, утверждал Саддам, приводя пример турецкого правления: «Под прикрытием ислама Турция часто использовала политику в корыстных целях и даже часто пыталась отлучить нас от родного языка. Но однажды арабы восстали, они сказали туркам: “Мы недопустим вас в наши дома, хотя вы и наши братья. Мы не хотим, чтобы вы господствовали над нами”» [10, с. 115]. Это должно означать, что Ирак не потерпит над собой внешнего диктата, даже под покровом ислама, явно намекая на политику ИРИ в отношении «экспорта исламской революции» на сопредельные страны. «Мы никогда не согласимся с участием спутника, вращающегося в орбите интересов других государств. Мы будем сражаться

за свою свободу, за осуществление своей судьбы» [10, с. 116], – говорил Саддам, обращаясь к иранским властям ИРИ.

Взаимоотношения с исламистским Ираном вызывали у Саддама особое беспокойство. Имея в виду ИРИ, он предупреждал Тегеран: «Враги арабов ищут союзников внутри нации, чтобы задержать наше продвижение по пути прогресса. Но мы в состоянии лишить врагов возможности использовать религию арабов против арабов» [10, с. 140]. В трактовке иракского лидера предлагаемый Ираном проект в виде Исламской революции есть не что иное, как стремление «перенести прошлое в настоящее» [10, с. 149], что станет регрессом для Ирака и арабского мира.

В своем большом интервью американской исследовательнице Кристине Хелмс, которое Саддам начал 22 августа 1982 г., он объяснил причины начала ирано-иракской войны. По его словам, выходило, что действия Ирака явились превентивными мерами в отношении намерений иранских властей. Используя «фактор шиитов», он пытался распространить свое влияние на региональные страны. Причем речь шла не только об Ираке, но и о странах Персидского залива, Аравийского полуострова и всех исламских государств. «Отсюда следует, что Иран начал войну следуя своим проектам. Мы лишь обороняем нашу страну. Больше того, мы стоим на защите новой цивилизации в Ираке и вне его» [9, р. 44], – подчеркнул он.

Саддам, развивая свою мысль, далее поясняет: дело в том, что при Баас начали осуществляться широкомасштабные проекты развития страны, реализация которых превращала Ирак в ведущего регионального лидера. Все эти планы были известны врагам, среди которых Иран и сионистский режим Израиля [9, р. 42]. Пришедшие к власти в Иране улама не смогли сформулировать масштабные планы развития и, не найдя ничего лучше, обрушились на развивающийся Ирак при поддержке Израиля [9, р. 47].

Подводя краткие итоги, анализируя взгляды Саддама Хусейна, исходя из его высказываний, можно сказать, что эти взгляды изначально строились на идейном наследии Баас, изложенном в конституции 1951 г., из которой им были заимствованы идеи национализма в смысле панарабизма, патриотизма в виде «иракизма» и идеи прогресса. Однако процессы и события, происходившие в Ираке на протяжении 1970-х гг., самыми значимыми из которых стали реформы, вызвали неоднозначную реакцию в обществе, в частности курдское восстание 1974–1975 гг. Не меньшее, если не большее, влияние оказала Иранская революция 1979 г., в результате которой была провозглашена Исламская Республика Иран, что стало мощным стимулом для исламского движения среди иракских шиитов. Все вместе взятое

заставило Саддама Хусейна корректировать идеи Баас под новые реалии, в которых оказался Ирак на рубеже 1970–1980-х гг. Как следствие, Саддам был вынужден признать многонациональный характер иракского общества и права шиитов на вероисповедание, отказавшись от атеистических принципов Баас. Произшедшая эволюция взглядов, как показала война с Ираном, способствовала консолидации иракского общества вокруг программы Баас и личности Саддама Хусейна.

Список литературы

1. *Bengio O. Saddam's Word: Political discourse in Iraq.* Oxford : Oxford University Press, 1998. 292 p.
2. *Проханов А. У Саддама нет плохой погоды // Завтра.* 2003. № 13 (488).
3. *Coughlin C. Saddam. His Rise and Fall.* London : Harper Collins Publisher, 2005. 408 p.
4. *Криворучко А. П., Роцупкин В. Г. Багдадский вождь: взлет и падение... Политический портрет Саддама Хусейна и его режима на региональном и глобальном фоне.* М. : Проспект, 2008. 560 с.
5. *Щербаков Б. И. Багдад: война, мир и Back in USSR.* М. : Альпина нон-фикшн, 2010. 189 с.
6. *Андайк Р. Дж. Саддам Хусейн: Политическая биография.* Ростов н/Д : Феникс, 1999. 502 с.
7. *Shields Ch. J. Saddam Hussein.* London : Chelsea House Publications, 2005. 163 p.
8. *The Party of the Arab Ba'ath constitution // Arab Nationalism: An Anthology / ed. by Sylvia G. Haim.* Berkeley : University of California Press, 1962. P. 233–241.
9. *President Hussein interviewed by American researcher Helms, Christine Moss.* Baghdad : Dar al-Mamun, 1983. 65 p.
10. *Пруссаков В. Так говорил Саддам.* Екатеринбург : Ультра. Культура, 2004. 304 с.
11. *Williamson M., Woods K. M. The Iran-Iraq War: a military and strategic history.* Cambridge University Press, 2014. 410 p.
12. *Tripp Ch. A History of Iraq.* Cambridge University Press, 2007. 387 p.
13. *Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные / под ред. А. Д. Воскресенского.* М. : Аспект Пресс, 2008. 512 с.
14. *Anderson L. D. The future of Iraq: Dictatorship, democracy, or division.* New York : Palgrave Macmillan, 2008. 292 p.
15. *Баранов А. В. Ирано-иракские отношения во взглядах аятоллы Хомейни (1979–1980 годы) // История и историческая память: межвузовский сборник научных трудов / под ред. А. В. Гладышева.* Саратов : Саратовский государственный университет, 2022. Вып. 25. С. 94–107.

Поступила в редакцию 11.04.2023; одобрена после рецензирования 26.04.2023; принята к публикации 30.06.2023
The article was submitted 11.04.2023; approved after reviewing 26.04.2023; accepted for publication 30.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 497–504
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 497–504
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-497-504>, EDN: OMJAAU

Научная статья
УДК [94:32](478) | 19 |

Влияние внутренних процессов на формирование внешнеполитического курса Молдавии в первые годы независимости

Д. П. Головченко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Головченко Дмитрий Павлович, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России, goloovchenko@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0009-2758-7642>, AuthorID: 1199306

Аннотация. В статье рассматриваются основные внутривнутриполитические процессы в Молдавии на момент распада СССР и обретения республикой независимости. Выделяются особенности становления молдавской государственности и их влияние на формирование внешнеполитического курса молодого государства. Анализируется процесс включения Республики Молдова в систему международных отношений и присоединения к основным международным институтам.

Ключевые слова: Молдавия, Республика Молдова, Россия, Румыния, независимость, внешняя политика, Гагаузия, Приднестровье

Для цитирования: Головченко Д. П. Влияние внутренних процессов на формирование внешнеполитического курса Молдавии в первые годы независимости // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 497–504. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-497-504>, EDN: OMJAAU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The influence of internal processes on the formation of Moldova's foreign policy in the first years of independence

D. P. Golovchenko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Dmitry P. Golovchenko, goloovchenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2758-7642>, AuthorID: 1199306

Abstract. The article examines the main internal political processes in Moldova at the time of the collapse of the USSR and the republic's independence. The author highlights the features of the formation of the Moldovan statehood and their influence on the formation of the foreign policy course of the young state. The researcher analyzes the process of Moldova's inclusion in the system of international relations and joining the main international institutions.

Keywords: Moldova, Republic of Moldova, Russia, Romania, independence, foreign policy, Gagauzia, Transnistria

For citation: Golovchenko D. P. The influence of internal processes on the formation of Moldova's foreign policy in the first years of independence. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 497–504 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-497-504>, EDN: OMJAAU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

В период нараставших в СССР в конце 1980 – начале 1990-х гг. дезинтеграционных процессов у политических элит союзных республик появилась возможность получения большей самостоятельности и реального дистанцирования от Москвы. Подобная перспектива диктовала потребность в формировании новых собственных политических, экономических, правовых и идеологических основ, что не могло не отражаться на внутреннем развитии той или иной республики.

Обозначившиеся в эпоху гласности и перестройки в Молдавской ССР (МССР) социально-политические тенденции характеризовались углублением процессов демократизации общества и продвижения идеи собственной национальной идентичности. Указанные трансформации нашли свое выражение прежде всего в принятии соответствующих языковых законов и нормативно-правовых декларативных документов о суверенитете.

Важную роль в процессе обретения независимости Молдавии сыграли возникшие в этот период внутриполитические движения, ориентированные на демократические преобразования. Одним из факторов, повлиявших на возможность их появления и развития, послужила смена руководящего звена Союза писателей МССР, после чего группа молдавских сценаристов в лице Г. Виеру, Д. Мацковски, И. Друцэ, Н. Дабия стали активно развивать идеи возрождения молдавской государственности. В результате этого национально ориентированной интеллигенцией МССР летом 1988 г. было создано демократическое движение, получившее впоследствии название «Народный фронт Молдавии» (НФМ), представителями которого в дальнейшем лоббировались языковые законы в республике. При этом ключевой целью указанного образования на начальном этапе декларировалась борьба за экономический, социальный и культурный суверенитет МССР, а не получение власти. В противовес НФМ в июле 1989 г. также было создано интернациональное движение «Унитате-Единство», выступающее за молдавскую идентичность республики в составе СССР.

Необходимо отметить, что отличительной особенностью Молдавии как союзной республики в составе СССР была культурно-языковая близость большей части проживавшего в ней населения с румынским народом. Это также существенным образом сказалось на ускорении процесса самоопределения еще в составе СССР. Уже весной – летом 1989 г. Верховным Советом Молдавской ССР был принят ряд лингвистических законодательных актов – «О статусе государственного языка МССР», «О переходе письменности молдавского языка к латинской графике» и «О функционировании языков на территории Молдавской ССР». Указанными законодательными инициативами молдавские власти де-юре и де-факто закрепляли приоритет молдавского языка над русским, которым пользовались практически все жители и который являлся родным примерно для трети населения республики [1, р. 16]. Следствием принятых законов также стал и переход на молдавский язык всего государственного документооборота Молдавии. В связи с этим важно подчеркнуть, что переход на латинскую графику и придание молдавскому языку статуса государственного воспринимались политической верхушкой и поддерживавшим ее населением МССР в качестве важнейшего шага на пути сближения с соседней Румынией.

Нарастающие процессы демократизации молдавского общества повлекли за собой проведение на регулярной основе протестных акций и митингов в республике. Во многом благодаря деятельности НФМ, стал возможным первый созыв 27 августа 1989 г. на главной площади Кишинева Великого Национального

Собрания (ВНС). Его участники также провозглашались и продвигались идеи независимости и восстановления «исторической справедливости». Так или иначе представители указанных общественных инициатив заметно повлияли на интенсификацию властями республики курса на выход из состава СССР. Вместе с тем возможность обретения независимости частью молдавского общества и политической элиты воспринималась лишь как необходимый шаг к последующему слиянию республики с Румынией. Это ставило под сомнение перспективы создания суверенной молдавской государственности и фактически сводило демократический процесс в республике к добровольному ее поглощению Румынией.

Необходимо отметить, что весной 1990 г. состоялись выборы в законодательный орган – Верховный Совет МССР, по результатам которых представители движения НФМ получили 101 мандат из 380 возможных. Беспрецедентный для сторонников независимости от СССР и объединения с Румынией результат по итогам голосования позволил политическому истеблишменту Молдавии всерьез взяться за построение нового государства.

Новый состав законодательного органа Молдавии, в котором представители НФМ имели значительное влияние, также весной 1990 г. принял Закон о Государственном флаге, устанавливавший красно-желто-синий триколор.

В качестве очередного шага по приобретению суверенитета Молдавией стали приняты 5 июня 1990 г. Верховным Советом МССР изменения в Конституцию республики, согласно которым Молдавская Советская Социалистическая Республика переименовывалась в Советскую Социалистическую Республику Молдова (ССРМ). Данные поправки стали новыми элементами юридической базы для разработки декларации о независимости Молдавии. При этом сторонниками политических клубов «Советская Молдавия» и «Viața satului» (Деревенская жизнь) будущее республики виделось в качестве суверенного государства в составе обновленного СССР, в связи с чем в Кишиневе нарастал градус политических дискуссий и напряженности между представителями разных подходов.

Нельзя также не отметить и заключение парламентской комиссии ССРМ от 23 июня 1990 г. об оценках советско-германского договора о ненападении и дополнительного секретного протокола от 23 августа 1939 г. Членами Верховного Совета ССРМ провозглашалось незаконным присоединение СССР территорий Бессарабии и Северной Буковины. Несмотря на расхождение ряда политических групп в видении будущего страны, в этот же день, 23 июня 1990 г. законодательным органом Молдавии была принята Декларация о суверенитете.

Уже в сентябре 1990 г. Верховным Советом ССРМ был учрежден пост президента республики, а в качестве главы Молдавии был избран М. Снегур, при котором начал действовать Президентский совет. В полномочия указанной структуры входила в том числе выработка мер по реализации основных направлений внешней политики ССРМ [2]. Таким образом, можно заключить, что именно президент Молдавии на раннем этапе независимости отвечал за формирование политики страны на международной арене в условиях геополитических трансформаций.

На фоне протекавших в республике описанных выше процессов проводимая руководством МССР, а затем ССРМ откровенная политика нарастающей «румынизации» не могла не отразиться на социальной стабильности внутри Молдавии. Так, согласно последней переписи населения в СССР 1989 г. доля молдаван и румын на территории Молдавской ССР составила около 65%, что указывает на значительное количество проживавших в республике представителей других национальностей (русские, белорусы, украинцы, гагаузы и др.) [3, с. 112]. В этой связи предпринимавшиеся официальным Кишиневом действия по выделению молдавского этноса в качестве титульной нации и ограничения русского языка были негативно восприняты большинством немолдавского населения. В частности, рост недовольства и протестного потенциала, сопровождавшийся массовыми забастовками и манифестациями, проявил себя в Тирасполе (Приднестровье), Комрате (Гагаузия) и ряде других регионов Молдавии [4, с. 145–146]. И это неудивительно. В 1989 г. на левобережье Днестра и подконтрольных Тирасполю территориях правого берега проживало всего около 35% молдаван, в то время как этнических русских, белорусов, украинцев – около 60% [5, с. 127]. Кроме того, если говорить о Приднестровье, то в указанных районах были сосредоточены крупнейшие жизненно важные промышленные предприятия – Днестровская ТЭЦ, Рыбницкий металлургический завод и другие, что составляло до 37% всего промышленного и экономического потенциала Молдавии к 1990 г. и стало триггерной точкой для Кишинева с позиции обеспечения экономической безопасности [6, р. 87].

Возникшие в дальнейшем конфликты в Приднестровье и Гагаузии стали очевидным следствием политики Кишинева, направленной на всеобъемлющую «румынизацию». Развитие событий в этих регионах осуществлялось по относительно схожим сценариям, однако с разными политическими последствиями.

Так, происходившие на внутривнутриполитической сцене Молдавии трансформации были негативно восприняты в Приднестровье. Реагируя

на языковые преобразования в МССР и деятельность молдавских национальных движений в республике, Тирасполь предпринимал попытки сохранить в Молдавии статус русского языка в качестве государственного через проведение соответствующих консультаций с Кишиневом. Однако нарастающая волна «национально-освободительных» настроений в МССР не позволила сторонам добиться компромисса в указанном вопросе.

В результате в августе 1989 г. в Приднестровье в г. Тирасполе был создан Объединенный совет трудовых коллективов (ОСТК), переименованный в дальнейшем в Объединенный Республиканский забастовочный комитет (ОРЗК), лидерами которого стали Владимир Рыляков и Борис Штефан. Фактически подчинившиеся ОСТК (ОРЗК) структуры стали возникать и в других городах региона. Последовавшие за этим забастовки на ключевых предприятиях приднестровского района не имели положительного результата в вопросе сохранения языковых прав населения Приднестровья. Наоборот, Тирасполь в результате своих действий столкнулся с усилением давления со стороны сторонников НФМ, а также официального Кишинева.

С учетом формировавшейся конъюнктуры в 1989–1990 гг. в приднестровских городах через организацию соответствующих местных референдумов стал активно обсуждаться вопрос о необходимости получения автономии или независимости от региона республиканского центра. Результатом указанных инициатив стало принятие 2 сентября 1990 г. на втором Чрезвычайном съезде народных депутатов всех уровней Приднестровья Декларации об образовании Приднестровской Молдавской Советской Социалистической Республики (ПМССР) со столицей в г. Тирасполь в составе СССР. Данный шаг оказал серьезное влияние на обострение внутривнутриполитической ситуации в ССРМ, стремившейся сохранить территориальную целостность республики в процессе построения нового государства. Так, уже в октябре – ноябре 1990 г. власти Молдавии направили в приднестровский регион подразделения милиции с целью оперативного реагирования на возможные беспорядки на левом берегу Днестра, что вызвало еще большее недовольство населения политикой Кишинева. Показательными кейсами противостояния с молдавскими силовиками стали события в г. Дубоссары и г. Бендеры, где после отвода из крупных городов в результате политических дискуссий милицейских отрядов началось формирование собственных народных дружин. Не вызвали удивления и первые столкновения сторон и последовавшие за ними человеческие жертвы [7, с. 24].

Важной демонстрацией положения Приднестровья того периода являлась и реакция Москвы на создание ПМССР, на поддержку которой

рассчитывал Тирасполь. Подписанный в декабре 1990 г. президентом СССР М. Горбачевым Указ «О мерах по нормализации обстановки в ССР Молдова» содержал положения о непризнании решения второго съезда депутатов Советов разных уровней из некоторых населенных пунктов Приднестровья от 2 сентября 1990 г. о провозглашении ПМССР. Таким образом, нарастающее силовое давление Кишинева на мятежное Приднестровье в совокупности с отсутствием однозначной поддержки Тирасполя со стороны союзного центра в вопросе отстаивания прав русскоязычного населения отчасти предопределили дальнейшее развитие региона.

Параллельно схожие с Приднестровьем процессы происходили и в гагаузском регионе Молдавии, где компактно проживали гагаузы, болгары, русские и украинцы. Реагируя на политику молдавского истеблишмента по дискриминации и вытеснению русского языка с одновременной «румынизацией» Молдавии, 19 августа 1990 г. в Гагаузии прошел первый Съезд народных депутатов от густонаселенных гагаузских местностей, на котором была провозглашена Республика Гагаузия (РГ) в составе СССР и ее независимость от ССРМ. Все это привело к угрозе возникновения нового очага напряженности в Молдавии.

Преследуя цель подавить протестный потенциал, в конце октября 1990 г. в регион во главе с руководителем правительства ССРМ М. Друком были направлены автобусы с отрядами молдавских националистов и милиции, в результате чего в Гагаузии началась всеобщая мобилизация населения. Значительную помощь гагаузам в отражении нависшей угрозы прямых столкновений с силами республиканского центра оказали приднестровские дружинники, направившие свои отряды в регион. В результате переговорного процесса националистические формирования Кишинева и приднестровские дружины были выведены из Гагаузии в равной пропорции.

На фоне возникших конфликтных ситуаций в Приднестровье и Гагаузии, а также стремительной децентрализации власти в Советском Союзе власти ССРМ приняли решение не принимать официального участия во Всесоюзном референдуме по вопросу сохранения СССР, проведенном 17 марта 1991 г. Вместе с тем нельзя не отметить, что на территории Молдавии, главным образом во вновь образованных ПМССР и РГ голосование все же было организовано, но на уровне местных советов, трудовых коллективов и воинских формирований. Подавляющее количество участников референдума в ССРМ предпочли сохранить СССР.

Однако итоги голосования, как известно, не повлияли на дезинтеграционные процессы и движения за независимость союзных республик, в частности Молдавии. Уже 23 мая 1991 г.

название ССРМ было изменено на Республику Молдова (РМ), а законодательного органа республики – на парламент РМ.

Произошедшая в августе 1991 г. и потерпевшая неудачу попытка захвата власти ГКЧП в Москве повлекла за собой очередной созыв 27 августа 1991 г. ВНС в Кишиневе, в котором приняли участие до 600 тыс. чел. В результате августовских событий в этот день была принята Декларация о независимости Республики Молдова и фактическое объявление республики о своем выходе из СССР.

В контексте стремительно развивающихся событий 25 августа 1991 г. Верховным Советом ПМССР была также принята Декларация о независимости с сохранением Конституции и законов СССР. Последовавшие позднее необратимые процессы распада Советского Союза, внутреннее силовое давление на политических представителей ПМССР в Кишиневе (в том числе арест 29 августа лидера ПМССР И. Смирнова совместно с главой Гагаузии С. Топалом) и обострения по линии Днестра побудили Тирасполь к изменению названия страны 5 ноября 1991 г. на Приднестровскую Молдавскую Республику (ПМР) и подготовке к активному противостоянию с РМ.

Важным является тот факт, что сразу после провозглашения независимости Молдавии 10 сентября 1991 г. президент РМ М. Снегур выступил в парламенте республики и обозначил основные приоритеты внешней политики страны. В частности, он заявил о готовности Кишинева к дальнейшему диалогу с Москвой и решению накопившихся проблем, подразумевавших сложную обстановку в Приднестровье и Гагаузии. Другими важными направлениями внешнеполитического курса республики были названы выстраивание устойчивых отношений с бывшими социалистическими странами Восточной Европы, особенно с Румынией. М. Снегур также указал на роль ООН и стран Запада в становлении независимости Молдавии.

Стоит отметить, что еще 27 августа 1991 г. состоялось первое признание независимости Молдавии со стороны Румынии, что с учетом прорумынских настроений политического истеблишмента республики стало своего рода демонстрацией Бухарестом готовности оказать всеобъемлющую помощь Кишиневу в укреплении своей государственности.

Осенью 1991 г. молдавские власти активизируют работу по формированию условий для международного признания РМ. Организуются международные визиты правительственных и парламентских делегаций в США, Канаду, страны Европы, также происходит поэтапное вовлечение Молдавии в работу ключевых международных структур в статусе гостей (ООН, ОБСЕ) [8, р. 20–21, 23, 26–27].

После подписания лидерами России, Украины и Белоруссии 8 декабря 1991 г. Беловежских соглашений и окончательного распада СССР 18 декабря того же года Российская Федерация признала независимость РМ. А уже 21 декабря 1991 г. лидер Молдавии М. Снегур в Алма-Ате подписал протокол о присоединении РМ к Содружеству Независимых Государств (СНГ), ратифицированный парламентом Молдавии только в 1994 г. с некоторыми оговорками. В частности, парламентариями было заявлено о приоритете сотрудничества в рамках СНГ в области экономики, исключая взаимодействие в политической и военной сферах, несопоставимое с принципами суверенитета и независимости. Кроме того, оговорки касались неучастия РМ в согласовании внешнеполитической деятельности и миграционной политики с остальными странами Содружества.

Перед непосредственным анализом становления Молдавии в качестве независимого актора в системе международных отношений, о чем будет сказано ниже, не лишним будет еще раз остановиться на приднестровском и гагаузском факторах, оказывавших значительное влияние на политику Кишинева в первые годы самостоятельности.

К весне 1992 г. единичные столкновения между приднестровскими и молдавскими силами переросли в полномасштабные боевые действия с дальнейшей мобилизацией резервистов с обеих сторон. При этом среди населения и некоторых представителей политических элит РМ идея войны с ПМР воспринималась скептически по причине отсутствия четко выраженных причин противоборства. Однако руководящие Молдавией лица во главе с президентом М. Снегуром не оставляли попыток силового решения вопроса, направив 19 июня 1992 г. в зону боевых действий регулярные формирования молдавской армии и МВД РМ. Одним из факторов в остановке вооруженных столкновений стала дислокация на территории ПМР остатков 14-й гвардейской общевойсковой армии СССР. Значимой фигурой в прекращении огня между конфликтующими сторонами стал командующий указанным формированием генерал А. Лебедь, заявивший о намерении вмешаться в конфликт. Результатом военных действий и последовавшей реакции российской стороны стала организация переговорного процесса между Кишиневом и Тирасполем при активном участии Москвы. Так, 21 июля 1992 г. между президентами РФ и РМ Б. Ельциным и М. Снегуром было подписано соглашение «О принципах урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова», под которым подписался и лидер Приднестровья И. Смирнов. Готовность Кишинева к переговорному процессу с Москвой по вопросам будущего ПМР

привела к подписанию в 1994 г. межправительственного Соглашения о правовом статусе, порядке и сроках вывода воинских формирований Российской Федерации, временно находящихся на территории Республики Молдова, в рамках которого предусматривалась процедура вывода российских войск с территории Приднестровья. Однако из-за отсутствия продвижения по указанному вопросу дислоцирование на территории ПМР остатков 14-й армии СССР, переименованной к 1995 г. в Оперативную группу российских войск, сохранилось.

Несмотря на то, что ситуация в непризнанной на тот момент Республике Гагаузия развивалась по более мирному пути, чем ПМР, указанный субъект также стал серьезной головной болью для молдавских властей в первые годы независимости. Фактически до 1994 г. сформировались предпосылки к наделению Гагаузии особым правовым статусом с широкими автономными полномочиями в составе Республики Молдова. В 1994 г. на законодательном уровне была учреждена должность лидера Гагаузии – башкана [9, р. 145], а также молдавским парламентом принят закон об особом правовом статусе – Гагауз Ери.

Таким образом, Кишинев не мог не обращать внимание на приднестровский и гагаузский факторы при включении Молдавии в систему международных отношений и формировании стратегических направлений внешней политики.

В первые годы независимости Молдавии происходит установление дипломатических отношений, включение РМ в ключевые международные институты в качестве самостоятельного актора, проведение социально-экономических реформ с привлечением к данному процессу иностранных, в первую очередь европейских и американских специалистов. При этом сохранялось серьезное влияние на молодую республику Москвы, также переживающей этап трансформации политической системы и демократизации.

Руководство РМ так или иначе начало выстраивать собственную структуру дипломатической службы и внешних связей с другими государствами. По состоянию на 1 января 1993 г. РМ была признана 112 государствами, с 60 из которых были установлены дипломатические отношения. 30 января 1992 г. Молдавия стала официальным членом Совета по безопасности и сотрудничеству в Европе, а 2 марта 1992 г. – членом ООН. Чуть позже, в 1995 г., РМ была принята одной из первых стран СНГ в Совет Европы.

При этом параллельно вхождению в ключевые международные институты происходит открытие первого дипломатического представительства Молдовы, которое начало свою работу

в Румынии. С учетом прорумынских настроений общественно-политических кругов Молдовы данный факт является показательным с точки зрения анализа внешнеполитических ориентиров Кишинева в первые годы независимости от СССР. Стоит отметить, что к 1994 г. посольства Молдовы были также открыты в России, США, Республике Беларусь, Болгарии, Украине, Австрии и Бельгии. Параллельно начало функционировать постоянное представительство республики при ООН.

Продолжая отмечать факт влияния прорумынских настроений на молодую республику, необходимо подчеркнуть, что отношения двух стран в первые годы независимости РМ получили новый импульс к сближению. Кишинев и Бухарест рассматривали свое взаимодействие в качестве приоритетных направлений внешней политики, чему способствовала схожая культурная и языковая база двух стран. Делался акцент на необходимости углубленного и всестороннего сотрудничества Молдавии и Румынии. Данные тезисы были также использованы в доктринальных документах внешней политики государств – Концепции внешней политики Республики Молдова (принята в 1995 г.) и программе «Внешняя политика и продвижение реального имиджа Румынии» (принята в 2000 г.) [10, р. 68]. Примечательным моментом также является предложение Бухареста в 1992 г. оказать военную помощь Кишиневу в решении Приднестровского конфликта.

В рамках сближения с Румынией нельзя не отметить и кадровую политику Молдавии. В частности, если в советский период руководящие кадры проходили подготовку преимущественно в Москве, то, начиная уже с 1990 г., в РМ стала применяться практика обучения будущих молдавских чиновников в Бухарестском университете и Национальной школе политических и административных наук Бухареста [11, с. 98]. Указанная тенденция оказала существенное влияние и на образовательную систему Молдавии в первые годы независимости, в частности на подготовку специалистов в области международных отношений и внешней политики.

Тем не менее к 1995 г. с учетом накапливавшихся внутренних проблем в Молдавии отмечался спад прорумынских настроений на территории всей республики и в политическом истеблишменте РМ. Воодушевленные демократическими преобразованиями, обретением независимости Молдавии и перспективами «исторического воссоединения» с Румынией, приверженцы унионистских настроений в РМ не могли не считаться с тем, что без разрешения социальных противоречий в республике и на фоне сохраняющегося влияния новой России, в том числе за счет нахождения в стране российских вооруженных формирований в ПМР, реализация намеченных ими планов фактически

стала невозможной. Все это приводило к спаду поддержки населением страны президента РМ М. Снегура.

Проанализировав некоторые результаты первичного поиска Молдавией своего места в системе международных отношений, можно сделать вывод о том, что республика, пытаясь оставаться в некотором балансе между прорумынским и пророссийским векторами внешней политики, пришла к компромиссному для себя сценарию – самостоятельному развитию в рамках общего европейского пространства. Необходимо отметить, что данные обстоятельства во многом стали возможными по причине общей тенденции развития постсоветских государств, ориентированных на Европу, в том числе и Россию. Так, параллельно со снижением популярности идей сближения с Румынией среди молдавского населения начались формирование и конструирование фундамента европейского вектора внешней политики РМ. 28 ноября 1994 г. между Кишиневом и Брюсселем состоялось подписание Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, которое дало старт евроинтеграционным процессам РМ [12, с. 52]. Данный шаг также добавил импульс процессу отдаления Молдавии от Москвы.

В исследовании внешнеполитических ориентиров РМ в первые годы становления собственной государственности важным является анализ американского вектора в политике Кишинева. Признание РМ Вашингтоном состоялось уже 27 декабря 1991 г., после чего в 1992 г. были установлены дипломатические отношения двух стран и открылось одно из первых посольств США в Молдавии [13, р. 175–182].

Анализируя американский вектор внешней политики Кишинева, необходимо отметить, что начатые после распада СССР и обретения независимости РМ реформы не смогли обеспечить стабильность или улучшение социально-экономической ситуации в Молдавии. Вопреки ожиданиям населения и руководства республики начатая трансформация торговых цепочек и дистанцирование от Москвы, подкрепленные возможностями самостоятельного принятия политических решений, привели к экономическому кризису и ежегодному спаду ВВП РМ [14].

На этом фоне сотрудничество США с независимой Молдавией в первые годы независимости РМ основывалось в первую очередь на экономической помощи Вашингтона Кишиневу и содействии американской стороны молдавским интересам в рамках деятельности Всемирного банка и Международного валютного фонда, к которым республика присоединилась в 1992 г.

В целях укрепления взаимодействия двух государств в торгово-экономической, политической и военных сферах также была сформирована юридическая база. Между правительствами

РМ и США в течение 1992–1995 гг. были подписаны Соглашение о торговых отношениях от 19 июня 1992 г., посредством которого Молдавии был предложен статус наибольшего благоприятствования в торговых отношениях с США, Соглашение о стимулировании инвестиций от 19 июня 1992 г., Меморандум о сотрудничестве в области обороны и военных отношений между Министерством обороны Республики Молдова и США от 4 декабря 1995 г. и др. [15, р. 91]. Развитие двухсторонних отношений подкреплялось также личными встречами М. Снегура с президентами США Дж. Бушем и Б. Клинтон, в ходе которых обговаривались новые финансовые транши и кредитования Молдавии.

В условиях обозначенных тенденций происходила подготовка главного закона республики – Конституции, которая была принята 29 июля 1994 г. [16]. Ключевым ее элементами с точки зрения исследования конституционных основ внешней политики РМ стали закрепленные в ст. 11 положения о постоянном нейтралитете республики и недопущении размещения на своей территории иностранного контингента войск. Стоит отметить, что данный тезис оказывает серьезное влияние на внешнеполитический курс Молдовы и в настоящее время, так как сторонники евроинтеграции и сближения с Румынией продолжают предпринимать попытки по изменению данного положения. Кроме того, в ст. 8 основного закона РМ провозглашались принципы обязательного соблюдения Устава ООН и выстраивания двусторонних отношений в соответствии с принципами международного права. Стоит также отметить, что Конституция Молдавии отражала молдавскую ориентацию развития страны, что подтверждается заменой в процессе разработки проекта документа формулировок «румынский язык» и «румынский народ» на «молдавский».

Становление молдавской государственности и поиск Кишиневом своего места в системе международных отношений в первые годы независимости, попытки сохранения РМ определенного баланса между влияющими на нее внешнеполитическими акторами (Россия, Румыния, страны Европы, США) сформировали основы для другого доктринального документа Молдавии в сфере внешней политической деятельности, упомянутого выше, – Концепции внешней политики Республики Молдова от 8 февраля 1995 г. [17].

Примечательно, что выделенные в документе приоритетные направления внешней политики Молдавии ставили на первое место взаимодействие Кишинева со странами СНГ, в первую очередь Российской Федерацией, Украиной и Республикой Беларусь. Сотрудничество со странами Европы, среди которых приоритет

отдавался Румынии, было упомянуто уже после кооперации РМ с государствами бывшего СССР. Указанный факт служил подтверждением некоторой сбалансированности подходов руководства Молдавии в 1995 г. к выстраиванию внешней политики страны на фоне нарастающих внутригосударственных проблем, нерешенного территориального конфликта в ПМР и отсутствия всеобъемлющей поддержки населения в вопросах сближения с Румынией.

Таким образом, подводя некоторые итоги описанных выше событий, тенденций и процессов, оказавших влияние на обретение независимости Республики Молдова и формирование ее независимого от Москвы внешнеполитического курса, можно сделать вывод о необходимости применения комплексного и всеобъемлющего подхода к исследованию вопроса суверенитета РМ и ее дальнейшего позиционирования на международной арене. В первую очередь это связано с большим числом факторов, не учитывая которые, сложно сформировать объективную оценку происходящим на момент распада СССР событиям в Молдавии и понимание движения страны по внешнеполитическому треку на текущий момент. Заложенные в первые годы независимости РМ фундаментальные основы государственности в значительной мере отражаются на развитии республики и на современном этапе. Национальные особенности, полярность внутривластных мнений, унионистские настроения, движение в сторону евроинтеграции, вопрос конституционно закрепленного нейтралитета, замороженный и нерешенный конфликт в Приднестровье, гагаузская автономия и другие упомянутые выше элементы политической структуры Молдавии остаются триггерными точками при выстраивании внешнеполитического курса Кишинева. При этом сохраняется актуальность поиска решения накопившихся за годы независимости социально-экономических проблем в республике.

Список литературы

1. Petrenc A. Teroarea stalinistă în Basarabia. Studii, documente, memorii. Chişinău : S.n., 2013. 360 p.
2. Хронология президентства // Официальный сайт Президентуры Республики Молдова. URL: <https://presedinte.md/rus/presidency> (дата обращения: 27.03.2023).
3. Республика Молдова от перестройки к независимости. 1989–1991. Секретные документы из архива ЦК Компартии Молдавии / под ред. И. Кашу, И. Шарова. Кишинёв : Cartdidact, 2011. XLVIII, 637 с.
4. Волкова А. З. Горячее лето 1989 г. Тирасполь : Типар, 2004. 320 с.
5. Харитонова Н. Социально-экономическое развитие Приднестровской? Молдавской? Республики: проблемы и перспективы (1990–2012 гг.) // Государственное управление. 2013. № 41. С. 119–141.

6. *Morari A.* Istoria românilor. Basarabia și Transnistria. 1812–1993. Chișinău : Universul, 1995. 559 p.
7. *Харитоновна Н.* Урегулирование приднестровского конфликта // Информационно-аналитический бюллетень «ЕвроАзия». 2005. С. 18–36.
8. *Nedelciuc V.* Republica Moldova. Chișinău : Universitas, 1992. 185 p.
9. *Całus K., Oleksy P.* Mołdawia woli stabilność // Nowa Europa. 2009. № 3-4. P. 140–148.
10. *Cojocaru Gh.* Politica externă a Republicii Moldova. Studii. Chișinău : Civitas, 2001. 205 p.
11. *Осталец В.* Внешняя политика Молдавии: 1991–2014 // Проблемы постсоветского пространства. 2014. № 2. С. 90–109.
12. *Варданян Э.* Республика Молдова – заложник геополитики или «failed state»? // Пути к миру и безопасности. 2016. № 2. С. 51–70.
13. *Cojocaru Gh.* Politica externă a Republicii Moldova. Studii. Chișinău : Civitas, 2001. 205 p.
14. IMF Country Report. No. 190. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2002/cr02190.pdf> (дата обращения: 14.03.2023).
15. *Chirilă V.* Relațiile Republicii Moldova cu SUA // Evoluția politicii externe a Republicii Moldova (1998–2008). Chișinău : Cartdidact, 2009. P. 89–99.
16. Конституция Республики Молдова. URL: https://www.constcourt.md/public/files/file/Baza%20legala/constitutia_ro_22.05.17_ru.pdf (дата обращения: 17.03.2023).
17. Постановление Парламента Республики Молдова от 08.02.1995. № 368 «Об утверждении Концепции внешней политики Республики Молдова. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=60504&lang=ru (дата обращения: 07.04.2023).

Поступила в редакцию 17.04.2023; одобрена после рецензирования 20.04.2023; принята к публикации 30.06.2023
The article was submitted 17.04.2023; approved after reviewing 20.04.2023; accepted for publication 30.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 505–512
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 505–512
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-505-512>, EDN: QPCIUP

Научная статья
УДК [94(58):327.5] | 20 |

Основные направления взаимодействия НАТО с государствами Центральной Азии в XXI веке

Е. С. Корнев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Корнев Евгений Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России, korenev.es@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0299-6652>, AuthorID: 1004729

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие НАТО с государствами Центральной Азии в двустороннем и многостороннем форматах на протяжении последних 20 лет. Отдельное внимание уделяется анализу афганского фактора в отношениях сторон. Формулируется вывод о том, что на протяжении нескольких десятилетий НАТО целенаправленно старалось усиливать свои геополитические позиции в Центральной Азии, чтобы уменьшить тем самым влияние России на региональные процессы в области безопасности.

Ключевые слова: НАТО, Центральная Азия, программа «Партнерство ради мира», постсоветское пространство, евроатлантическая безопасность, Россия, Афганистан

Для цитирования: Корнев Е. С. Основные направления взаимодействия НАТО с государствами Центральной Азии в XXI веке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 505–512. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-505-512>, EDN: QPCIUP

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The main directions of NATO interaction with the states of Central Asia in the XXI century

E. S. Korenev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Evgeny S. Korenev, korenev.es@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0299-6652>, AuthorID: 1004729

Abstract. The article examines NATO's interaction with Central Asian states in bilateral and multilateral formats over the past 20 years. Special attention is paid to the analysis of the Afghan factor in the relations of the parties. The author concludes that for several decades NATO has purposely tried to strengthen its geopolitical position in Central Asia in order to reduce Russia's influence on regional security processes.

Keywords: NATO, Central Asia, "Partnership for Peace" programme, post-Soviet space, Euro-Atlantic security, Russia, Afghanistan

For citation: Korenev E. S. The main directions of NATO interaction with the states of Central Asia in the XXI century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 505–512 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-505-512>, EDN: QPCIUP

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Еще в 1990-е гг. блок НАТО приступил к развитию отношений с государствами Центральной Азии, пытаясь воспользоваться ослаблением позиций России в регионе и создать прочную основу для своего присутствия. Практическое сотрудничество сторон началось во многом благодаря программе «Партнерство ради мира», которая была нацелена на проведение реформы оборонного сектора государств-партнеров, подготовку их военнослужащих в учебных учреждениях стран НАТО и организацию совместных учений [1, с. 92]. Все страны региона присоединились к этой програм-

ме в 1994 г., за исключением Республики Таджикистан, которая по объективным причинам, связанным с необходимостью восстановления после гражданской войны 1992–1997-х гг., сделала это позже – лишь в 2002 г. [2].

Кроме того, стоит упомянуть о том, что государства Центральной Азии довольно активно в 1990–2000-е гг. взаимодействовали с НАТО на площадке Совета евроатлантического партнерства (СЕАП), созданного в 1997 г. [3, с. 33]. СЕАП в свою очередь пришел на смену Совету североатлантического сотрудничества (ССАС), сформированному в 1991 г. для налаживания от-

ношений Альянса с государствами Центральной и Восточной Европы, а также странами СНГ. Участие в данном механизме дало центральноазиатским республикам возможность не только в многостороннем формате обсуждать такие вопросы, как кризисное урегулирование и операции по поддержанию мира, контроль над вооружениями и нераспространение ОМУ, борьба с международным терроризмом, но и осуществлять коммуникацию с представителями НАТО в рамках своей работы по линии программы «Партнерство ради мира».

Интенсификация отношений Североатлантического альянса с государствами Центральной Азии произошла после 2001 г., когда Организации потребовалось создать крепкий тыл для проведения масштабной операции в Афганистане. Стоит признать, что центральноазиатские республики внесли большой вклад в тыловое обеспечение контингентов, действовавших в составе Международных сил содействия безопасности (МССБ), поскольку отдельные государства-члены НАТО активно использовали их транспортно-логистический потенциал. Достаточно вспомнить про создание в начале 2000-х гг. американских авиабаз Карши-Ханабад в Узбекистане и «Манас» в Кыргызстане, а также про размещение военного инженерного корпуса Франции в аэропорту Душанбе для оказания технической помощи французским военнослужащим, находившимся на афганской территории.

Блок НАТО сотрудничал с государствами Центральной Азии не только в транспортно-логистической сфере, но и по другим вопросам безопасности преимущественно в индивидуальном формате. После того как в 2002 г. Казахстан, Киргизия и Таджикистан вступили в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), такое взаимодействие стало осуществляться в новых геополитических реалиях, в том числе с учетом наличия российских военных объектов в странах региона (аэродром «Кант» в Кыргызстане и 201-я военная база в Таджикистане). Несмотря на неоднократные предложения со стороны ОДКБ наладить совместную работу по противодействию наркотрафику, экстремизму и терроризму, Североатлантический альянс всегда оставлял их без внимания и стремился к тому, чтобы стать ключевым игроком в сфере региональной безопасности.

Свидетельством повышенного внимания руководства НАТО к государствам региона стало турне генерального секретаря Альянса Я. Схеффера по центральноазиатским государствам, состоявшееся в сопровождении спецпредставителя генерального секретаря НАТО по Кавказу и Центральной Азии Р. Симмонса в 2004 г. [4]. Чуть ранее в том же году на Стамбульском саммите Организации было принято решение

об углублении сотрудничества с этими республиками. Планировалось существенно улучшить механизмы связи с центральноазиатскими государствами, что, в частности, предусматривало назначение представителя по связи, а также Специального представителя генерального секретаря НАТО по Кавказу и Центральной Азии из числа сотрудников Международного секретариата [5]. Необходимо отметить, что учреждение подобной должности помогло Альянсу сделать свою политику на центральноазиатском направлении намного более гибкой, поскольку назначенный чиновник мог эффективнее выстраивать отношения с каждой конкретной страной региона, исходя из ее специфики.

К началу 2000-х гг. наблюдалась определенная градация государств Центральной Азии с точки зрения интенсивности их отношений с Североатлантическим альянсом. В первую очередь характер взаимодействия зависел от специфики внутривнутриполитического режима каждой страны региона, масштабов ее оборонного сектора, а также от того, входила она в Организацию Договора о коллективной безопасности или нет.

Особое место среди партнеров НАТО в Центральной Азии всегда занимал Казахстан как крупнейшее государство региона, обладающее довольно большим военным потенциалом и имеющее стратегическое расположение. Несмотря на то, что даже на фоне ситуации в Афганистане в 2000-е гг. страна не стала размещать на своей территории базы государств-членов Альянса, ей удалось укрепить практическое сотрудничество с Организацией Североатлантического договора, которое осуществлялось по целому ряду направлений еще с начала 1990-х гг.

В январе 2006 г. Казахстан первым среди стран Центральной Азии подписал Индивидуальный план действий партнерства с НАТО [6, с. 69]. Дальнейшее практическое сотрудничество сторон во многом строилось на базе именно этого документа. Неудивительно, что среди всех государств Центрально-Азиатского региона именно Казахстан впервые на своей территории провел так называемую «Неделю НАТО». Традиционно в Брюсселе уделяли повышенное внимание использованию данного механизма партнерства при выстраивании отношений с государствами Балканского полуострова и постсоветского пространства. Запуск «Недели НАТО» свидетельствовал об особой значимости Казахстана для Организации Североатлантического договора. С 18 по 22 июня 2006 г. в Алма-Ате и в Астане при поддержке Управления общественной дипломатии НАТО и посольства США, являвшегося в тот момент контактным посольством Альянса в Казахстане, была организована серия молодежных семинаров, круглых столов по вопросам безопасности, конкурсов сочинений, а также пресс-конференций на высоком уровне [7].

Обращает на себя внимание то, что в рамках «Недели НАТО» 20 июня 2006 г. в Алма-Ате была открыта первая библиотека-депозитарий НАТО в Центральной Азии при Казахском национальном университете имени аль-Фараби, которая затем довольно активно использовалась для создания положительного образа Альянса и распространения информации о нем в казахстанском обществе. По случаю открытия такого важного центра общественной дипломатии был специально проведен конкурс студенческих эссе на тему «Казахстан и НАТО: диалог партнеров».

Помимо прочего, в ходе «Недели НАТО» были организованы экспертные семинары на высоком уровне. Один из них на тему «НАТО и Казахстан: совместное решение глобальных задач обороны и безопасности в 21-м веке» в Алма-Ате провел Международный институт современной политики, другой, посвященный сотрудничеству Альянса и Казахстана в научной сфере, состоялся в Астане на площадке Евразийского национального университета.

Начиная с 2000 г., Казахстан и НАТО проводили совместные миротворческие учения «Степной орел», в которых, помимо казахстанских военнослужащих, также принимали участие американские и британские подразделения миротворцев. Первые подобные маневры, посвященные вопросам миротворчества, состоялись еще в 1997 г. [8]. Такие учения были направлены на повышение уровня оперативной совместности казахстанских военнослужащих с представителями вооруженных сил государств-членов НАТО, для того чтобы в дальнейшем они могли совместно участвовать в миротворческих операциях под эгидой Альянса.

В целом, несмотря на то, что многие на Западе воспринимали Казахстан как одного из ближайших союзников России, Североатлантическому альянсу удалось выстроить с ним довольно прагматичные и крепкие отношения в области безопасности во многом благодаря развитию диалога на высшем уровне, который активно осуществлялся с 1990-х гг. Большой вклад в развитие такого диалогового формата внес первый президент Республики Казахстан Н. Назарбаев, который неоднократно посещал штаб-квартиру НАТО в Брюсселе и принимал у себя в стране высокопоставленных представителей Альянса. Он всегда давал высокую оценку сотрудничеству Астаны и Брюсселя, которое, по его мнению, велось не только в военной сфере [9]. Действительно, партнерство НАТО и Казахстана и сегодня выходит за рамки афганской проблематики или чисто военной сферы, поэтому на практическом уровне оно продолжает развиваться даже после вывода войск союзников из Афганистана [10].

Таджикистан как член ОДКБ так же, как и другие центральноазиатские страны, входившие в Организацию, имел определенные

ограничения при выстраивании сотрудничества с НАТО. В первую очередь руководство Республики, на территории которой уже находилась российская 201-я военная база, не спешило размещать подобные объекты государств-членов Альянса, исключением стало лишь упомянутое временное размещение военного инженерного корпуса Франции в аэропорту Душанбе. Тем не менее довольно активно Таджикистан особенно в 2000-е гг. сотрудничал с Альянсом по вопросу транзита грузов в Афганистан для нужд МССБ. Более того, именно данная Республика стала первой страной Центральной Азии, официально оформившей свои отношения с Организацией Североатлантического договора в этой области. 20 октября 2004 г. в Душанбе генеральный секретарь НАТО Я. Схеффер и министр иностранных дел Таджикистана Т. Назаров подписали соглашение о транзите в целях поддержки МССБ в Афганистане, выполнявших свои задачи под эгидой Альянса [11].

Во второй половине 2000-х гг. состоялось несколько встреч представителей таджикского руководства с высокопоставленными должностными лицами Организации Североатлантического договора. Так, к примеру, с 21 по 25 сентября 2007 г. довольно представительная делегация чиновников из министерства иностранных дел, совета национальной безопасности и министерства внутренних дел Таджикистана под руководством генерала М. Хасанова посетила штаб-квартиру НАТО и руководящие военные структуры Организации [12]. Здесь у них состоялась дискуссия, касающаяся взаимодействия Альянса со странами Центральной Азии и РФ, а также операции МССБ в Афганистане. Кроме того, обсуждалось сотрудничество Таджикистана с НАТО в рамках программы «Партнерство ради мира» в соответствии с Индивидуальным планом действий партнерства в таких сферах, как борьба с терроризмом, безопасность границ, кризисное регулирование и гражданское чрезвычайное планирование.

Важную роль в развитии политического диалога между сторонами сыграло проведение встреч на высшем уровне. Еще в рамках своего первого визита в штаб-квартиру НАТО в Брюссель 25 марта 2003 г. президент Таджикистана Э. Рахмон в ходе встречи с генеральным секретарем Альянса Дж. Робертсоном призвал к активизации сотрудничества между сторонами, прежде всего в сфере борьбы с наркотрафиком [13]. Спустя почти 6 лет, 11 февраля 2009 г. в штаб-квартире НАТО в Брюсселе таджикский лидер провел переговоры с генеральным секретарем НАТО Я. Схеффером. В первую очередь стороны обсудили возможности для углубления сотрудничества в контексте выполнения Индивидуального плана действий партнерства [14]. Конечно, обсуждение взаимодействия осуществ-

лялось в тесной увязке с событиями в соседнем Афганистане.

Еще больший упор на афганскую проблематику был сделан в ходе переговоров между президентом Таджикистана Э. Рахмоном и генеральным секретарем НАТО А. Расмуссенем, состоявшихся 10 апреля 2013 г. в рамках очередного визита таджикистанского лидера в штабквартиру НАТО. Генсек Альянса тогда заявил о том, что Брюссель рассчитывает на углубление взаимодействия с Душанбе в контексте приближавшегося в конце 2014 г. реформирования операции МССБ в Афганистане в небоювую миссию: «Мы надеемся на расширение нашего с вами диалога об Афганистане. НАТО и Таджикистан имеют общую заинтересованность в стабильном и безопасном Афганистане» [15].

Стоит отдельно отметить, что на протяжении 2000–2010-х гг. НАТО и Таджикистан осуществляли взаимодействие в научной сфере. Проекты, реализованные при финансовой поддержке Альянса, были направлены на цифровизацию таджикских вузов и на регулирование уровня токсичных загрязняющих веществ в водоемах страны [16]. Кроме того, начиная с 2006 г., Управление общественной дипломатии НАТО ежегодно организовывало в Таджикистане работу летней академии, на площадке которой студенты из Афганистана, России и Центральной Азии обсуждали с экспертами, дипломатами и военными из государств-членов Альянса актуальные проблемы региональной безопасности [17].

В целом Республика Таджикистан довольно активно развивала сотрудничество в области безопасности с Альянсом вплоть до середины 2010-х гг. [18], когда центральноазиатское направление утратило повышенную значимость для блока НАТО и он стал сворачивать отдельные проекты в регионе. Тем не менее после окончательного вывода войск США и их союзников из Афганистана в 2021 г. Вашингтон начал вновь налаживать взаимодействие с Душанбе на прежнем уровне, хотя это пока не совсем получается.

Примерно по такому же сценарию, как и в случае с Таджикистаном, строились отношения НАТО с Киргизией, хотя, безусловно, они обладали определенной спецификой. Главная особенность заключалась в том, что политическая нестабильность в стране накладывала свой отпечаток на взаимодействие сторон на высшем и высоком уровне, которое тем не менее, несмотря на все потрясения, осуществлялось на регулярной основе вне зависимости от того, кто находился у власти в Кыргызстане. Однако делалось это в том числе с поправкой на членство Киргизии в ОДКБ. В связи с этим следует отметить, что среди всех лидеров государств Центральной Азии, входивших в данную Организацию на рубеже 2000–2010-х гг., только

президент Киргизской Республики А. Атамбаев адресовал руководству НАТО четкое предложение наладить отношения между Альянсом и ОДКБ для запуска совместной работы на афганском направлении после завершения миссии МССБ в 2014 г. [19]. Правда, это обращение так же, как и многочисленные призывы РФ, так и не были услышаны в Брюсселе.

При этом на практическом уровне в 2000–2010-е гг. Киргизия и НАТО сотрудничали достаточно активно по целому ряду направлений. Одним из флагманских проектов стала программа, помогавшая бывшим военнослужащим вооруженных сил Кыргызстана адаптироваться к гражданской жизни, финансирование которой осуществляло НАТО [20]. С 2010 по 2016 г. ее участниками стали около 900 бывших киргизских военных. Альянс осуществлял и другие инициативы, позволявшие ему оказывать определенное влияние на ход оборонных реформ в стране, к примеру, организовал специальные курсы изучения английского языка для военнослужащих Киргизии, для того чтобы дать им возможность продолжить военное образование за рубежом [21]. Однако после того, как окончательно в 2014 г. было прекращено использование авиабазы Манас американцами, блок НАТО утратил интерес к углублению многопрофильного сотрудничества с Киргизией. Очевидно, что для руководства страны взаимодействие с Альянсом сегодня тоже не является приоритетным направлением политики безопасности, о чем свидетельствует Концепция внешней политики Кыргызской Республики [22].

Среди всех государств Центральной Азии Узбекистан имел, пожалуй, самые неровные отношения с НАТО в XXI в. В первую очередь это объяснялось спецификой режима И. Каримова. Если в первой половине 2000-х гг. на фоне потрясений в соседнем Афганистане отмечалось небывалое сближение страны с государствами-членами Альянса, символом чего стало создание американской авиабазы на аэродроме Карши-Ханабад, то после Андижанских событий 2005 г. произошло охлаждение отношений между сторонами. В своем официальном заявлении о ситуации в Узбекистане 14 мая 2005 г. генеральный секретарь НАТО Я. Схеффер выразил обеспокоенность возникшей напряженностью в стране и призвал все стороны разрешить конфликт мирными средствами [23].

Однако в течение последующих двух недель позиция руководства Североатлантического альянса по Андижанским событиям стала более жесткой. Это отчетливо видно на примере выступления генсека НАТО Я. Схеффера в Люблянском университете в Словении 31 мая 2005 г., в котором он заявил о том, что евроатлантическое партнерство основано не только на общих интересах безопасности, но и на демократических ценностях, поэтому, по его словам, союз-

ники решительно осудили сообщения о применении чрезмерной и непропорциональной силы органами безопасности Узбекистана и призвали официальный Ташкент к независимому международному расследованию и соблюдению прав человека [24].

Руководство Узбекистана не могло смириться с подобной критикой со стороны Запада и начало сворачивать совместные проекты с государствами-членами НАТО в области безопасности. В 2005 г. американцам был закрыт доступ на базу Карши-Ханабад, в 2006 г. Ташкент заявил о своем желании стать полноправным членом ОДКБ, правда, пребывание в составе Организации было не очень долгим, поскольку уже в 2012 г. страна приостановила свое членство.

Понимая, что возникает опасность перехода важного регионального игрока в Центральной Азии в стан союзников России, руководство Североатлантического альянса попыталось приступить к постепенной нормализации отношений с Узбекистаном. С этой целью 12 ноября 2007 г. специальный представитель генерального секретаря НАТО по Кавказу и Центральной Азии Р. Симмонс посетил с рабочим визитом Ташкент, где провел встречи с руководством министерства иностранных дел, министерства обороны и парламента страны, в ходе которых обсуждались как вопросы двустороннего сотрудничества, так и ситуация в соседнем Афганистане [25].

В практическом плане взаимодействие в этот период шло и по другим направлениям. В частности, 26 ноября 2009 г. в Узбекистане был запущен проект НАТО по уничтожению 1100 т такого высокотоксичного вещества, как меланж [26]. В советское время его использовали в качестве окислителя ракетного топлива, а после распада СССР запасы хранились на складах в ухудшающихся условиях, что было опасно для окружающей среды и местного населения. Процесс очистки территории производился при помощи мобильной установки, успешно применявшейся до этого в Азербайджане. Финансирование проекта шло через программу НАТО «Наука ради мира и безопасности», а эксплуатация самой установки осуществлялась Агентством НАТО по техническому обеспечению и снабжению совместно с турецкой компанией и подготовленными для этой цели узбекистанскими специалистами.

Полноценное восстановление отношений Узбекистана и НАТО произошло в 2011 г., когда штаб-квартиру Альянса в Брюсселе посетил президент страны И. Каримов. Он провел переговоры с генеральным секретарем НАТО А. Расмуссеном, в ходе которых были рассмотрены возможности для осуществления дальнейших грузовых перевозок в Афганистан, с учетом подписанного в 2009 г. соглашения о транзите

невоенных грузов в эту страну. Стоит отметить, что в ходе той встречи генсек Альянса уже не пытался учить демократии президента Узбекистана, а лишь ненавязчиво напоминал о том, что Организация Североатлантического договора готова поспособствовать демократическим реформам в этом государстве [27].

Подчеркивая особый характер своих отношений с Узбекистаном, Альянс открыл в мае 2014 г. в Ташкенте Бюро НАТО по связям и взаимодействию со странами Центральной Азии, а при Университете мировой экономики и дипломатии Узбекистана создал свою депозитарную библиотеку. Однако уже 31 марта 2017 г. Бюро прекратило свое существование, что по официальной версии было связано с изменением структуры взаимодействия НАТО с региональными партнерами. Тем не менее и после этого Североатлантический альянс сохраняет интерес к развитию взаимодействия с Узбекистаном, а США продолжают искать возможности для размещения своей военной инфраструктуры на территории страны.

Понятно, что на протяжении всего рассматриваемого периода наименее интенсивным было взаимодействие НАТО с Туркменистаном в силу закрепленного постоянного нейтралитета этого государства. Тем не менее определенные контакты между Брюсселем и Ашхабадом в сфере безопасности, в том числе и на высшем уровне, все же осуществлялись в последние два десятилетия в первую очередь в контексте происходящих событий в соседнем Афганистане. Так, например, менее чем через год после своего первого избрания на должность 7 ноября 2007 г. президент Республики Туркменистан Г. Бердымухамедов посетил с визитом штаб-квартиру Альянса в Брюсселе и встретился с Генеральным секретарем НАТО Я. Схеффеном. В ходе переговоров стороны обсудили отношения между Туркменистаном и Альянсом в рамках программы «Партнерство ради мира», а также деятельность МССБ в Афганистане и выразили готовность укреплять практическое сотрудничество в ключевых секторах безопасности. Г. Бердымухамедов отметил тогда, что его страна поддерживает усилия международного сообщества под руководством НАТО по стабилизации обстановки на афганской территории [28].

На первый взгляд, могло бы показаться, что эта поездка говорила о попытках туркменистанского руководства повысить уровень отношений с военно-политической организацией, что должно было свидетельствовать об отходе от принципа нейтралитета во внешней политике страны. Однако это было не так, нейтральный статус Туркменистана, как известно, сохранился, на его территории не появились объекты военной инфраструктуры государств-членов НАТО. В последующие годы стороны просто увеличили количество проводимых совместно форумов

и консультаций по вопросам региональной безопасности.

Несмотря на то, что в реалиях Центральной Азии индивидуальный формат работы с каждым государством представляется наиболее эффективным, НАТО, как и другие международные акторы в XXI в., старалось использовать и многосторонние механизмы, для того чтобы решать свои геополитические задачи. Проявлением подобного подхода стала, например, организация встреч с представителями государств Центральной Азии. 30–31 мая 2011 г. парламентарии из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана посетили штаб-квартиру НАТО в Брюсселе, где обсудили с представителями Организации Североатлантического договора ряд важнейших вопросов региональной безопасности, включая сотрудничество по стабилизации ситуации в Афганистане, заявив при этом о полной поддержке действий Альянса [29]. Такой многосторонний подход в рамках диалога с центральноазиатскими республиками Альянс использовал и для проведения различных мероприятий в рамках так называемой «дипломатии второго трека» по широкому кругу вопросов. В частности, можно вспомнить про проведение 14–15 декабря 2016 г. в Ашхабаде конференции под названием «25 лет независимости: вопросы энергетической безопасности в Центральной Азии и в других регионах» с участием экспертов из Афганистана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана [30]. Подобные мероприятия существенным образом расширяли круг вопросов, по которым осуществлялось взаимодействие Альянса и центральноазиатских республик, выводя его за рамки чисто афганской проблематики.

Стоит отдельно отметить, что в 2006–2014-е гг. реализовывался крайне важный для региональной безопасности проект по линии Совета Россия – НАТО (СРН), направленный на подготовку сотрудников антинаркотических ведомств Афганистана, Пакистана и стран Центральной Азии. За весь период было подготовлено свыше 4000 специалистов в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Однако, после того как 1 апреля 2014 г. государства-члены НАТО приняли решение о заморозке практического сотрудничества с РФ, данный проект был свернут. В мае 2015 г. на конференции в Ашхабаде НАТО и Управление ООН по наркотикам и преступности запустили новую инициативу, направленную на обучение сотрудников правоохранительных органов центральноазиатских государств, Афганистана и Пакистана методам борьбы с незаконным оборотом наркотиков [31]. Правда, без участия России этот многосторонний проект, создававшийся как замена предыдущего, не стал таким же успешным, как тот, что реализовывался под эгидой СРН.

Необходимо подчеркнуть, что в последние годы НАТО активно использовало механизм контактных посольств для усиления своего влияния на региональные процессы. При этом страны, выполнявшие эти функции, получали возможность продвигать интересующую их повестку дня в каждом из государств, причем не только в сфере безопасности. Неудивительно, что часто контактным посольством становилось представительство той страны, которая имела тесные связи с конкретным центральноазиатским государством в торгово-экономической или культурно-гуманитарной сфере (Нидерланды в Казахстане, США в Таджикистане, Италия в Туркменистане, Турция в Узбекистане) [32, с. 93].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что НАТО довольно активно действовало в регионе Центральной Азии на протяжении последних двух десятилетий. Альянс в силу положений Североатлантического договора не планировал включать данные государства в свой состав в отличие от государств Восточной и Юго-Восточной Европы, он лишь рассчитывал создать основы для долгосрочного сотрудничества с региональными партнерами в сфере безопасности в контексте проведения операции в соседнем Афганистане. Однако, помимо этого, у НАТО была и другая не менее важная цель. Она заключалась в вытеснении России из геополитически значимого региона и в недопущении закрепления здесь других игроков, таких как Китай и Иран. В связи с этим даже после того, как государства-члены НАТО окончательно вывели свои контингенты из Афганистана в 2021 г., Брюссель не утратил интереса к центральноазиатскому региональному пространству.

Североатлантическому альянсу будет явно выгодно ослабление позиций России как традиционного регулятора межгосударственных конфликтов в Центральной Азии. Кроме того, в интересах НАТО и парализация деятельности ОДКБ на центральноазиатском направлении, которая может потенциально произойти из-за кризиса союзнической солидарности и нарастания противоречий между членами Организации в данном регионе. Даже если Альянс напрямую не будет провоцировать возникновение таких конфликтов между отдельными государствами, он будет стараться воспользоваться их последствиями. Наиболее подходящим вариантом для реализации подобной политики в регионе является игра на противоречиях между Киргизией и Таджикистаном по приграничному вопросу.

При этом НАТО постепенно будет предлагать сотрудничество государствам Центральной Азии, включая страны ОДКБ, в индивидуальном формате не только по афганской проблематике, но и по ряду высокотехнологичных направлений, таких как кибербезопасность. Наиболее интенсивно такие отношения будут развиваться с Казахстаном. Кроме того, представители

Альянса будут пытаться убедить руководство центральноазиатских республик в том, что они якобы могут получить доступ к уникальным военным технологиям и выйти из так называемой зависимости от России, став полностью самостоятельными акторами региональной безопасности.

В реальности это будет означать как раз утрату суверенитета и отказ от полноценного взаимовыгодного сотрудничества с Россией в области безопасности, позволяющего государствам Центральной Азии получать бесценный опыт в ходе учений, а также качественное оружие по низким ценам и практическую помощь, необходимую для эффективного противодействия терроризму и экстремизму. Лидеры центральноазиатских республик должны понимать, что не страны НАТО, а именно Россия может взаимодействовать с ними как с равноправными партнерами и вносить реальный вклад в укрепление региональной стабильности и безопасности.

Список литературы

1. Асташин В. В. НАТО и проблемы безопасности в Центральной Азии после 11 сентября 2001 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. Вып. 1 (13). С. 92–99.
2. Tajikistan signs the Partnership for Peace Framework Document. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_19493.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.04.2023).
3. Акматалиева А. М. НАТО и государства Центрально-Азиатского региона: перспективы сотрудничества // Сравнительная политика. 2012. Т. 3, № 4. С. 32–35.
4. NATO Secretary General visits Central Asia. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_20736.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.04.2023).
5. Стамбульская декларация: наша безопасность в новую эру. URL: https://www.nato.int/docu/rdr-gde-ist/html_rus/ist-sum-rg-2.html (дата обращения: 02.04.2023).
6. Шаймерганов Т. Т. Перспективы реализации центральноазиатской стратегии НАТО: роль Казахстана // Россия и мусульманский мир. 2008. № 11 (197). С. 56–71.
7. Неделя НАТО в Казахстане. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_22262.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 02.04.2023).
8. NATO and Kazakhstan hold peacekeeping exercise. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_43627.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.04.2023).
9. Joint Press Point with NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen and the President of Kazakhstan, Nursultan Nazarbayev. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_67473.htm (дата обращения: 02.04.2023).
10. Посол РК и Специальный представитель Генерального секретаря НАТО обсудили актуальные вопросы сотрудничества. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-brussels/press/news/details/320008?directionId=1678&lang=ru> (дата обращения: 02.04.2023).
11. Tajikistan to boost Support for NATO's Afghanistan Mission. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_20735.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.04.2023).
12. Официальные представители Таджикистана стремятся углубить сотрудничество с НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_7811.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 02.04.2023).
13. President of Tajikistan visits NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_20236.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.04.2023).
14. Президент Таджикистана провел переговоры с генсекретарем НАТО. URL: <https://khover.tj/rus/2009/02/prezident-tadzhikistana-provyol-peregovory-s-gensekretaryom-nato/> (дата обращения: 02.04.2023).
15. President of Tajikistan visits NATO Headquarters. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_99484.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.04.2023).
16. НАТО развивает научное сотрудничество с Таджикистаном. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_127380.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 02.04.2023).
17. NATO-supported Summer Academy in Tajikistan focuses on Development and Cooperation. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_111637.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.04.2023).
18. Концепция внешней политики Республики Таджикистан. URL: <https://www.mfa.tj/ru/main/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 02.04.2023).
19. Joint Press Point with NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen and the President of Kyrgyzstan, Mr. Almazbek Atambayev. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_103200.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.04.2023).
20. NATO-funded Programme helps Kyrgyz Military Personnel Transition to civilian life. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_85865.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.04.2023).
21. Kyrgyz officers graduate from NATO-supported courses. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_132113.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.04.2023).
22. Концепция внешней политики Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430045> (дата обращения: 02.04.2023).
23. Statement by the Secretary General on the Situation in Uzbekistan. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_21798.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.04.2023).
24. «A Transforming Alliance»: Speech by NATO Secretary General, Jaap de Hoop Scheffer at the University of Ljubljana, Slovenia. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natolive/opinions_67473.htm

- www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_21779.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.04.2023).
25. Посланник НАТО посещает с визитом Узбекистан. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_7954.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 02.04.2023).
26. НАТО начинает проект по уничтожению меланжа в Узбекистане. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_59432.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 02.04.2023).
27. Генеральный секретарь НАТО обсуждает партнерские отношения и Афганистан с президентом Узбекистана. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_69950.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 02.04.2023).
28. President of Turkmenistan visits NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_7922.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.04.2023).
29. Парламентарии из Центральной Азии посещают НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natolive/news_75125.htm (дата обращения: 02.04.2023).
30. Central Asian Experts discuss Energy Security Issues. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_140021.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.04.2023).
31. НАТО и УНП ООН начинают обучение методам борьбы с незаконным оборотом наркотиков в Центральной Азии. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_119956.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 02.04.2023).
32. Бахриев Б. Х., Рустамова Л. Р. «Мягкая сила» военной организации: публичная дипломатия НАТО в Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 458. С. 90–100. <https://doi.org/10.17223/15617793/458/11>

Поступила в редакцию 11.04.2023; одобрена после рецензирования 19.04.2023; принята к публикации 30.06.2023
The article was submitted 11.04.2023; approved after reviewing 19.04.2023; accepted for publication 30.06.2023

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 513–518

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 513–518
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-513-518>, EDN: TSCBXQ

Научная статья
УДК 355.134(470+571)|16|+929Фефиладельев

Золотой стольника Василия Григорьевича Фефиладельева

А. В. Беляков

Институт российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН), Россия, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19

Беляков Андрей Васильевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма, belafeb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8588-9192>, AurhorID: 683262

Аннотация. С XV в. в Русском государстве известна форма пожалования за те или иные военные заслуги в виде награждения отличившихся или всех участвовавших в той или иной военной кампании серебряными вызолоченными или золотыми монетами. В Музеях Московского Кремля хранится наградной золотой с владельческой надписью, гласящей, что он был пожалован в 1639/40 г. стольнику Василию Григорьевичу Фефиладельеву. Это наиболее древняя на настоящий момент персонафицированная русская награда. Удалось установить, что золотой был пожалован за саратовскую службу 1636 г. Архивные источники позволили проследить историю этой реликвии с середины XVII в. до наших дней, а также добавить новые сведения к истории семьи Фефиладельевых.

Ключевые слова: наградные золотые, Фефиладельевы, Евреиновы, Государственное древлехранилище, Русское государство XVI–XVII вв.

Для цитирования: Беляков А. В. Золотой стольника Василия Григорьевича Фефиладельева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 513–518. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-513-518>, EDN: TSCBXQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

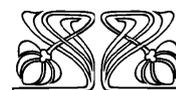
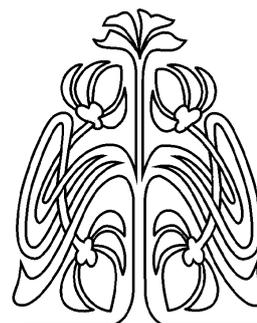
Golden Steward Vasily Grigorievich Fefilatiev

A. V. Belyakov

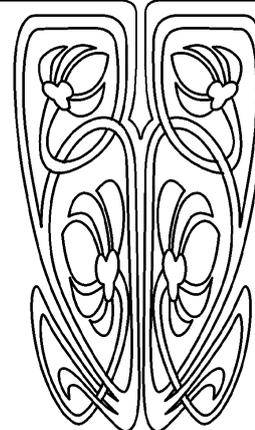
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (IRI RAS), 19 Dmitry Ulyanov St., Moscow 117292, Russia

Andrei V. Belyakov, belafeb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8588-9192>, AurhorID: 683262

Abstract. From the XV century in the Russian state, an award for certain military merits is known in the form of rewarding those who distinguished themselves, or those who participated in a particular military campaign, with gilded silver or gold coins. The Moscow Kremlin Museums keep a gold award with an owner's inscription stating that it was granted in 1639/40 to the stolnik Vasily Grigorievich Fefilatiev. This is the oldest personalized Russian award to date. It was possible to establish that the gold was awarded for the Saratov service in 1636. Archival

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

sources made it possible to trace the history of this relic from the middle of the 17th century to the present day, as well as to add new information to the history of the Fefilatiev family.

Keywords: Printed order, voivode, boyar lists, General Kosagov, Karachev, Kalmyks, pedigree paintings, patriarchal boyar children, Vozdvizhensky convent, staritsa Dorofea

For citation: Belyakov A. V. Golden Steward Vasily Grigorievich Fefilatiev. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 513–518 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-513-518>, EDN: TSCBXQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

В последнее время успешно изучается наградная система Русского государства петровской и допетровской эпох. При этом в подавляющем большинстве случаев сохранившиеся от тех времен награды анонимны. В отличие от ковшей на них не помещались надписи о том, кому и за что они жаловались. Тем ценнее надпись на золотом стольника Василия Григорьевича Фефилатьева, размещенная на изготовленной еще в XVII в. оправе, которая донесла до нас имя его владельца, а также позволила определить, за что он был пожалован. В настоящее время это наиболее древняя отечественная персонифицированная награда в виде своеобразной медали. Рассмотрим обстоятельства ее пожалования и историю дальнейшего бытования.

История бытования золотых угорских уже неоднократно становилась предметом специальных исследований [1–5]. Благодаря сообщению Д. Флетчера конца XVI в. известно, что их пришивали на рукав или к шапке [6, с. 89], хотя имеются свидетельства о том, что крупные номиналы могли снабжаться золотой цепью и носиться на шее [1, с. 97]. Это подтверждает и анализ угорских из музейных и частных собраний. Из всего комплекса известных на настоящий момент монет 32% имеют отверстия, припайки ушек или оправы, т. е. следы ношения или привешивания к иконам; 41% отмечены явными следами опробования («на сгиб», «на зуб», «на взрез»), что указывает на их хождение как платежных средств [7]. Можно предположить, что значительная часть наградных золотых поступала на рынок из монастырей, куда первоначально попадала в виде вкладов. Так, в описи имущества Тобольского архиерейского дома 1701 г. указано 14 золотых без чети золотого и «пятнадцать алтын четыре денги копеек золоченых». Отметим, что православный человек порой отдавал во вклад на помин души не только жалованные деньги, но и ковши [8, с. 349, 529]. Следует указать, что пример этого был дан еще царем Иваном IV Васильевичем и его сыном царевичем Иваном Ивановичем. В 1577 г. царя за участие в Ливонском походе наградили (боярская Дума?) золотым на цепи, а царевича – золотым. Это произошло в Новгороде. Тогда же они свои награды приложили к особо почитаемому образу Знаменье Пречистой Богородицы в новгородской Знаменской церкви [1, с. 97; 9, 10]. Однако отдельные жалованные угорские хранились в семьях не одно поколение, а архивные документы

позволяют проследить историю их бытования на протяжении нескольких веков. Автору удалось увидеть в частной коллекции датируемую XVII в. миниатюрную деревянную коробочку (приблизительно 5 x5 см.), окованную тонкими серебряными пластинками с замысловатым чеканным узором. На одной из ее сторон расположено изображение двуглавого орла в круге, близкое к помещаемым на золотых. Можно предположить, что ее специально изготовили для хранения царской награды.

В Музеях Московского Кремля имеется интересный экспонат – золотой в 1/2 угорского. Его еще в XVII в. поместили в серебряную оправу с напаянным ушком. На оправе находится надпись: «Лета 7148-го (1639/40. – А. Б.) государь пожаловал за службу стольника Василия Фефилатьева» [11]. В настоящее время это наиболее ранний случай, когда московский золотой был превращен владельцем в более репрезентативную именную датированную награду. В Государственном историческом музее и Оружейной палате хранятся еще два золотых XVII в., помещенные в оправы с драгоценными камнями, но без владельческих надписей. Однако в последнее время специалисты ставят под сомнение появления этих оправ в XVII в. По видимому, камни и оправы появились значительно позже, уже в XIX в., тем самым, они должны были повысить ценность предмета в глазах коллекционеров [12, с. 10; 13; 14, с. 217–218].

Столь неординарный музейный нумизматический экспонат, как золотой Фефилатьева, не мог не привлечь к себе внимания исследователей. В первую очередь интересно установить, за что Фефилатьев получил награду. С. В. Зверев, впервые опубликовавший этот исторический раритет, предположил, что пожалование было осуществлено за события весны – лета 1640 г., когда крымские татары в количестве 3000 чел. приходили под Хотмышск и к заставе на р. Ворксле. Это была единственная значимая военная операция 1639–1640 гг., за которую могли награждать золотым [15, 2]. Однако у этого построения имеется серьезный недостаток, нам ничего неизвестно об участии Василия Григорьевича в этих событиях. Очевидно причина царской милости была иной, и понять, за что пожалован золотой, можно только обратившись к биографии этого человека.

Фефилатьевы (Феофилатьевы) (однородцы с Кузьмиными-Караваевыми) – выходцы из нов-

городского боярства. В соответствии с родословной, поданной в конце XVII в. в Палату родословных дел Иваном Васильевичем Фефилатьевым, семья происходила от пришедшего из Прусской земли князя Михаила Степановича Прусского. Дальнейшая интересующая нас ветвь рода выглядела следующим образом: Павша (в крещении Ананий) – Кирилл – Захарий – Фефилакт – Кузьма – Андрей – Иван – Григорий – Василий – Иван. Последний – податель родословной и сын нашего героя [16, с. 240–243]. В. Л. Янин выявил между Кириллом и Павшей еще три потерянные колена: Андреян – Захарий – Михаил [17, с. 219]. Благодаря исследованиям Я. Н. Рабиновича становится известна история Василия Григорьевича и его отца Григория Ивановича [18–20].

Григорий Иванович происходил из владимирских помещиков, где служил по выбору, позднее дослужился до дворянина по московскому списку. Он многократно получал за свою жизнь значительные служебные назначения. В 1612–1613 гг. Григорий Фефилатьев – воевода в Балахне [21, с. 25]; в 1614–1615 гг. – второй воевода в Алатыре; в 1617–1618 гг. – воевода в Касимове; в 1620–1623 г. – второй воевода в Сургуте [18, с. 74]. В 1625–1627 гг. с князем Г. В. Тюфякиным был отправлен послом в Персию к шаху Аббасу. По возвращении из посольской посылки попал в опалу, вызванную недовольством шаха результатами миссии. Однако по случаю рождения в 1629 г. наследника царевича Алексея Михайловича Григорий Фефилатьев был прощен, в 1633 г. за Москву-рекою «строил острог и ров копал» [22, с. 222]. В 1634–1637 гг. – саратовский воевода. Имеются сведения, что 8 апреля 1640 г. он выполнял обязанности чебоксарского воеводы [23, № 6302/7, с. 242]. После 1642/43 г. напротив его имени в боярских списках стоят пометы – «стар», «болен». Умер в 1652/53 г. [24, с. 408]. Известен только один его сын – Василий.

Василий Григорьевич начал службу в 1624/25 г. в патриарших стольниках [25, с. 52]. На основании этого Я. Н. Рабинович предположил, что Василий родился приблизительно в 1608–1610 гг. [18, с. 74]. Однако следует помнить, что патриаршими стольниками могли становиться и в более юном возрасте, в 10–12 лет и ранее [26, с. 49–50]. Это очень важно для того, чтобы понять, когда Василий мог начать нести реальную службу, в том числе и полковую. В декабре 1633 г. он произведен в стряпчие. С 12 июля 1635 г. – стольник [27, с. 85, 91]. Не единожды получал назначения на воеводства: 1650–1652 гг. – в Саратове; 1654–1655 гг. – на Валуйках; 1656–1657 гг. – в Борисоглебске (Динабург, Даугавпилс); 1664–1666 гг. – в Дорогобуже. Кроме того, в 1634–1637 гг. был в Саратове, где в то время на воеводстве находился его отец. В 1660/61 г. раздавал деньги

служилым людям Новгорода Северского и иных северских городов [28, с. 370]. Читается, что он умер после 1676 г. [19, с. 85]. Однозначно можно говорить о том, что он был жив еще в 1689 г., в этом году он с женой Ириной (по-видимому, второй брак) судился с игуменом Николаевского Угрешского монастыря за спорные земли в Московском уезде [23, № 7476/334, с. 448]. Известен единственный сын Василия Григорьевича – Иван.

Повод для награждения золотым, по-видимому, следует искать в событиях саратовской службы отца и сына. В боярской книге 1639 г. имеется запись: «Василей Григорьев сын Фефилатьев. Учинен вновь поместной оклад 500 чети, денег из Чети 23 рубли. Да 148-го ноября в 8 день по памяти ис Казансково приказу за приписью дьяка Федора Панова за саратовскую службу и за татарские бои придачи учинено сто чети, денег 27 рублей» [29, с. 58]. Таким образом, пожалование золотым следует отнести к осени 1639 г., хотя он был получен за более раннюю службу. Задержка, по-видимому, была связана с дворцовыми событиями и последующими службами Василия Григорьевича. В 1637/38 и 1638/39 гг. он указан в полках на Туле, при этом в 1637/38 г. стоит помета о том, что там стольник находился с отцом [30, с. 51; 31, с. 174]. Когда же Фефилатьев на время возвращался в Москву, то столица была в трауре. 9 января 1639 г. умер царевич Иван Михайлович. Стольник В. Г. Фефилатьев указан как дневавший и ночевавший у его гроба 29 января [32, стб. 940]. 25 марта того же года умер царевич Василий Михайлович. Фефилатьев находился у его гроба 13 апреля [32, стб. 971]. Только осенью 1639 г. настало время хлопотать о заслуженной награде. Мы можем с полной уверенностью утверждать только одно, факт данной награды был дорог Василию Фефилатьеву настолько, что он решил преобразовать монету в подобие медали и снабдил ее надписью, указывающей на то, когда она была получена и кем.

В период совместной службы отца и сына в Саратове в 1636 г. из Москвы была получена жалованная похвальная грамота воеводе Григорию Ивановичу Фефилатьеву за оказанную сыном его, Василием, храбрость против крымских татар на речке Нойло [33]. Эти сведения были сообщены И. Ф. Токмаковым. Однако архивист не указал источник информации. Понятно, что она была почерпнута в документах МГАМИД (ныне – РГАДА), но для дальнейшего поиска этого слишком мало. Также непонятно, что это за речка «Нойло», по другим источникам она неизвестна. Возможно, при передаче текста была допущена ошибка. Я. Н. Рабинович считает, что это приток р. Медведицы [18, с. 75].

В середине XIX в. по инициативе главноуправляющего Второго отделения собственной его императорского величества канцелярии Д. Н. Блудова и указу императора Николая I [34, 35] в Москве создали музей –

Государственное древлехранилище. В нем собраны наиболее древние и важные документы допетровской эпохи, коллекцию государственных и личных печатей [36], подборку отечественных монет и медалей, а также оригиналы акварелей академика Ф. Г. Солнцева, подготовленные для издания «Древности Российского государства» [37]. Предметы во вновь созданный музей поступили из Оружейной палаты, Эрмитажа, Кабинета его императорского величества, приобретены в Казну из собраний П. Ф. Карабанова, Я. Я. Рейхеля, М. П. Погодина и некоторых иных источников [38]. Поступали в Древлехранилище и дары от отдельных лиц. Так, Александр Евреинов подарил в музей золотой своего прапрадеда Василия Фефилатьева. По непонятным причинам, возможно, из-за уникальности предмета золотой определили не в коллекцию монет, а в собрание печатей: «247/47. Червонец Царя Михаила Федоровича, обделан в серебро, с надписью: «Лета 7148 (1640) году Государь пожаловал за службу Стольника Василья Фефилатьева». Червонец сильно побит, слова «Василья Фефилатьева» занимают половину края оборотной стороны; к краю приделано ушко серебряное» [38, л. 144]. Из сопроводительной документации становится известно, что эту реликвию в Древлехранилище передал некто Александр Евреинов [39].

Следует остановиться на фамилии дворян Евреиновых. В РГАДА хранится фонд Евреиновых (Ф. 189.), документы из которого были после смерти Михаила Михайловича Евреинова (1788–1878 гг.) завещаны МГАМИДу. Сейчас в нем имеется 33 единицы хранения. Среди пожертвованного также упоминаются печатные издания, портреты и карты [40]. Только семейных портретов было 20 шт., два из которых кисти В. А. Тропинина. В настоящее время собрание портретов расплыено по множеству музеев, однако о том, что представлял собой дар, можно судить по описи живописи и графики МГАМИДа 1898 г. [41] Представители этого рода известны как видные дипломаты, государственные и общественные деятели. Родной брат Михаила Михайловича, Павел Михайлович, занимал пост помощника директора московской Оружейной палаты. Ему принадлежит один из первых путеводителей по Оружейной палате [42]. Александр Евреинов – по-видимому, обер-прокурор и первоприсутствующий в департаменте Герольдии Александр Григорьевич Евреинов (1808–1885 гг.), хотя это также может быть неизвестный брат Михаила Михайловича. Пояснения к портретам, приведенные в описи художественного собрания МГАМИДа, объясняют, как золотой Фефилатьевых попал к Евреиновым. Дело в том, что внучка Василия Григорьевича, дочь стольника (полковника?) Ивана Васильевича Фефилатьева и Анны Андреевны (урожденной Бестужевой-Рюминой), Евдокия

(Авдотья) Ивановна, стала супругой президента Коммерц-коллегии Якова Матвеевича Евреинова. Тем самым Евдокия Ивановна приходилась бабкой дарителю [41, № 289, с. 66]. В фонде Евреиновых имеется родословное древо этой семьи, а также ряда иных родов, находившихся с ними в свойстве – Бестужевых-Рюминых, Кучецких, Румянцевых, Паниных и Фефилатьевых. Из этих материалов становятся известны дополнительные сведения о родственных связях Фефилатьевых. Так, Василий Григорьевич был женат (первым браком) на Авдотье Федоровне Зыбиной, дочери дворянина по московскому списку Федора Ивановича Зыбина. Иван Васильевич женат на Авдотье Андреевне Бестужевой-Рюминой. У И. В. Фефилатьева отмечены четверо детей: Николай, женатый на Прасковье Тимофеевне Енгальчевой; Иван, похоже, был женат дважды, на Н. Каховской и Н. Жуковой; Авдотья, замужем за Яковом Матвеевичем Евреиновым; Анна, замужем за Василием Федоровичем Воейковым [43, л. 10]. Почему наградной золотой деда достался не одному из внуков, а внучке, неизвестно. Следует указать еще на один факт: при более чем заметном интересе к истории своей семьи Евреиновы знали ее со значительными ошибками. Так по сведениям А. Евреинова Г. И. Фефилатьев погиб во время персидского посольства, за много лет до Саратовского воеводства [39, л. 1].

В 1882 г. принимается решение о переводе музея из Теремного дворца Кремля в здание МГАМИДа. На самом деле это произошло уже в 1883 г. Тогда коллекция Древлехранилища оказалась разделена между МГАМИДом и Оружейной палатой. Архиву досталась подавляющая часть документов и печатей. В Оружейную палату, по-видимому, отошли рисунки Солнцева, все монеты и медали, а также некоторые книги, грамоты и отдельные предметы из коллекции печатей. В частности, там оказался и наградной золотой Фефилатьева. Причина такого отбора предметов остается неизвестной. Возможно, решили исправить прежнюю ошибку, и наградной золотой отнесли к монетам или же медалям. В описи Оружейной палаты конца XIX в. он значится именно там (№ 9553) [44, с. 31–32]. С этого момента данная историческая реликвия больше не меняла места своего нахождения.

С золотым Фефилатьева связана еще одна загадка. Дело в том, что в РГАДА хранится картонка с неряшливыми записями на ней синим карандашом о родственных связях Фефилатьевых и Евреиновых. Кто оставил эту надпись – неизвестно. Ее, похоже, ставили до 1873 г., когда создавалась опись Древлехранилища, в которой золотой уже фигурирует. К картонке прикреплена неряшливая петелька из тонкой синей материи. По-видимому, за нее эту конструкцию крепили к стене. Вместе с картонкой хранится одинаковый

с ней по размеру лист бумаги с нанесенным строго по центру типографским образом (?) оттиском золотого Фефилатьева. На верхней части листа имеется каллиграфически выполненная надпись: «сборник Оболенского». Однако ни в сборнике кн. Оболенского, ни в начатых собираться для печати еще князем до своей смерти в 1873 г. «Снимках древних русских печатей» [45] этого изображения нет. Что это за картонка и как она попала в Древлехранилище, а затем и в РГАДА, на настоящий момент неизвестно [39].

Как видим, золотой стольника Василия Фефилатьева связан сразу с двумя русскими родами – Фефилатьевыми и Евреиновыми. Нам удалось установить, за какие заслуги была дана эта награда и проследить ее дальнейшую судьбу.

Список литературы

1. Спасский И. Г. «Золотые» – воинские награды в допетровской Руси // Труды Государственного Эрмитажа. Т. IV: Нумизматика 2. Л. : Издательство Государственного Эрмитажа, 1961. С. 92–134.
2. Зверев С. В. Золотые монеты – царские пожалования // Зверев С. В., Митяева А. В., Берковский Б. Ю. Золотые монеты в истории династии Романовых. Каталог выставки. М. : Лингва-Ф, 2017. С. 103–113.
3. Кистерев С. Н. Функции золотых монет в России во второй половине XVI – начале XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 12 / ред. С. Н. Кистерев. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2008. С. 137–154.
4. Кистерев С. Н. Золотые монеты на Руси во второй половине XV века // Окно в Европу / ред. П. А. Дружинин. М. : Древлехранилище, 2021. С. 153–166.
5. Ширяков И. В. Золотая монета в России XV–XVII вв. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 645 с.
6. Флетчер Дж. О русском государстве или образе правления русского царя. СПб. : Типо-литография Б. М. Вольфа, 1906. 160 с.
7. Дуров А. В., Ширяков И. В. О предварительных итогах работы по составлению корпуса российских золотых монет и медалевидных знаков XV–XVII вв. // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция : тезисы докладов и сообщений (Ярославль, 19–23 апреля 1999 г.) / отв. ред. А. С. Беляков. М. : Б. и., 1999. С. 138–142.
8. Башнин Н. В., Устинова И. А., Шамина И. Н. Высшее духовенство в начале церковной реформы Петра I: правовой статус и имущественное положение. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2022. 704 с.
9. Орешников А. В. Три памятника времени царя Ивана Васильевича Грозного // Археологические известия и заметки, издаваемые Имп. Московским Археологическим обществом. М. : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1893. № 5. С. 153–164.
10. Яковлева О. А. Боевые награды Ивана Грозного и сына его царевича Ивана // Записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР. Т. 13 / ред. И. Д. Воронин, В. В. Горбунов, К. А. Котков. Саранск: Мордовское государственное издательство, 1951. С. 238–243.
11. Музеи Московского Кремля. Инв. № Н-4306.
12. Дуров В. А. Русские награды XVIII – начала XX века. М. : Просвещение, 1997. 159 с.
13. Ширяков И. В. Пожалования «золотыми» за Крымские походы 1687 и 1689 гг. // Нумизматический сборник ГИМ. Т. XIX / Труды Государственного исторического музея ; отв. ред. И. В. Ширяков. М. : Б. и., 2012. Вып. 192. С. 157–172.
14. Быкова Ю. И., Тюхменева Е. А. Путь к империи: становление придворной художественной культуры в России в петровское время. Церемониал регалии, украшения. М. : БуксМАрт, 2022. 448 с.
15. Зверев С. В. Наградной золотой 1640 г. стольника Василия Фефилатьева // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция : тезисы докладов и сообщений (Ярославль, 19–23 апреля 1999 г.). М. : Б. и., 1999. С. 127–129.
16. Шабаетов Л. Е. Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: провинциальное служилое дворянство (Великий Новгород) // Российская генеалогия : научный альманах. Вып. 9 / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2021. С. 177–292.
17. Янин В. Л. Новгородские посадники. М. : Языки славянской культуры, 2003. 511 с.
18. Рабинович Я. Н. Воеводы левобережного Саратова (1616–1641). Саратов : ИЦ «Наука», 2013. 160 с.
19. Рабинович Я. Н. Левобережный Саратов при воеводе Василии Григорьевиче Фефилатьеве (1650–1652) // Город и городская жизнь в России XVI–XXI веков : материалы всероссийской научной конференции, посвященной 430-летию Саратова (Саратов, 26 сентября 2020 г.) / под ред. М. В. Зайцева. Саратов : Саратовский источник, 2020. С. 68–88.
20. Рабинович Я. Н. Город Валуйки при воеводе Василии Григорьевиче Фефилатьеве (1654–1656) // Белгородская черта : сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 5 / Белгородская региональная общественная организация «Историческое общество Ратник»; [редакционная коллегия : В. М. Жигалов, А. И. Папков, Е. В. Шваров]. Белгород : Издательство Сичкаревой Е. В. ; КОНСТАНТА, 2020. С. 219–225.
21. Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) / сост. С. Б. Веселовский ; отв. ред. Б. В. Левшин. М. : Наука, 1994. 479 с.
22. Кочетков В. Д. Город-крепость на Суре. Очерки истории г. Алатыря и уезда в XVI–XVII вв. Б. м. : Б. и., 2012. 283 с.
23. Описание Грамот Коллегии экономии : в 3 т. Т. 2 : К–Р / сост. А. В. Антонов. М. : Древлехранилище, 2018. 1364 с.
24. Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник : в 2 т. Казань : Б. и., 2009. Т. 2. 463 с.
25. Боярская книга 1627 г. / под ред. и с предисл. В. И. Буганова ; подготовка текста и вступительная статья М. П. Лукичева и Н. М. Рогожина. М. : Институт истории СССР Академии наук СССР, 1986. 207 с.

26. Павлов А. П. Способы комплектования стольников патриарха Филарета (к изучению политики Филарета в отношении Государева двора) // Человек и власть в России XVII–XVIII веков : сборник статей к семидесятипятилетию Евгения Викторовича Анисимова / под ред. П. В. Седова, А. А. Селина. СПб. : Наука, 2022. С. 36–56.
27. Горбатов Е.Н. Боярская книга 1629 года // Российская генеалогия : научный альманах. Вып. 11 / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2022. С. 63–254.
28. Описи архива Разрядного приказа XVII в. / подготовка текста и вступительная статья К. В. Петрова. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. 808 с.
29. Боярская книга 1639 года. / подготовка текста В. А. Кадика, М. П. Лукичева, Н. М. Рогожина ; вступительная статья М. П. Лукичева ; предисловие Н. М. Рогожина. М. : ИРИ РАН, 1999. 266 с.
30. Горбатов Е. Н. «Подлинный» боярский список 1637/38 года // Российская генеалогия : научный альманах. Вып. 5 / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2019. С. 41–113.
31. Горбатов Е. Н. «Подлинный» боярский список 1638/39 года // Российская генеалогия : научный альманах. Вып. 6 / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2019. С. 163–238.
32. Дворцовые разряды по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии : в 4 т. Т. 2 : 1628–1645 гг. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского величества Канцелярии, 1851. [4], IV с., 976 стб., II с.
33. Протокол V общего собрания Саратовской ученой архивной комиссии от 28 октября 1887 г. / под ред. Н. Соколова. Саратов : Типография губернского правления, 1887. 9, 55 с. (приложение 1).
34. Морохин А. В. Николай I и «династические документы» Романовых: Из истории «засекречивания былого» в 1825–1855 гг. М. : Кучково поле ; Ретроспектива, 2022. 400 с.
35. Савицкая И. С. Дипломат Александра I Дмитрий Николаевич Блудов: союз государственной службы и поэтической музы. М. : Прометей, 2019. 240 с.
36. Анхимюк Ю. В. Материалы Древлехранилища в фондах ОР РГБ // Памяти Лукичева / ред.-сост. Ю. М. Эскин. М. : Древлехранилище, 2006. С. 698–738.
37. Евтушенко М. М. Академик живописи Ф. Г. Солнцев (1801–1892). М. : Кучково поле, 2017. 352 с.
38. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 135/1 (Государственное древлехранилище хартий и рукописей).
39. РГАДА. Ф. 136 (Дела о государственных печатях). Оп. 1. Д. 98.
40. РГАДА. Ф. 189 (Евреиновы). Оп. 1. Д. 32.
41. Московский главный архив Министерства иностранных дел. Вып. I: Портреты и картины, хранящиеся в нем. М. : Комиссия печатания государственных грамот и договоров, состоящая при Московском главном архиве Министерства иностранных дел, 1898. 80 с.
42. Евреинов П. М. Краткое описание московской Оружейной палаты. М. : Типография Августа Семена, при императорской Медико-хирургической Академии, 1834. Ч. 1. 216 с.
43. РГАДА. Ф. 189. Оп. 1. Д. 26.
44. Опись московской Оружейной палаты. Ч. 7, т. 10. М. : Типография Общества распространения полезных книг, 1893. 175 с.
45. Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. М. : Типография А. Гатцука, 1882. 204 с.

Поступила в редакцию 23.05.2023; одобрена после рецензирования 01.06.2023; принята к публикации 30.06.2023
The article was submitted 23.05.2023; approved after reviewing 01.06.2023; accepted for publication 30.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 519–527
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 519–527
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-519-527>, EDN: SPPILF

Научная статья
УДК [325.3(470.44):930(470+571)]|18|

Изучение в XIX в. историками-регионоведами проблемы заселения Саратовского Поволжья

А. С. Майорова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Майорова Алла Степановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, majorova-as@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9582-6811>, AuthorID: 512795

Аннотация. С середины XIX в. отечественные историки уделяли большое внимание вопросам расселения русского крестьянства. Саратовские регионоведы восприняли изучение этого процесса в Нижнем Поволжье в качестве одной из своих главных задач в последние десятилетия XIX в. В современной историографии не отмечено значение их работ по теме колонизации. Содержание статей членов СУАК и не изданной монографии А. Н. Минха показывает, что местные историки успешно занимались проблемой, разработка которой осуществлялась в трудах университетских историков.

Ключевые слова: колонизация, саратовский статистический комитет, Саратовская ученая архивная комиссия, Г. И. Перетяткович, устные источники, Генеральное межевание, сторожевые слободы

Для цитирования: Майорова А. С. Изучение в XIX в. историками-регионоведами проблемы заселения Саратовского Поволжья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 519–527. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-519-527>, EDN: SPPILF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

XIX century studies on the settlement of the Saratov Volga region

A. S. Mayorova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alla S. Mayorova, majorova-as@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9582-6811>, AuthorID: 512795

Abstract. Since the middle of the 19th century, Russian historians paid great attention to the settlement of the Russian peasantry. Saratov local history experts took the study of this process in the Lower Volga region as one of their main tasks in the last decades of the 19th century. Modern historiography has not noted the importance of their works on the problem of colonization. The content of the papers by the SSAC members and the unpublished monograph by A. N. Minh shows that local historians successfully dealt with the problem, the development of which was carried out in the works of university historians.

Keywords: colonization, Saratov Statistical Committee, Saratov Scientific Archival Commission, G. I. Peretyatkovich, oral sources, General Land Survey, sentry villages

For citation: Mayorova A. S. XIX century studies on the settlement of the Saratov Volga region. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 519–527 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-519-527>, EDN: SPPILF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Саратовские историки с 80-х гг. XIX в. в своих исследованиях проявляли особый интерес к вопросам, связанным с распространением земледельческого населения в Нижнем Поволжье. В первых обобщающих трудах по истории Саратовской губернии, которые были изданы в середине XIX в., присутствовали сведения такого характера. Однако специальные работы, посвященные данной проблеме, появились в местной историографии после того, как С. М. Соловьев

и его ученики стали рассматривать процессы расселения русского крестьянства в качестве изначальных и определяющих всю многовековую историю государства.

Саратовские авторы продолжали изучать вопросы крестьянской колонизации и распространения земледелия в Саратовской губернии в XX и в XXI вв. Исследователи, которые занимаются данной проблемой, не останавливали внимания на работах своих предшественников. Статьи са-

ратовских историков о заселении территории губернии, опубликованные в трудах Саратовской ученой архивной комиссии в конце XIX – начале XX в., не были объектами изучения, хотя они достаточно известны, о чем свидетельствуют ссылки на них, встречающиеся в работах Е. Н. Кушевой [1], В. А. Осипова [2], А. П. Муравлева [3].

В историографии Поволжского региона отмечено большое значение трудов историков Казанского университета С. В. Ешевского, А. П. Щапова, Н. А. Фирсова, Н. Н. Фирсова, посвященных колонизации Среднего Поволжья [цит. по: 4, с. 33]. И. П. Ермолаев и А. Л. Литвин подчеркивали, что казанские историки работали в русле направления, сформировавшегося под влиянием взглядов С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, и продолжали изучение колонизации Поволжья, начало которому было положено Г. И. Перетятковичем [5, с. 35].

В предисловии к монографии «Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период» также показано значение казанской школы историков в создании «крупных исследований, связанных с решением проблемы колонизации края и русского влияния на жизнь местного населения, форм и методов колониальной политики, деятельности православной церкви в крае, христианизации местного населения». Здесь названы имена И. М. Покровского, Н. В. Никольского, Н. А. Фирсова, в чьих трудах освещалась история колонизации Казанского края [6, с. 22]. Статьи саратовских авторов о заселении территории Саратовского Поволжья, опубликованные в Трудах СУАК, не были приняты во внимание составителями предисловия к монографии.

Материал по проблемам колонизации Саратовского края за период с конца XVIII и до 80-х гг. XIX в. представлен в данной монографии весьма обобщенно. А между тем именно в это время процесс заселения Саратовской губернии происходил очень интенсивно. Фактические данные о возникновении поселений содержатся именно в статьях, опубликованных в Трудах СУАК. Обращение к ним дает возможность решить ряд вопросов, в том числе вопрос соотношения правительственной и вольной колонизации в Саратовском Поволжье.

Рассмотрение работ местных авторов по истории заселения территории губернии, написанных в последние десятилетия XIX и в первые годы XX в., позволяет уточнить наши представления о тематике исследований саратовских регионоведов и об их участии в разработке проблем русской историографии. Заслуживает внимания также их подход к расширению источниковой базы своих работ, привлечению новых типов и видов источников. Обстоятельства появления трудов саратовских историков, посвященных заселению и освоению земледельцами территории

края, и их особенности рассматриваются в настоящей статье с точки зрения новой культурно-интеллектуальной истории, основной задачей которой является исследование всех интеллектуальных процессов прошлого в их конкретно-историческом социокультурном контексте.

Заселение вновь присоединенных территорий России выходцами из ее центральных областей определялся термином «колонизация», который обрел популярность после опубликования в 1851 г. первого тома «Истории России с древнейших времен» Соловьева. Знаменитый историк использовал его для характеристики процессов, которые происходили, начиная со времени создания и расширения Древнерусского государства, и продолжались все последующие века. В своей «Истории России» он указал на эти процессы как на важнейший аспект исторического существования нашей страны: «... В русской истории мы замечаем то главное явление, что государство при расширении своих владений занимает обширные пустынные пространства и населяет их; государственная область расширяется преимущественно посредством колонизации; господствующее племя – славянское – выводит поселения свои все далее и далее вглубь востока» [7, с. 58].

Интересное наблюдение относительно включения понятия «колонизация» в сочинения русских историков высказал А. Эткинд: «Середина и конец XIX века были периодом масштабных экспансий европейских империй... Российской империи, которая участвовала и в разделе Америки, и в Большой игре в Азии, надо было учиться говорить о том, что происходило на ее огромных внутренних пространствах. Историкам, освоившим язык мировых империй, нужно было приспособить иностранную идею колонизации к просторам провинциальной России. Концептуальный прорыв в этом деле совершил московский историк Сергей Соловьев» [8, с. 92]. Замечание Эткинды справедливо – Соловьев проводит прямое сравнение расселения «славянского племени» с созданием колоний европейскими странами: «Всем племенам Европы завещано историей выселять поселения в другие части света, распространять в них христианство и гражданственность; западным европейским племенам суждено завершать это дело морским, восточному племени, славянскому – сухим путем» [7, с. 58].

Историки, которые изучали и изучают в настоящее время явления, происходившие на территории Поволжья, используют термин «колонизация» как синоним понятий «расселение», «заселение». Статья П. Г. Любомирова, впервые опубликованная в 1926 г. в журнале «Наш край», имеет название «Заселение Астраханского края в XVIII в.». В тексте ее присутствуют оба термина – и «заселение», и «колонизация» – для характеристики одних и тех же явлений [9].

М. В. Бульчев в своей работе, изданной в начале текущего столетия, подробно рассматривает вопросы, связанные с заселением Саратовского края крестьянами-земледельцами, начиная с конца XVIII в., и до середины следующего столетия. Изученные им явления он определяет как крестьянскую колонизацию [10]. Э. Л. Дубман в статье, посвященной хозяйственному освоению Южного Средневолжья (территории южнее Казанского края) монастырями, пишет, что «здесь массовая земледельческая колонизация началась только в середине XVII в.» [11 с. 145]. Я. Н. Рабинович при рассмотрении вопроса о причинах перенесения Саратова с левого на правый берег Волги подчеркивает, что «постепенная колонизация степного Заволжья в окрестностях Саратова началась лишь с основания Покровской слободы в 1747 г.» [12, с. 240].

После появления «Истории России с древнейших времен» Соловьева тема колонизации, по словам М. В. Нечкиной, «владела умами многих ученых» [13, с. 124]. В 1857 г. в Казани С. В. Ешевский прочел три лекции о колонизации Северо-Восточной России. Эти лекции слушал А. П. Щапов, который был тогда студентом духовной академии. С 1860 г. он начал преподавание в Казанском университете и в своей вводной лекции «в основу исторического процесса положил теорию колонизации» [14, с. 192]. Вполне естественно, что историки, работавшие в Казани, первыми обратились к проблеме колонизации. Заселение Поволжья и Приуралья крестьянами из центральных областей России было важнейшим фактором социально-экономического развития региона, начиная с середины XVI в.

Изучение явлений, связанных с расселением «славянского племени», требовало поиска источников, из которых можно выяснить подробности этого процесса. Первоначально историки пытались найти материал по данной проблеме в житиях святых. По мнению А. А. Зимина, С. В. Ешевский указал А. П. Щапову на жития святых из библиотеки Соловецкого монастыря как на источник по истории колонизации, затем под влиянием Щапова изучением этого комплекса источников в связи с обозначенной проблемой занялся В. О. Ключевский [14, с. 184–185].

М. В. Нечкина, со своей стороны, старалась показать, что тема магистерской диссертации В. О. Ключевского была избрана им в 1865 г. под влиянием С. М. Соловьева. В ходе изучения произведений древнерусской литературы должен был неизбежно поднят «вопрос о России, как “о стране, которая колонизируется”, поставленный Соловьевым» [13, с. 124]. В. О. Ключевский рассмотрел огромный массив памятников и в результате ему пришлось, по выражению М. В. Нечкиной, отказаться от житий святых «как нового и свежего источника по истории русской колонизации» [13, с. 147]. Диссертация

В. О. Ключевского в итоге обрела направленность чисто источниковедческого исследования.

В дальнейшем В. О. Ключевский в процессе работы над лекционными курсами по русской истории, которые он начал читать с 1871 г., большое внимание уделял вопросу о значении колонизации [13, с. 165]. Уже в первой дошедшей до нас записи его лекций по истории России с древнейших времен до середины XV в. (рукописный текст был составлен А. И. Герье в 1872 г.) вопрос о колонизации Русской равнины «отчетливо» присутствует в системе обобщений [13, с. 249–250]. Он продолжал оставаться одним из основополагающих моментов в понимании Ключевским исторического процесса в России и это отражено в опубликованном тексте «Курса русской истории» [15, с. 50–51]. Вопросы монастырской колонизации рассматривались Ключевским в ряде работ, изданных в 70-е гг. [14, с. 195]. Таким образом, данная тема нашла свое воплощение в творчестве замечательного историка.

Подробности колонизационного процесса в Поволжье изучал ученик С. М. Соловьева Г. И. Перетяткович. Ему принадлежат две монографии на данную тему. Первая монография «Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации)» опубликована в 1877 г. Вторая монография «Поволжье в XVII и начале XVIII века (Очерки из истории колонизации края)» была издана в 1882 г. Позиция автора этих трудов относительно сущности изученных им процессов охарактеризована историками XXI в. следующим образом: Г. И. Перетяткович «ход колонизации сводил ... к географическому фактору, а ее сущность к борьбе между христианской Русью и мусульманским Востоком». Справедливо сделанное здесь же замечание о том, что руководящую роль в процессе освоения новых территорий он отдает государству [16, с. 23].

Однако следует уточнить, что наблюдения Г. И. Перетятковича о ходе освоения Поволжья русскими переселенцами относятся к области экономической географии. Основное содержание процесса колонизации он видит в расширении зоны земледелия и внедрении характерных для земледельческих народов форм хозяйствования. Г. И. Перетяткович пишет о «смелости русского человека при заселении пустынной страны, подвергавшейся беспрестанным нападениям кочевников, способности его найтись при новых и незнакомых ему условиях жизни, ... о неуклонном преследовании им своих хозяйственных интересов...» [16, с. I–II]

Что касается сущности процесса, то Г. И. Перетяткович выявляет не конфессиональный, а цивилизационный его аспект: «Интерес, представляемый русским правительством в Поволжской окраине, был преимущественно общечеловечески-культурный, ибо он, главным образом, выражался в труде и в защите его плодов от хищни-

чества кочевых обитателей степи...» [16, с. 189]. Таким образом, Г. И. Перетяткович опирался на трактовку взаимоотношений России и кочевых народов, определенную в трудах С. М. Соловьева. По справедливому замечанию А. Н. Шаханова, великий историк довел до полного противопоставления характер отношений России с кочевниками [17, с. 37].

В монографии Г. И. Перетятковича, посвященной периоду XVII – начала XVIII в., содержится материал о возникновении в 90-е гг. XVII в. и в первое десятилетие XVIII в. нескольких сельских поселений на территориях, которые позднее принадлежали Саратовской губернии. Приток переселенцев в Саратовское Поволжье начался уже в 80-е гг. XVIII в. В монографии Г. И. Перетятковича зафиксировано только начало процесса заселения края.

В поисках материала для своего труда Г. И. Перетяткович побывал в Саратове. В тексте он упоминает, что был здесь в июле 1876 г. и хотел ознакомиться с «Очерком истории Саратовского края» Н. И. Костомарова, опубликованным в Памятной книжке Саратовской губернии на 1858 г. Это значит, что Г. И. Перетятковичу было известно, что в названном сочинении Н. И. Костомарова освещался, наряду с другими проблемами, и вопрос о заселении Нижнего Поволжья [18]. Однако Памятную книжку, пишет он, «мы не могли отыскать... даже в библиотеке Саратовского статистического комитета, издавшего ее» [16, с. 204].

Вопрос о заселении освещался также в «Историческом очерке Саратовского края» А. Ф. Леопольдова, который увидел свет на 10 лет раньше, чем труд Н. И. Костомарова [19]. Вероятно, Г. И. Перетяткович имел возможность ознакомиться с очерком А. Ф. Леопольдова при подготовке своих монографий, поскольку этот очерк был издан в Москве, а не в Саратове. Леопольдов представляет увеличение населения региона в качестве итога внутренней политики государства. Создание Саратовской губернии, по его мнению, «имело самое благотворное влияние на здешний край: усилило его народонаселение, обезопасило города и села от своеволия, оживило земледелие, торговлю и промышленность» [19, с. 131]. Он рассмотрел подробно только один из аспектов прироста населения, осветив историю создания на территории Саратовского Поволжья колоний иностранных поселенцев. А. Ф. Леопольдов весьма положительно оценивает результаты этого направления государственной политики: «Русское правительство заботилось о здешних переселенцах и довело их до желаемого благосостояния» [19, с. 91].

В «Очерке истории Саратовского края» Н. И. Костомарова нашли отражение взгляды автора на первенствующую роль русского народа в заселении и освоении территории Нижнего Поволжья. В контексте «распространения русской

национальности» и укрепления власти Русского государства на новых территориях он обращает особое внимание на роль казачества в истории региона. Таким образом, его взгляд отличается от позиции А. Ф. Леопольдова. Н. И. Костомаров акцентирует внимание на активности народных масс в освоении новых регионов, а казаки были самой мобильной группой. Н. И. Костомаров отмечает и негативные стороны их активности: «Служа оплотом России и орудием расширения и распространения русской национальности, казаки в то же время были важнейшим препятствием к водворению гражданственности на юге России» [18, с. 4]. Следует заметить, что позднее М. К. Любавский счел необходимым подчеркнуть значение казачества в развитии «земледельческого хозяйства» на Дону, на Урале и на Нижней Волге. Он писал о «казацкой колонизации» [20, с. 209–218].

Н. И. Костомаров, судя по всему, к русским относит и украинское население. Он обращает пристальное внимание на законодательные акты, на основании которых определяется роль украинского компонента в процессе заселения территории Саратовской губернии. Однако Н. И. Костомаров не поднимал вопрос об изменении социального статуса украинцев, значительная часть которых в Саратовской губернии превращалась из государственных крестьян в крепостных. Костомаров так же, как Леопольдов, рассматривал историю создания колоний иностранных поселенцев, особенности правового положения колонистов и развития их хозяйства. Он пришел к выводу, противоположному выводу Леопольдова: «...Поселение колонистов не могло приносить тех выгод, каких ожидали некогда» [18, с. 51].

В первых обобщающих трудах по истории Саратовского края не освещены подробности процесса переселения крестьян из России и Украины, нет указаний на их социальный состав, отсутствуют сведения об основании сел и деревень. Отчасти это объясняется состоянием источниковой базы. Леопольдов и Костомаров в своей работе располагали документами местных учреждений и публикациями законодательных актов. Костомаров изучал материалы, которые касаются поселения украинских казаков в пограничных крепостях и организации доставки соли с озера Эльтон силами украинских «солевозцев». Приток на территорию Саратовского Поволжья русских и украинских казаков, крестьян, однодворцев и других категорий поселенцев можно было проследить по другим видам источников. Сведения об этом, как писал саратовский статистик С. А. Харизоменов, можно было получить из жалованных грамот, владенных выписей, купчих крепостей, копий с решений Сената. Такие документы хранились в семейных и родовых архивах. Нужно было учитывать также, что на саратовские земли приходили «самовольные

засельники», появление которых не фиксировалось в документах [21, с. 264].

Историки, работавшие в Саратовской губернии, понимали значение вопроса о распространении крестьянского населения и земледельческого хозяйства для своего региона. Однако в качестве самостоятельной проблемы он был выделен в работах местных авторов не в 40–50-е гг. XIX в., а позднее, когда они ознакомились с исследованиями Г. И. Перетятковича.

А. Ф. Леопольдов и Н. И. Костомаров были членами саратовского губернского статистического комитета, существовавшего с 1834 г. и являвшегося первой местной общественной организацией, в деятельности которой со второй половины 30-х гг. отмечаются изыскания по местной истории. Позднее, в 50-е гг., результаты этих изысканий становятся заметным явлением в культурной жизни губернии [22]. Пребывание в Саратове Г. И. Перетятковича в 1876 г. и его встреча с сотрудниками губернского статистического комитета не прошли бесследно для местных статистиков. Члены комитета, которые занимались собиранием материалов по истории своей губернии, стали уделять больше внимания выяснению подробностей об основании сельских поселений и расширении земледельческих угодий.

Сведения о возникновении сел и деревень в результате переселения крестьян встречаются в некоторых публикациях «Саратовского сборника», изданного саратовским статистическим комитетом в 1881 г. Такие данные были включены А. Н. Минхом в статистические описания «Коленская волость» [23] и «Саратовский уезд» [24]. В описании с. Голицыно, составленном священником Г. Надеждинским, приведены сведения о ранней истории этого поселения, основанные на устных преданиях [25]. В сборнике опубликованы также два документа о предоставлении поместных земель. Это выписи из отказных книг, одна из которых относится к территории будущей Саратовской губернии и датирована примерно концом XVII в. [26]. Вторая выпись имеет точную дату – 1702 г. и фиксирует пожалования в будущей Симбирской губернии [27].

Издание в 1877 г. первой монографии Г. И. Перетятковича о колонизации Поволжья в XV и XVI вв. способствовало усвоению саратовскими историками нового подхода к изучению социально-экономического развития региона. Однако особенности распространения земель на территории Саратовской губернии стали актуальной проблемой для регионоведов не только в результате ознакомления с достижениями отечественной исторической науки. К изучению процесса заселения Саратовского края им необходимо было обратиться для определения истоков сложной социальной ситуации, которая здесь обозначилась к середине XIX в. В этот период в Саратовском Поволжье

(как и во многих других регионах России) местные землевладельцы столкнулись с кризисными явлениями, причиной которых считалось малоземелье крестьянских хозяйств. На первый взгляд, малоземелье явилось следствием быстрого прироста крестьянского населения, происходившего здесь с конца XVIII в. В процессе подготовки и проведения крестьянской реформы представители дворянства, проявлявшие серьезный интерес к перспективам развития экономики Саратовской губернии, отметили обострение социальных противоречий и падение доходности помещичьего хозяйства. Очевидно, это послужило дополнительной причиной для обращения местных регионоведов к изучению процесса крестьянской колонизации в регионе. Рассмотрению данной проблемы способствовали возможности использования новых источников.

Доступ к документам архивов землевладельцев о пожалованиях им земли и крестьян, об основании сел и деревень получили мировые посредники при составлении уставных грамот в ходе осуществления крестьянской реформы. Это дало возможность ввести в научный оборот корпус источников, которые освещали условия и результаты переселения крестьян в Саратовский край. Один из самых известных саратовских регионоведов второй половины XIX – начала XX в. А. Н. Минх был мировым посредником Аткарского уезда Саратовской губернии с 1861 г. В 1869 г. он был избран участковым мировым судьей в Аткарском судебном округе [28, с. 267]. Выполняя эти обязанности, А. Н. Минх мог знакомиться с документацией о земельных пожалованиях, переходе имений из рук в руки, об изменениях в статусе владений, о социальном положении различных категорий крестьян. Кроме того, в ходе своей служебной деятельности он собирал сведения об основании сел и деревень путем «опроса старожилов». Эти сведения, по замечанию А. Н. Минха, «хотя и не давали совершенно точных данных, но, тем не менее, обусловят все-таки довольно верно время поселения деревни» [29, л. 86 об.].

Первой попыткой целенаправленного поиска и обобщения собранных материалов была его монография «Материалы для истории оседлого заселения Саратовского края» [29], которая заслуживает особого внимания, поскольку является первым трудом такого содержания в местной историографии. Текст его сохранился в рукописном варианте. Он был передан автором в Саратовскую ученую архивную комиссию в составе конволюта под названием «Саратовский край в 18 и 19 столетиях» [29, л. 1]. Часть текста монографии была опубликована в 1885 г. в «Саратовских губернских ведомостях». Об этом свидетельствует помета автора [29, л. 102 об.]. В настоящее время в Саратове нет ни одного номера «Губернских ведомостей» за этот год. О содержании данной работы А. Н. Минха можно

судить только по рукописи. В трудах регионоведов нет упоминаний об этой монографии и ссылки на нее также не встречаются. Отсутствие отдельной публикации «Материалов для истории оседлого заселения Саратовского края» и утрата номеров газеты, в которых она была помещена, объясняют, почему данная публикация выпала из поля зрения регионоведов.

Следует иметь в виду, что опубликованный текст указанной монографии не являлся ее окончательным вариантом. А. Н. Минх продолжал работу над ней и в дальнейшем. В рукописи вслед за отметкой о публикации начинается текст, озаглавленный «Материалы для истории оседлого заселения Саратовского края (Продолжение)» [29, л. 105 об.]. Далее идет раздел работы под заголовком «Дополнения к истории и заселению Саратовского края» [29, л. 114 об.]. Ввиду того, что окончательного варианта текста этой монографии А. Н. Минха не имеется, можно считать, что она осталась незавершенной.

Начало работы над данной рукописью, как видно по замечаниям автора, относится ко времени после 1882 г. [29, л. 103]. На обороте первого листа конволюта (он фактически является титульным листом) указаны авторы и названия некоторых исследований, использованных А. Н. Минхом. Среди них – «Перетятковича “Поволжье”». Это свидетельствует о том, какие методологические установки были приняты А. Н. Минхом для своего труда. Судя по всему, А. Н. Минх имел в виду обе монографии Г. И. Перетятковича. В Саратове были в наличии его монографии – они названы в «Алфавитном каталоге книг Саратовской ученой архивной комиссии», помещенном в Трудах СУАК в 1890 г. [30, с. 227].

Цель своей работы А. Н. Минх сформулировал следующим образом: «...Собрать возможно более приблизительно верного материала по истории заселения нашего края» [29, л. 103]. Он отдавал себе отчет в том, что в создании полной картины данного процесса необходимо участие многих историков. «...Труд этот не может быть осилён одним лицом», – писал А. Н. Минх [29, л. 112 об.]. Территориальные рамки его исследования ограничены в основном Аткарским и Саратовским уездами, имеются сведения по Сердобскому, Балашовскому и Петровскому уездам. Материалы о возникновении поселений в Царицынском и Камышинском уездах не включены в текст монографии А. Н. Минха. Позднее они вошли в состав его широко известного труда «Историко-географический словарь Саратовской губернии». Четыре выпуска словаря, опубликованные историком с 1898 по 1902 г., посвящены именно этим уездам.

В «Материалах для истории оседлого заселения» заметно влияние подхода Г. И. Перетятковича к изучению проблемы. Однако термин «колонизация» А. Н. Минх не использует. Возможно, это понятие в его представлениях но-

сило специфический характер и было связано с историей существования колоний иностранных поселенцев. В то же время основой для выяснения подробностей продвижения земледельцев в Саратовский край для А. Н. Минха, как видно по содержанию его труда, послужили взгляды Г. И. Перетятковича, который писал: «...Главным деятелем в культурной деятельности России в здешних, большей частью пустынных и покрытых лесом странах, является русский крестьянин и те инородцы, которые больше других имели охоты к земледельческому занятию – чуваш и мордва» [16, с. 114].

Так же, как и Г. И. Перетяткович, А. Н. Минх придает большое значение выяснению вопроса, из каких уездов, из каких регионов России приходили крестьяне и казаки в Саратовский край. Одесский историк с повышенным интересом относился к сведениям о сословной принадлежности земледельцев, о повинностях, которые они несли. А. Н. Минх, в свою очередь, собирая материал о возникновении сел и деревень, старался выяснить, каков был социальный статус поселенцев, их этнический состав, характер повинностей в пользу государства или землевладельцев. Кроме того, он освещал подробности, которые касались изменения социального положения крестьян, казаков и солевозчиков. По материалам, собранным А. Н. Минхом, видны основные пути закрепощения крестьян, пришедших в Саратовскую губернию.

Г. И. Перетяткович уделял значительное внимание сведениям о создании крепостей и оборонительных линий в Поволжье. Он считал, что подобные меры были направлены на защиту земледельческого населения от набегов кочевников. В работе А. Н. Минха также одним из предметов изучения является вопрос об укреплении рубежей России. Сведения, собранные им, относятся к XVIII в. и отражают реалии Саратовского края. Если в монографии Г. И. Перетятковича речь идет о городах-крепостях, то А. Н. Минх пишет об укрепленных поселениях иного характера. Они не являлись городами, но выполняли оборонительную функцию. А. Н. Минх отмечает: «...Передовая грань петровской Руси 1698–1718 гг. ясно очерталась поселением пахотных солдат, этих сторожей порубежной черты государства...» [29, л. 109 об.]. В примечаниях он уточняет: «Исходным пунктом этой сторожевой черты петровского времени надо принять селение Эткару (ныне г. Аткарск)... Эткаринская сторожевая слобода основана после сооружения Петровской крепости между 1699 и 1702 гг., в то же время построена сторожевая слобода Бурацкая на верховье р. Медведицы и таковая же на реке Сердобе». После основания города Петровска «велено было поставить отъезжие сторожевые слободы в пензенскую сторону по реке Сердобе, что было исполнено около 1702 г.». С 1698 г. «к юго-востоку от Петровской

крепости образуется целая сторожевая линия», «из сторожевых поселков» [29, л. 109 об.].

А. Н. Минх указывает и социальные категории поселенцев – помимо пахотных солдат, здесь были ясачные и черносошные крестьяне, бобыли, однодворцы [29, л. 105–105 об.]. Он называет села, которые первоначально являлись «сторожевыми поселками»: Казачье в Петровском уезде, Косолаповка (Яруга), Гремячка (Никольское) и Лох. Кроме письменных источников, историк изучал остатки оборонительных укреплений на местности [29, л. 105 об.].

В работе А. Н. Минха, в отличие от монографии Г. И. Перетятковича, не представлены сведения о земельных владениях монастырей. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что документы, в которых фиксировались пожалования монастырям, хранились в Московском архиве Министерства юстиции. В то же время некоторые материалы из этого архива были использованы А. Н. Минхом – он оперирует данными о сельских поселениях по итогам второй ревизии.

Саратовский историк в своей работе достаточно подробно освещает природные условия западной части Саратовского Поволжья. У Г. И. Перетятковича имеются сведения такого характера относительно Среднего Поволжья. Однако он ограничивается указаниями о плодородии почв, обширности лесных угодий и обеспеченности водными ресурсами территорий региона. А. Н. Минх уделяет большее внимание следующим вопросам: характеристике ландшафтов, животного мира, растительности изучаемых местностей Саратовского края. При этом он указывает на изменения, произошедшие здесь в результате хозяйственной деятельности переселенцев. Таким образом, экологический аспект процесса освоения территорий представлен в труде А. Н. Минха более полно, чем у Г. И. Перетятковича.

Состав источников, которыми пользовались оба автора, существенно отличается. Это связано, в первую очередь, с тем, что они изучали явления, происходившие в разные исторические периоды. Г. И. Перетяткович имел в своем распоряжении в основном делопроизводственную документацию московских приказов, как документы, хранившиеся в Московском архиве Министерства юстиции, так и публикации Археографической комиссии. Источники по XVIII–XIX вв., используемые А. Н. Минхом, отличаются большим разнообразием, что отражает появление в XVIII в. новых типов и видов источников, которых не было ранее. Историк изучал графические материалы – карты и планы, составленные в ходе Опекунского межевания и Генерального межевания, данные статистики. Круг его источников расширился также благодаря использованию устных свидетельств жителей сел и деревень, о чем уже говорилось.

Монография А. Н. Минха «Материалы для истории оседлого заселения Саратовского края», которая была опубликована частично, а текст ее публикации фактически утрачен, открывает целую серию работ по данной тематике. Они вышли в свет в Трудах Саратовской ученой архивной комиссии в 1888–1902 гг. Авторами статей были С. А. Харизоменов, А. А. Голомбиевский, В. И. и Г. И. Холмогоровы, а также основоположник этого направления в местной историографии А. Н. Минх.

В монографии «Материалы для истории оседлого заселения» были определены подходы, лежавшие в основе изучения проблемы ее автором, а также его последователями. Собираение и изучение сведений по данной тематике продолжали оставаться актуальными в научной деятельности А. Н. Минха. В Трудах были помещены его статьи, в которых частично использованы материалы из названной монографии, а также найденные им новые данные. Поиски и изучение источников о колонизации Саратовского Поволжья осуществляли и другие члены СУАК, чьи статьи содержат богатый фактический материал.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что саратовские историки, начиная с А. Н. Минха, не стремились подчеркивать определяющую роль правительства в процессе заселения Саратовского Поволжья. Значительное внимание они уделяли фактам, которые свидетельствуют об активности крестьянства, и рассматривали хозяйственную деятельность крестьянского населения как важнейший аспект этого процесса. Однако в современной историографии встречается характеристика истории заселения, акцентирующая значение государственной политики. Так, в статье А. А. Дружкина, посвященной социально-экономической ситуации в уездах Прихоперья в конце XVIII – начале XIX в., автор, отмечая экономический рост в городах субрегиона, пишет: «Этому способствовала продолжавшаяся государственная колонизация края» [31, с. 260].

В «Очерках истории Поволжья и Приуралья в имперский период» при рассмотрении правительственной политики по колонизации региона в первой половине XIX в. (гл. II) отмечается отсутствие материалов для выявления соотношения правительственной и вольной колонизаций [6, с. 86]. Данный вопрос применительно к территории Саратовского края может быть рассмотрен при использовании рукописи монографии А. Н. Минха «Материалы для истории оседлого заселения Саратовского края» и статей сотрудников СУАК, опубликованных в Трудах комиссии, в которых было продолжено изучение этой тематики.

Статьи сотрудников СУАК содержат большой комплекс материалов, отражающих процесс формирования земледельческого населения Саратовского Поволжья в XVIII–XIX вв. В на-

стоящее время они используются в основном в справочных целях для датирования времени возникновения тех или иных сельских поселений. Авторы публикаций в Трудах СУАК демонстрируют умение оценить информационный потенциал различных типов и видов источников. Содержание их статей, а также рукописной монографии А. Н. Минха «Материалы для истории оседлого заселения Саратовского края» свидетельствуют о том, что в местной историографии в последние десятилетия XIX в. было четко обозначено направление по изучению процессов колонизации в России, разработкой которого занимались историки в отечественных университетах.

Список литературы

1. Кушева Е. Н. Саратов в третьей четверти XVIII в. Саратов : Б. и., 1928. 58 с.
2. Осипов В. А. Саратовский край в XVIII веке : пособие для студентов исторического факультета. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1985. 88 с.
3. Муравлев А. П. Начальная история поселения Муравлевка // Саратовское Поволжье в панораме веков: история, традиции, проблемы : материалы IX межрегиональных научных краеведческих чтений. Саратов, 7–8 апреля 2000 г. / ред. : Н. Н. Беднякова, В. Н. Данилов, Е. К. Максимов, И. Б. Миловидова, А. И. Миронова. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2000. С. 167–173.
4. Ермолаев И. П., Шамов Г. Ф. Изучение отечественной истории в Казанском университете // Очерки истории Поволжья и Приуралья : сборник статей / отв. ред. А. Л. Литвин. Казань : Издательство Казанского университета, 1969. Вып. 2–3. С. 15–43.
5. Ермолаев И. П., Литвин А. Л. Профессор Николай Николаевич Фирсов: Очерк жизни и деятельности. Казань : Издательство Казанского университета, 1976. 100 с.
6. Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период / под ред. В. Н. Данилова и П. С. Кабытова. Саратов : ИЦ «Наука», 2010. 356 с.
7. Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Сочинения : в 18 т. Кн. 1, т. 1–2. М. : Мысль, 1988. 727 [1] с.
8. Эткнд А. Внутренняя колонизация: Имперский опыт России. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 448 с.
9. Любомиров П. Г. Заселение Астраханского края в XVIII в // Очерки истории Нижнего Поволжья : сборник статей / сост. А. Л. Клейтман, И. О. Тюменцев. Волгоград : Сфера, 2022. С. 98–119.
10. Булычев М. В. Крестьянская колонизация Саратовского края в конце XVIII – первой половине XIX века и ее последствия : учебное пособие для студентов исторического факультета. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2004. 80 с.
11. Дубман Э. Л. Некоторые источниковедческие проблемы изучения монастырского освоения Южного Средневолжья во второй половине XVII века. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 142–148. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-142-148>
12. Рабинович Я. Н. К вопросу о переносе Саратова на правый берег Волги в 1674 году // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История, Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 237–244. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-237-244>
13. Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М. : Наука, 1974. 638 с.
14. Зимин А. А. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского в 60-е годы XIX века // Исторические записки. М. : Издательство АН СССР, 1961. Т. 69. С. 178–196.
15. Ключевский В. О. Курс русской истории // Сочинения : в 9 т. Т. 1, ч. 1. М. : Мысль, 1987. 430, [1] с.
16. [Перетяткович Г. И.]. Поволжье в XVII и начале XVIII века. (Очерки из истории колонизации края). Исследование Г. Перетятковича. Одесса : Тип. П. А. Зеленаго, 1882. 399 с.+3 с+2 с.
17. Шаханов А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М. : Наука, 2003. 419 с.
18. Костомаров Н. И. Очерк истории Саратовского края от присоединения его к Российской державе до вступления на престол императора Николая I // Памятная книжка Саратовской губернии на 1858 год. Саратов, 1858. Отд. 3. С. 1–55.
19. [Леопольдов А. Ф.]. Исторический очерк Саратовского края. Соч. Андрея Леопольдова М. : В типографии С. Селивановского, 1848. 195 с.
20. Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб. : Лань, 2000. 304 с.
21. Харизоменов С. А. Материалы по истории заселения Саратовской губернии // Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1, вып. 3. С. 264–277.
22. Майорова А. С. История Нижнего Поволжья в трудах саратовских историков с середины XVIII до 80-х гг. XIX в. // Отечественная история. 2007. № 3. С. 97–107.
23. Минх А. Н. Коленская волость // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Издание Саратовского Статистического Комитета. Саратов : Типография Губернского правления, 1881. Т. 1. 344+207 с. Отдел первый. С. 65–176.
24. Минх А. Н. Саратовский уезд // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии : в 2 т. Т. 2. Саратов, 1882. С. 203–327.
25. Надеждинский Г. Село Голицыно // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии : в 2 т. Т. 1. Саратов, 1881. Отдел первый. С. 249–284.
26. Старинный документ // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов, 1881. Т. 1. Отдел второй. С. 56–58.
27. Еще старинный документ // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов, 1881. Т. 1. Отдел второй. С. 59–65.

28. Майорова А. С. Изучение А. Н. Минхом истории заселения Саратовского Поволжья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 264–269. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-264-269>
29. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 407 Саратовская губернская ученая архивная комиссия. Оп. 2. Д. 776.
30. Алфавитный каталог книг Саратовской ученой архивной комиссии // Труды СУАК. Саратов, 1889. Т. 2, вып. 1. С. 203–244.
31. Дружкин А. А. Основные тенденции социально-экономического развития новообразованных уездов Прихоперья в конце XVIII – первой трети XIX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 256–263. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-256-263>

Поступила в редакцию 09.03.2023; одобрена после рецензирования 20.05.2023; принята к публикации 30.06.2023
The article was submitted 09.03.2023; approved after reviewing 20.05.2023; accepted for publication 30.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 528–537

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 528–537

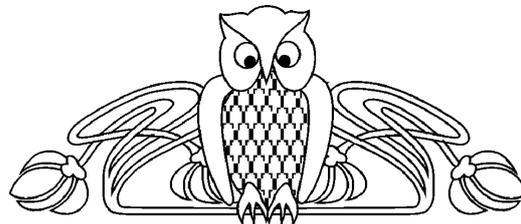
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-528-537>, EDN: YZGNTI

Научная статья

УДК [364-787.24:342.25](470.44)|18/19|

Формы благотворительной деятельности Саратовского земства: социальная защита детства (1870–1910-е годы)

Е. Н. Морозова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Морозова Елена Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, morozovaen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3436-151X>, AuthorID: 723910

Аннотация. В статье представлена характеристика одного из важных и наименее исследованных направлений социальной политики органов земского самоуправления – благотворительной деятельности на примере Саратовской губернии. Основное внимание уделяется формам защиты детства, процессу создания в губернии системы земской помощи детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей. Важное место отводится истории создания Земского сиротского приюта и других институтов социального попечения подкидышей.

Ключевые слова: благотворительность, социальная политика, земство, дети, подкидыши, незаконнорожденные, Земский сиротский приют, «Ясли», патронат

Для цитирования: Морозова Е. Н. Формы благотворительной деятельности Саратовского земства: социальная защита детства (1870–1910-е годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 528–537. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-528-537>, EDN: YZGNTI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Forms of charitable activities of the Saratov Zemstvo: Social protection of childhood (1870–1910s)

E. N. Morozova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena N. Morozova, morozovaen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3436-151X>, AuthorID: 723910

Abstract. The article presents a case study of one of the important and least researched areas of self-government bodies' social policy – charitable activities of the Zemstvo in Saratov province. The main attention is paid to the forms of childhood protection and the process of building up a system of Zemstvo's assistance to orphans and children left without parental care. The paper places a significant focus on the history of creation of the Zemstvo's orphanage and other institutions of social care for foundlings.

Keywords: charity, social policy, Zemstvo, children, foundlings, illegitimate children, Zemstvo's orphanage, "Nursery", patronage

For citation: Morozova E. N. Forms of charitable activities of the Saratov Zemstvo: Social protection of childhood (1870–1910s). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 528–537 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-528-537>, EDN: YZGNTI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Конституция РФ провозгласив Россию социальным государством, определила основные направления социальной помощи населению, где в ст. 39 (п. 3) говорится о поощрении дополнительных форм социального обеспечения и благотворительности. Кроме положений Конституции, законодательство о благотворительной деятельности основано на Гражданском кодек-

се и Федеральном законе от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». В редакции от 5 февраля 2018 г. он стал называться Федеральным законом № 15-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)». Последние изменения в этот Закон вносились 14 июля 2022 г. № 340-ФЗ [1].

Актуализация интереса к различным формам социальной помощи населению заставляет обратиться к опыту земской благотворительной деятельности, в том числе и помощи детям-сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей.

Социальным практикам органов земского самоуправления (здравоохранению, культурно-просветительской деятельности) посвящен значительный круг работ отечественных и зарубежных историков, однако земская благотворительность является нечастым сюжетом в публикациях как историков прошлого, так и современных авторов. Работа Е. Д. Максимова, посвященная земской благотворительности, по сути представляет собой источник с большим количеством фактографического материала по общественному призрению второй половины XIX в. [2]. Чаще всего эта проблематика являет собой составную часть обобщающих трудов по истории отечественной благотворительности [3] или исследований по региональным сюжетам в форме статей [4] и диссертаций [5]. Еще более редкий сюжет в «земствоведении» – вопросы социальной защиты детства как одного из приоритетных направлений благотворительной деятельности земства [6].

Российские земства отличались большим разнообразием социального состава, направлениями и интенсивностью своей работы. Поэтому очень важно исследовать деятельность локальных земств, выявить общность и различия в главных сферах бытия этого политического института, в частности, в помощи обездоленным детям.

С образованием Саратовского земства (1866 г.) в соответствии с Высочайше утвержденными правилами Приказ общественного призрения передал Саратовскому губернскому земству 210 тыс. руб. в облигациях Главного общества железных дорог, с которых земство могло пользоваться только процентами в размере 9450 руб. [7, с. 236.]. В 1900 г. данная сумма возросла всего до 11 тыс. руб. [8, с. 4], но этой мизерной суммы, естественно не хватало, и губернское земство ежегодно приплачивало на дела благотворительности из губернского сбора и других видов капитала (почтового, запасного, дорожного).

Одновременно с обязанностями Приказа общественного призрения Саратовскому земству были переданы две богадельни (Александровская, Устиновская), Александровская больница, психиатрическая лечебница. В отличие от некоторых других губерний в ведении Саратовского Приказа общественного призрения не было специализированного учреждения, которое бы занималось детьми, находившимися в тяжелой жизненной ситуации. Но именно эта сфера становится одной из важнейших в социальной помощи населению Саратовского земства.

Самое крупное учреждение социальной защиты детства – Земский сиротский дом (приют) – возник на основе детского приюта под названием «Ясли», созданного группой благотворителей в первой половине 1870-х гг. Интерес к данной детской благотворительной организации обусловлен тем, что именно в период субсидирования этого учреждения Саратовское земство апробирует свою систему призрения малолетних. Историю «Яслей» можно разделить на три этапа: 1874–1877; 1878–1882; 1883–1889. На первом этапе «Ясли» представляли собой специализированный детский приют, который в соответствии со своим уставом был предназначен для присмотра за малолетними детьми работающих женщин и являлся филиалом 2-го детского приюта имени М. Н. Галкина-Враского, саратовского губернатора, основавшего это учреждение [9, с. 274]. В. В. Назаров ошибочно полагает, что «Ясли» с 1877 г. перешли в ведение земства [10, с. 68], но этот год, действительно, стал знаковым как для приюта, так и для становления основной формы земской системы помощи обездоленным детям. В 1877 г. губернское земское собрание обратилось к руководству «Яслей» с предложением принять на воспитание 6 подкидышей, переданных полицией в Александровскую богадельню, где они призривались наряду с «сырыми и убогими» взрослыми. Считая, что детям нужен специализированный уход, в 1878 г. земские гласные пришли к выводу о том, что подкидышей лучше отправлять в приют не из богадельни, а сразу из полиции, что полезнее для их здоровья [9, с. 272].

С 1878 г. земство ассигновывает на нужды «Яслей» 2,9 тыс. руб. Эта сумма возросла до 4 тыс. в 1882 г., а в конце 1880-х гг. составила 5 тыс. руб. [9, с. 272–273]. За 10 лет земские субсидии приюту достигли 37 тыс. руб. Это сумма была одной из самых значительных, потраченных на социальные нужды Саратовским земством в 1880-х гг. Она представляла собой практически единственный источник существования этого детского учреждения [11, с. 63]. В качестве примера можно привести доходную смету «Яслей» на 1888 г.: общий доход составлял 5790 руб. Из них от губернского земства поступило 5 тыс. руб., а остальные средства – 790 руб. – это небольшие частные пожертвования, включая 557 руб. дохода от гуляний на бульваре, организованных женой губернатора А. В. Косича [9, с. 273].

В 1882 г. общество, создавшее «Ясли», разорилось, что поставило под угрозу само существование детского приюта. Причины развала общества администрация и земство объясняли по-разному: первая утверждала, что эта ситуация произошла вследствие отъезда членов-учредителей из Саратова; а, по мнению земских гласных, они просто «охладели к своей деятельности» [9, с. 64, 272]. Приют оказался на грани

краха, но в дело вмешалось Губернское попечительство о сиротских приютах, в ведение которого и перешли «Ясли». В конце 1880-х гг. в состав попечительства входили губернатор А. И. Косич, вице-губернатор А. А. Высоцкий, и. д. городского головы И. Я. Славин, председатель губернской земской управы В. В. Безобразов, член губернской земской управы, заведующий богоугодными заведениями П. П. Алексеев, губернский предводитель дворянства Л. Л. Голицын [9, с. 274].

Между тем и после перехода «Яслей» под эгиду Губернского попечительства земство продолжало субсидировать это детское учреждение. Однако в 1889 г. обозначился конфликт между Губернским попечительством о сиротских приютах и Саратовским губернским земством. Попечительство считало, что, во-первых, с ростом числа опекаемых детей земских средств явно недостаточно: сумма, предназначенная для одного питомца, сократилась почти в 2 раза: (с 7 до 3,8 руб.). Недостаток финансов привел к возникновению дефицита, и общая сумма расходов на приют составила 8,2 тыс. руб. (гораздо больше того, что давало губернское земство). Попечительство потребовало увеличить содержание каждого ребенка до 5 руб. 84 коп. и возместить возникший дефицит [9, с. 147].

Во-вторых, по мнению Попечительства, был нарушен главный принцип устава «Яслей»: из приюта, предназначенного для присмотра за малолетними детьми работающих матерей, он постепенно превратился в приют для подкидышей. Следовательно, «Ясли» приняли на себя повинности, возложенные законом о переходе обязанностей от Приказа общественного призрения к земству [9, с. 147, 272–273]. Таким образом, Попечительство недвусмысленно намекало на то, что с изменением статуса «Яслей» они должны перейти в ведение органов земского самоуправления.

В свою очередь, земские гласные предъявили свои претензии губернскому Попечительству о бесконтрольном расходовании земских средств. Они упрекали ведомство в нарушении договоренностей: в 1887 г. главным условием выдачи земского пособия «Яслям» стало введение в попечительский совет члена губернской управы и предоставление ежегодных отчетов. Но в течение двух лет «представитель губернской управы не приглашался на заседания и деньги выдавались безотчетно» [9, с. 147].

В 1889 г. группа гласных (С. А. Панчулидзе, Н. С. Ермолаев, Э. Есеев, Е. Н. Буковский) предложила взять дело благотворительной помощи обездоленным детям в руки земства, что было бы «удобнее и целесообразнее». Земство будет иметь возможность основать систему призрения подкидышей на основе принципа децентрализации [9, с. 147, 149]. Нужно сказать, что эта идея была не нова. Впервые она прозвучала на земском собрании 1884 г., где

земцы предлагали создать систему призрения сирот, «которая не должна зависеть от случайностей» [12, с. 64–65].

Конфликт разрешился к обоюдному удовлетворению: обе стороны пришли к единому мнению о передаче «Яслей» в ведение земства. Саратовское губернское земское собрание 1889 г. приняло резолюцию: устроить Земский сиротский дом и принять с 1890 г. «в свое непосредственное заведывание дело призрения подкидышей» [9, с. 150]. Это событие знаменовало окончание первого этапа развития земской благотворительности в сфере социальной помощи детям. На этом этапе (вторая половина 1860-х – 1890 гг.) благотворительная деятельность Саратовского земства находилась в стадии становления, в том числе и в сфере социальной защиты детства. Оно субсидировало не только «Ясли». Денежные средства получали Учебно-исправительный приют, Приют для малолетних преступников, Саратовское реальное училище, женская Мариинская гимназия, мужская классическая гимназия. Одной из форм помощи «недостаточным» ученикам средних учебных заведений стало назначение стипендий. Несколько стипендий было предназначено для неимущих студентов вузов, детей земских служащих, обучавшихся в Петербургском, Московском, Казанском университетах. Стипендиальные расходы в 1867–1890 гг. составляли незначительную ежегодную сумму от 3 до 5 тыс. руб. [11, с. 76, 172].

Б. Б. Веселовский негативно оценивал благотворительность органов земского самоуправления, считая, что земства на эту сторону деятельности обращали «мало внимания», и все мероприятия «носили случайный характер» [13, с. 443–444]. Безусловно, эта характеристика может относиться к первому этапу деятельности земства в данной сфере.

С 1890 г. начинается второй этап развития благотворительных практик земства. Этот процесс шел в рамках усложнения всех социально-экономических и социокультурных направлений земской деятельности. Изменения касались не только количественных, но и качественных ее сторон, что можно проследить на примере социальной защиты детства. Главным ее объектом в Саратовской губернии становится Земский сиротский дом. Первоначально он располагался на Митрофаньевской площади в доме Свиридова, позже приют разместился в Александровской богадельне (на Большой Сергиевской в здании земской больницы) [14, с. 24, 124].

По свидетельству Б. Б. Веселовского, Саратовский земский сиротский дом к началу XX в. стал одним из крупнейших среди земских приютов России [13, с. 441–442].

Точное количество детей, призываемых в приюте, установить сложно, ибо шел постоянный процесс ротации детей: передача их из детского дома в патронатные семьи или

на усыновление. Б. Б. Веселовский, ссылаясь на саратовского земского врача В. Д. Ченькаева, говорит о ежедневном присутствии в нем 560 приемышей [13, с. 442]. В. В. Назаров считает, что в Сиротском приюте «числилось 2117 детей» [10, с. 71]. Безусловно, такое количество малышей старое здание Александровской богадельни вместить не могло. По всей видимости, в это число были включены дети, воспитывающиеся в патронатных семьях и семьях усыновителей. Заведующий приютом врач Борис Павлович Бруханский утверждал, что в помещении бывает не более 100 чел. Но, как очевидно из контекста документа, речь шла только о «грудном» отделении [15, с. 27].

В связи с постоянным увеличением количества детей в Сиротском доме, различавшихся по возрасту, в приюте было создано два отделения: «грудное» и «хлебное». Катастрофическое положение с наплывом брошенных детей отмечалось в годы Первой мировой войны. Только число грудных детей за год возросло более, чем на треть (с 68 до 108 чел.) [16, с. 21]. Сиротский дом был переполнен. «Грудное» и «хлебное» отделения занимали верхний этаж, ниже находились служащие, а на первом этаже располагалась земская богадельня. Ее в 1914 г. земству пришлось практически ликвидировать для того, чтобы расширить приют. Гласные предполагали увеличить «грудное» отделение, а «хлебное» перевести в помещение богадельни. Судьба богадельцев решалась таким образом: десяти человекам отказали, 16 поместили в Устиновскую богадельню, и шестерым – выдали пособия и отправили на попечение сельских обществ. Земские гласные прекрасно понимали, что в этой ситуации выход был только один: строительство нового здания Сиротского дома и, несмотря на тяжелейшее военное время, медицинская комиссия во главе с А. П. Минхом ходатайствовала о постройке нового здания земского приюта за городом. Правда, планировали его строительство через 4–5 лет [16, с. 20, 77].

К 1910 г. в Сиротском доме, с точки зрения содержания и управления приютом, произошли радикальные изменения. Его обслуживали более 20 чел. во главе с заведующим приютом доктором Б. П. Бруханским, который искренне заботился о своих питомцах. Врач получал жалованье несколько меньше, чем уездные земские врачи (1280 руб.), но при этом земство оплачивало квартиру, отопление, освещение. Эти же привилегии имели помощник врача, надзирательница, 7 фельдшерниц, учительница-воспитательница. Кроме них, в число обслуживающего персонала входили кастелянша, 33 кормилицы, 5 нянь и 2 их помощницы, кухарка, посудница, 2 коридорных, дворник, служитель, швея [17, с. 55–57].

Земский сиротский дом поглощал львиную долю субсидий на благотворительные

цели. В 1897 г. земство ассигновало на приют 18 тыс. [18, с. 38], в 1906 г. – 33,7 тыс.; в 1907 г. – 40,5 тыс. руб. [19, с. 72], в 1908 г. – 54,1 тыс. [20, с. 358], в 1911 г. – 60 тыс. руб. [15, с. 32]. Расходы земства на Сиротский дом постоянно росли и в 1913 г. составили 70 тыс. руб. [10, с. 71], т. е. за полтора десятилетия финансирование приюта увеличилось почти в 4 раза.

Для того чтобы создать систему защиты детей на современной научной основе, заведующий Сиротским детским домом был отправлен земством в командировку за границу, где он познакомился с достижениями европейских стран в сфере призрения малолетних. После знакомства с формами защиты детства во Франции он еще больше уверился в необходимости широкого развития института патроната, который позволил снизить смертность детей в парижских детских домах до 20–25% [15, с. 35].

Система детского призрения, разработанная Саратовским земством (так же, как и в других земских приютах), строилась на принципах децентрализации, в основе которой лежали институты патроната и усыновления. Ее цель заключалась в том, чтобы в самом Сиротском приюте содержалось минимальное количество детей, где они бы получили медицинскую помощь, смогли бы адаптироваться к новым условиям, а затем – передавались в приемные семьи.

К 1911 г. полностью сложилась система патроната в Саратовском земстве. Как и в других земствах России, она представляла собой возмездную форму призрения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Детей из Земского сиротского приюта передавали в крестьянские семьи (аналог современной патронатной семьи) [21, с. 30].

В Саратовской губернии существовала система участкового патроната. Сама схема передачи детей в патронатные семьи выглядела следующим образом: при Земском сиротском приюте была введена должность губернской разъездной фельдшерницы, которая осматривала кормилиц и ее родных детей. Она передавала свое заключение о здоровье будущей патронатной семьи в губернскую земскую управу, которая принимала решение о передаче детей в семьи [15, с. 26]. Только после этого дети переходили под надзор патронажных фельдшерниц. Первоначально детей отдавали только в села, находившиеся вблизи от столицы губернии. Это было вполне объяснимо: на трех разъездных фельдшерниц ложилась огромная нагрузка. В частности, в патронатных семьях в 1911 г. находились 700 детей: до года – 163; от 1–2 лет – 151; от 2–3 лет – 136; от 3–5 лет – 199; от 5–7 лет – 52; от 7 лет – всего 4 чел. В патронатные семьи были приняты 18 детей, страдающих различными хроническими заболеваниями. Следует заметить, что существовала регрессивная шкала оплаты труда кормилиц: чем

старше был ребенок, тем меньше денег получала патронатная семья. Женщинам, кормившим детей до года, выплачивали по 48,8 руб.; семьям, в которых призрелись дети старше 7 лет, платили в 4 раза меньше – по 12 руб. [15, с. 30]. Содержание патронатных семей представляло собой самую значительную сумму (1/3) из ассигнований на Сиротский приют [15, с. 31, 34].

К 1911 г. происходят изменения в системе патроната. Увеличились ассигнования на жалованье разъездным фельдшерицам: с 360 до 540 руб., сумма на разъезды по патронажным участкам составляла 182 руб.; Губернская разъездная фельдшерица получала 600 руб. Ей полагалось еще 250 руб. на разъезды и по 50 коп. (100 руб.) суточных. Появилась специальная статья в расходах по Сиротскому дому: на вознаграждение среднего медицинского персонала [15, с. 26].

Однако главное изменение в системе патроната состояло в том, что земские гласные приняли решение о продолжении процесса децентрализации и распространении патроната на отдаленные уезды. Неизбежность этого процесса объяснил Б. П. Бруханский: «вредная скученность» детей, определение их в 10–15 ближайших сел приводило к росту смертности не только приемышей, но и родных детей местных жителей [19, с. 72]. К этому мнению присоединилось и большинство губернских гласных. Они были уверены в том, что смертность детей в патронатных семьях ниже, чем в приюте. В журнале заседаний губернского собрания за 1911 г. приводились вопиющие данные дальнего привоза детей в Сиротский дом: из 8 детей, привезенных из Сердобского уезда, умерли 7; из 30 человек, поступивших из Петровского уезда, умерли 20. Расширение патроната по уездам, по их мнению, представляло собой «спасение человека», «единственная и наилучшая мера для сохранения жизни детей» [15, с. 35].

Губернское земство обратилось к уездным управам о распространении патроната на всю территорию Саратовской губернии, но согласие дали лишь 3 уездных земства (Царицынское, Вольское, Кузнецкое), а земские управы Сердобского, Аткарского, Петровского уездов отказались от устройства патроната на своих территориях. Главное препятствие состояло в отсутствии надлежащего надзора, ибо патронажные фельдшерицы не могли присматривать за приемышами в силу удаленности этих уездов от Саратова. Тогда земство обратилось за помощью к земским врачам, и Санитарный совет принял единогласное решение об установлении врачебного наблюдения за детьми в патронатных семьях [15, с. 36].

Такое пристальное внимание к институтам патроната и усыновления для земцев коренилось как в материальной, так и в гуманной стороне дела. С одной стороны, эти формы призрения позволяли сократить земские расходы на содержание

детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Но была и другая сторона вопроса – морально-нравственная, которая заботила земских гласных: они хотели по возможности избежать материнской депривации [22, с. 141] и сократить младенческую смертность. А. П. Минх предлагал устроить в Сиротском доме своего рода «антикризисный центр» для женщин, которые хотели отказаться от своих детей. Он считал, что нужно оставлять женщин на два месяца со своими младенцами в надежде на то, что в них проснутся материнские чувства, и они не станут умножать число несчастных подкидышей. А. П. Минх подчеркнул, что об эффективности такого подхода свидетельствует опыт Западной Европы [19, с. 74]. Практика показала справедливость такого подхода: Б. П. Бруханский отмечал, что матери, кормившие своих младенцев в приюте, часто их забирают домой, ибо «только крайняя нужда заставляет матерей расставаться с детьми» [15, с. 32].

Безусловно, земские гласные были сторонниками передачи детей не только в целях удешевления содержания воспитанников, но и в целях получения усыновленными гражданских прав, которых были лишены подкидыши. Нельзя забывать, что в России существовало крайне негативное отношение к незаконнорожденным детям и их матерям, которые становились изгоями, маргиналами. Вспомним монолог знаменитого литературного «подкидыша» Г. Незнамова «о горькой участи несчастных сирот», которые со дня рождения «не знают другого ощущения, кроме боли»: «Умереть – это самое, что можно пожелать этому новому гостю в мире» [23, с. 880, 919].

Земская документация свидетельствует о том, что земские гласные пытались заботиться о своих подопечных как с точки зрения материальной, так и с точки зрения получения ими прав, которые имеют родные дети приемных родителей. Саратовское губернское земство еще в 1906 г. приняло решение обратиться в духовное ведомство с тем, чтобы в метриках воспитанников детского приюта не писали слово «подкидыш» [19, с. 72]. Оно стремилось сделать так, чтобы обездоленные дети стали полноправными гражданами. В журнале заседаний губернского земского собрания сохранились сведения о том, что крестьяне Петровского уезда отказывались брать приемышей: они не хотели наделять землей чужаков. Представители губернской управы возражали, замечая, что земство по возможности отправляет на патронат или усыновление детей, брошенных на территории уезда и наделяние этих детей землей даст им «возможность быть гражданами» [15, с. 36].

Губернское земство уже в 1905 г. поставило благородную, но абсолютно невыполнимую задачу: отдать на усыновление половину

детей [19, с. 111]. Для того чтобы материально обеспечить будущее усыновленных детей и заинтересовать усыновителей, были приняты специальные Правила о признании детей приюта, где параграф 19 был посвящен условиям усыновления детей. Собственно говоря, эти Правила подтвердили уже сложившуюся практику. На имя усыновленных мальчиков не старше 3-х лет делался вклад в банк в размере 25 руб. под проценты сроком почти на два десятилетия. Сумма, положенная на имя девочек, была в 2 раза больше: им полагались деньги на приданое. Эти средства с процентами можно было получить усыновленным по достижении совершеннолетия (21 год). Усыновленные имели право забрать эти средства в течение 1,5 лет. Вклад можно было получить и позже, но проценты в таком случае не нарастали. Однако эти правила не распространялись на детей, усыновленных зажиточными семьями, которые сами должны были обеспечивать будущее своего ребенка [15, с. 31].

Безусловно, встает вопрос об эффективности системы признания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, созданной Саратовским земством. Прежде всего, нужно отметить, что институты патроната и усыновления развивались с переменным успехом, в зависимости от социально-политической обстановки в стране.

В 1906 г. земские гласные отмечали, что в 1905–1906 гг. «усыновление – колоссальное». Это можно объяснить тем, что эпоха Первой русской революции сопровождалась тяжелейшим аграрным кризисом, и 25 руб., которые получали усыновители, была значительной суммой для нищих крестьянских семей [19, с. 110–111]. Если в начале XX в. усыновляли 50–60 чел. в год, то в 1905 г. этот процесс шел очень быстрыми темпами: 190 детей получили приемных родителей [19, с. 72], а в 1914 г. ситуация заметно изменилась. В связи с началом Первой мировой войны число подкидышей намного выросло, и выступления земских гласных представляли собой вопль отчаяния: «Положение ужасное. Нам некуда скоро будет девать детей. Их не хотят брать» [16, с. 21]. Одновременно резко уменьшилось число усыновителей и патронатных семей. Прием детей в последние, по сравнению с предвоенным периодом, сократился почти в 5 раз: с 90 до 20 чел. [16, с. 19].

Причины подобного положения очевидны: во-первых, женщины в деревне оставались без кормильцев и принять лишний рот в семью – непомерная обуза; во-вторых, в связи с инфляцией те деньги, которые платили патронатным семьям и семьям усыновителей, были слишком незначительны; в-третьих, как отмечали земские гласные, «женщины во время войны получали паек и не нуждались в подобном заработке» [16, с. 21].

Проблема эффективности земской системы признания была тесно связана с вопросами детской смертности. Все исследователи указывают в качестве одной из главных ее причин способ попадания детей в сиротские приюты: тайное подбрасывание («тайный принос») и легальный способ («явный принос») [6, с. 21]. Первый и самый распространенный – оставление младенцев на улице («подзаборные» дети), которые направлялись первоначально в полицию и только потом – в приют; второй, более щадящий – «явный принос» матерями своих детей. Первый путь был абсолютно антигуманным: детей, брошенных на улице, с «обмороженными руками и спинами», «истекающих кровью» привозила полиция в приют [11, с. 63]. Этот способ привоза детей из уездов вызывал возмущение многих земских гласных: «Некоторых детей привозят стражник по 5–6 штук; кормят они детей из горшка с молоком: “Что это за мамка? Что это за нянька? Это позор, если со стражником посылаются по 5–6 детей”» [17, с. 58–59].

Часть гласных Саратовского земства, которые поддерживали предложение доктора Б. П. Бруханского, ратовали за легальный способ приноса матерями детей в приют. Подобные способы практиковали другие поволжские земства, в частности Нижегородское [6, с. 22]. Однако против этого предложения выступали некоторые земцы. Так, Бюджетная комиссия посчитала, что переход к этой системе приема подкидышей увеличит финансовые затраты земства [19, с. 72]. Однако точка зрения большинства земцев о легализации приема детей в Сиротский дом победила, и Саратовское земское собрание 1909 г. приняло резолюцию: сделать принос детей явным по примеру других земств. В целях рекламы плакаты, посвященные пользе легального приноса матерями отказных детей, были размещены по городу и в самом приюте [15, с. 32]. Вопреки опасениям земства количество легально принесенных детей резко не увеличилось, но тем не менее прирост был существенным: в 1909 г. принос составлял 52 чел., в 1910–92 ребенка [15, с. 32].

В России существовала еще одна причина вопиющих цифр младенческой смертности, о которой земские гласные не упоминали. Л. Н. Толстой видел ее в хлебных (отсюда понятие «хлебные дети») сосках («жёвках»). Он отмечал, что «соска убила на Руси людей больше, чем чума и холера и все болезни». Писатель со свойственным ему эмоциональным видением многих негативных явлений русской жизни считал соску главной причиной младенческой смертности, когда ребенок сутками лежал с грязной тряпицей во рту: «В России из 100 новорожденных не доживают до года 33, а местами даже 66 человек» [24].

Важной причиной высокой смертности в приюте земцы считали экологическую составляющую. Речь шла о состоянии здания, в котором находился приют. Это бывший «желтый дом»,

строение, где ранее размещалась психиатрическая лечебница в Александровской больнице. Земские гласные отмечали, что здание «не приспособлено и не отвечает своим целям», но его «постройка нам не по средствам» [15, с. 33]. С каждым годом его состояние ухудшалось и к 1914 г. оно пришло в полную негодность, о чем свидетельствуют эмоциональные выступления земцев на губернском земском собрании. Председатель губернской земской управы К. Н. Гримм отмечал ужасное состояние Сиротского приюта: «Здание настолько ветхо, что оставлять в нем детей без вреда для их жизни и здоровья положительно невозможно. После вскрытия полов обнаружена веками накопившаяся грязь, которая содержит в себе заразу. По стенам – плесень. Люлек не хватает, и детей кладут вповалку на одной кровати по нескольку» [16, с. 21]. Земские гласные рисовали страшную картину состояния помещений, в которых находились дети. В приюте «отсутствовало электрическое освещение», «коптили керосинки», «там дышать нечем, там отвратительно!», «50% балок сгнило, потолок грозит рухнуть» [16, с. 21–23]. Н. Ф. Иконников был еще более категоричен в своих суждениях: «Это здание годится только для тюрьмы, но никак не для приюта. Это морильня для детей. Это не приют, а организованное убийство младенцев» [16, с. 21]. Однако раздавались и другие голоса: несмотря на ужасное состояние здания, смертность в Сиротском приюте снизилась по сравнению с предыдущим периодом [16, с. 21–23]. Именно в 1914 г. было принято решение о строительстве нового Сиротского детского дома, о чем говорилось выше.

Как же земство оценивало реальные достижения в сокращении смертности детей-сирот в течение своей деятельности? Первоначально земские гласные были уверены в том, что одна из главных причин большой детской смертности – это проблема скудного финансирования. Они опирались на статистику детской смертности в детском приюте «Ясли». До 1877 г. смертность в приюте была ужасающей – до 80–95%. С увеличением земского субсидирования приюта, с разработкой системы ухода за его питомцами она стала снижаться и в 1884 г. составляла 25–27%. Этот результат земские гласные сочли «блестящим» [12, с. 64–65]. Однако смертность в Земском сиротском доме, несмотря на увеличение субсидирования, оставалась на высоком уровне и доходила до 40% [16, с. 21–22].

Конечно, проблема высокой детской смертности – это не только проблема финансирования. Это проблема общей санитарно-эпидемиологической ситуации в стране. По данным исследователей, в России в 1900 г. младенческая смертность составляла 40,5%, к 1908 г. она снизилась до 38%. На 1000 чел. приходилось 298,8 смертей – показатель один из самых высоких в мире. Причинами высокой детской смертности являлись

желудочно-кишечные, инфекционные заболевания, заболевания органов дыхания. Особенно высокой была детская смертность в летнее время [25, с. 47]. Так что Саратовское земство по этим показателям вписывалось в средние цифры по стране.

Летом детский травматизм и детская смертность увеличивались из-за детских шалостей с огнем и из-за того, что за младенцами присматривали или немощные старики, или малыши, которые только недавно сами начали ходить. Крестьянин И. П. Павлов вспоминал: «Один раз мать и все домашние ушли в поле жать рожь, а мне поручили следить за грудным братишкой Панькой, который лежал в люльке. Мне было пять лет». Мальчик убежал купаться с друзьями «и забыл о Паньке». Когда пришли родители, младенец практически не дышал. Мемуарист отмечал, что «много детей погибало на моих глазах. Это было обычным делом» [26]. Поэтому в социальной практике земства появляется так называемое «ясельное дело» – открытие в полевую страду специальных приютов для малолетних детей, которые в эту пору оставались дома без присмотра («дети беды»). Подобные ясли существовали в ряде земств России [27, с. 136].

Организация яслей-приютов в Саратовской губернии шла непростыми путями: первые 17 яслей появились в 1903 г. [10, с. 128–129]. Расцвет ясельного дела пришелся на годы Первой русской революции, сопровождавшиеся не только политическими катаклизмами, но и страшнейшим неурожаем. Причем количество яслей зависело от инициативы уездных земств. В частности, в 1906 г. в Сердобском уезде существовали ясли на 700 детей, в Камышинском уезде в трех яслях кормились 450 детей [19, с. 155]. В 1907 г. организация яслей в Саратовской губернии достигла своего максимума: приюты были созданы в 133 селениях. С 1908 г. ясельное дело начинает угасать, и к 1914 г. ясли остались только в Вольском уезде [10, с. 180].

Во многом ясельное дело существовало в Саратовском земстве благодаря энтузиасту и пламенному пропагандисту этой формы призрения малолетних – санитарному врачу Н. И. Тезякову, который разработал принципы ее организации. Он считал, что ясли должны функционировать с весны, когда лечебно-продовольственная помощь населению закончится. Санитарный врач специально ездил в Москву, откуда привез 5 тыс. руб. на развитие яслей от благотворителей и ВЭО [19, с. 152, 157].

Некоторые исследователи полагают, что ясли-приюты показали свою востребованность и эффективность как институт социального попечения обездоленных детей [27, с. 143]. Думается, что эффективность этой формы социальной защиты детства нельзя преувеличивать. Во-первых, ряд земских деятелей считали организацию яслей-приютов слишком мелким для губернского

и даже для уездных земств. Именно в это время в российских земствах активно дебатировался вопрос о введении мелкой земской единицы. Поэтому земские гласные были уверены в том, что организация таких учреждений в отдельных селах – это дело волостного земства. Против подобной точки зрения выступил Н. И. Тезяков, с горечью говоривший: «Конечно, ясли – это мелкое дело, которое могло бы быть организовано мелкой земской единицей. Следовательно, ясли-приюты будут висеть в воздухе» [19, с. 53]. Во вторых, действительно, положение земства было крайне сложным в этот период в связи с общей социально-экономической обстановкой в губернии: «Нужда такая, о какой в прошлом году даже не думали» [19, с. 155]. Поэтому своими первоочередными задачами земские гласные считали лечебно-продовольственное дело и организацию общественных работ для голодающего населения губернии. Новый всплеск интереса к устройству летних яслей-приютов земства проявился в 1916 г. В связи с продолжающейся мобилизацией в деревне оставалось все меньше мужчин, и основная нагрузка в летнюю страду падала на женщин, подростков, стариков, а малолетние дети оставались безнадзорными [28, с. 6–7].

В начале XX в. возрастает количество детских учреждений и лиц, на которых распространяется социальная помощь Саратовского земства. Органы земского самоуправления вырабатывают целую систему благотворительной помощи, которая, с одной стороны, носит адресный характер. В земских документах подчеркивалось: «Мы должны субсидировать учреждения, в которых обучаются дети из Сиротского дома, дети земских служащих, дети земских налогоплательщиков» [16, с. 99]. С другой стороны, эта система субсидирования имела четкую цель – земские пособия должны были обеспечить воспитание полезных членов общества.

Деятельность земства в этой сфере напоминала знаменитую притчу о бедняке, рыбе и удочке. Именно земские средства должны были сыграть роль «удочки», которая позволила бы обездоленным детям в будущем добывать средства к существованию. Особое внимание Саратовское земство уделяло специализированным школам и приютам, где обучались дети-инвалиды – слепые и глухонемые. При назначении субсидий земские гласные руководствовались главным аргументом: насколько обучение детей с особенностями развития позволит им социализироваться в обществе и не быть его «пасынками». Они одобрительно отзывались о современных методиках обучения в училище слепых, находившемся в ведении Саратовского отделения попечительства императрицы Марии Александровны, и училище глухонемых, находившемся в ведомстве Саратовского отделения попечительства о глухонемых императрицы Марии Федоровны [20, с. 81–83]. Ежегодные ассиг-

нования земства на эти школы в 1910–1914 гг. составляли от 500 до 2 тыс. руб. [16, с. 23]. Гласные считали, что земское субсидирование позволит детям-инвалидам стать дееспособными гражданами, могущими «добывать свой кусок хлеба»: «Мы даем свет слепым! Благодаря земству они не нищенствуют, не ходят по улицам и не поют Лазаря, выматывая душу» [20, с. 83].

Одним из объектов земской благотворительности являлся пансион-приют для детей беднейших учителей, находившийся в ведении «Общества вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Саратовской губернии». Пособия именно этому приюту вызывало серьезные дискуссии. В нем находились 26 воспитанников разного возраста – от дошкольного до 19 лет. В 1905 г. губернские гласные обвинили членов общества в политическом уклоне, «полуреволюционных инстинктах», в проведении политических митингов, которые проходили на территории пансиона [19, с. 53, 55]. Действительно, в отчете общества отчетливо звучали политические мотивы: «В конце 1904 г. обычное течение русской жизни резко изменилось. В обществе начала подниматься, шириться и крепнуть волна освободительного движения. Все сознательное, разумное по мере сил принимало участие в этом великом движении. Не могло остаться безучастным к делу освобождения Родины и учительское общество. Профессиональные задачи отодвинуты на задний план, и приниженный, придавленный народный учитель вздохнул полной грудью и вздохнул свободно» [29, с. 325–326]. После подобных заявлений ряд гласных выступили против любых ассигнований на нужды пансиона. Но были и такие гласные, которые считали, что благотворительная деятельность не должна зависеть от политических убеждений ее объектов: «Мы оказываем помощь не обществу учителей, а пансиону-приюту». Для нас должны быть «безразличны политические убеждения самого общества» [29, с. 325], «дети учителей голодают в деревнях» [19, с. 62]. Земское губернское собрание, продолжая политику социальной поддержки детства в 1906–1908 гг., ассигновывалось ежегодно на нужды пансион-приюта по 1 тыс. руб. [29, с. 327].

Саратовское земство в начале XX в. продолжало субсидировать приют им. М. Н. Галкина-Враского, на нужды которого только в 1910 г. было ассигновано 4 тыс. руб. [17, с. 222]. Приют малолетних преступников [17, с. 129], частную детскую Поздеевскую больницу [16, с. 101].

Особую статью расходов земства на благотворительные цели составляли пособия и стипендии, которые получали воспитанники Сиротского дома, а также дети служащих Саратовского земства, чьи родители не могли оплатить обучение в средних и высших учебных заведениях. В отличие от 1860–1880-х гг. стипендиальные

выплаты увеличились, возросло количество детей и молодых людей, получающих земские стипендии. С 1908 г. ежегодные стипендии составляли 11 тыс. руб.: из них 3 тыс. предназначалось неимущим студентам вузов, 8 тыс. – для недостаточных учеников средних и низших учебных заведений [29, с. 302]. Возросло число земских стипендиатов в вузах и увеличилось количество высших учебных заведений, в которых они обучались. Появились и новые земские стипендиаты – женщины, обучающиеся в фельдшерской школе, на Высших женских курсах, в Петербургском женском медицинском институте [17, с. 210–218]. К 1914 г. общая сумма, потраченная губернским земством на пособия и стипендии, достигла 29 тыс. руб. [16, с. 25].

В связи с возрастанием ассигнований на эти цели губернское земство принимает специальные правила о возвратности денежных средств, выдаваемых на стипендии. Была разработана специальная форма-обязательство, где земство обязывалось выплачивать деньги студенту 2 раза в год; в свою очередь, тот обязывался каждый раз предоставлять справку о том, что он состоит в числе обучающихся. По окончании вуза, устроившись на службу, молодой специалист обязан был выплатить всю сумму стипендии в течение 20 лет [29, с. 314–315].

Таким образом, благотворительная деятельность земства, так же как и другие сферы его социокультурной политики и практики, оказалась гораздо шире, нежели это было предназначено правительством. В Саратовском земстве, как и в других земствах России, в 1870–1890 гг. происходило становление системы благотворительной помощи населению [3, с. 333]. Как и все направления социальной политики земства, его благотворительная деятельность шла в рамках эволюции: от становления до превращения в разветвленную систему помощи нуждающемуся населению.

В 1890-е гг. – начале XX в. социальная помощь, оказываемая органами земского самоуправления, носила адресный характер и распространялась на определенную категорию лиц. Главным направлением благотворительной деятельности стала социальная защита детства. Благотворительная деятельность земства регламентировалась не только имперскими законами, но и внутренними правилами, выработанными самим земством. Социальная поддержка детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, осуществлялась в различных формах: призрении малолетних в Саратовском земском сиротском доме, в создании летних детских приютов, в пособиях различным детским учреждениям, опекающим безнадзорных детей и детей-инвалидов. Система призрения малолетних менялась количественно и качественно, особенно в сфере институтов патроната и усыновления, ко-

торые сейчас становятся приоритетными в сфере государственной защиты детства.

В начале XX в. Саратовское земство формулирует свою основную цель в сфере социальной защиты детства – создать условия для воспитания обездоленных детей как полноправных дееспособных граждан российского общества.

Список литературы

1. Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33, ст. 33340.
2. Максимов Е. Д. Очерк земской благотворительности в области общественного призрения. СПб. : Типография Правительствующего Сената, 1995. 75 с.
3. Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX века. М. : Наука, 2005. 404 с.
4. Маханцева Е. В. Роль земского финансирования в сфере развития благотворительных учреждений Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Власть. 2014. № 12. С. 178–182.
5. Якубсон Е. В. Благотворительность в Московской и Тульской губерниях во второй половине XIX – начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 24 с.
6. Зайцева С. В. Земские учреждения и подкидыши в конце XIX века // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. Научный журнал. Серия история. 2008. № 2. С. 20–33.
7. Журналы очередного Саратовского губернского земского собрания 1872 г. Саратов : Типография Саратовской губернской земской управы, 1872. 349 с.
8. Журналы чрезвычайного Саратовского губернского земского собрания 3 июня 1900 года. Саратов : Типография Саратовской губернской земской управы, 1900. 36 с.
9. Журналы XXIV очередного Саратовского губернского земского собрания с 7 по 22 декабря 1889 г. Саратов : Типография Саратовской губернской земской управы, 1889. 431 с.
10. Назаров В. В. Земское здравоохранение Саратовской губернии в 60-е гг. XIX – начале XX вв. Саратов : Саратовский источник, 2022. 197 с.
11. Морозова Е. Н. Саратовское земство. 1866–1890 / под ред. Н. М. Пирумовой. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1991. 180 с.
12. Журналы XIX очередного Саратовского губернского земского собрания с 5 по 19 декабря 1884 г. Саратов : Типография Саратовской губернской земской управы, 1885. 342 с.
13. Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет : в 4 т. Т. 3. СПб. : Издательство О. Н. Поповой, 1911. 708 с.
14. Памятная книжка Саратовской губернии на 1904 год. Издание Саратовского статистического комитета. Саратов : Паровая скоропечатня губернского правления, 1904. 366 с.
15. Журналы 46-го очередного Саратовского губернского земского собрания сессии 1911 г. Саратов :

- Типография Саратовской губернской земской управы, 1912. 492 с.
16. Журналы 45-го очередного Саратовского губернского земского собрания сессии 1914 г. Саратов : Типография Саратовской губернской земской управы, 1916. 263 с.
17. Журналы 49-го очередного Саратовского губернского земского собрания сессии 1910 г. Саратов : Типография Саратовской губернской земской управы, 1911. 517 с.
18. Журналы XXIII очередного Саратовского губернского земского собрания 1–19 декабря 1898 г.; 9–13 января 1899 г. Саратов : Типография Саратовской губернской земской управы, 1889. 365 с.
19. Журналы 41-го очередного Саратовского губернского земского собрания 1–16 декабря 1906 г. Саратов : Типография Саратовской губернской земской управы, 1907. 562 с.
20. Журналы 43-го очередного Саратовского губернского земского собрания 1909 г. Саратов : Типография Саратовской губернской земской управы, 1909. 622 с.
21. Букреева Л. Я., Сиренко Ю. В. Региональный исторический опыт социальной защиты детей-сирот как механизм оказания помощи нынешним нуждающимся детям (на примере Уфимской губернии XIX века до 1917 года) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3 : Психология и педагогика. 2014. Вып. 3. С. 26–31.
22. Куровский В. Н., Пяткина Г. Н. Материнская депривация и ее структурные компоненты // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 10 (100). С. 141–144.
23. Островский А. Н. Без вины виноватые // Избранные произведения. М. : Издательский дом «Рипол Классик», 2003. 944 с.
24. Толстой Л. Н. О соске. Вставка в брошюру Е. А. Покровского «Об уходе за малыми детьми», 1899. URL: <http://tolstoy.ru> (дата обращения: 01.06.2023).
25. Кваша Е. А. Младенческая смертность в России в XX веке // Социологические исследования. 2003. № 3. С. 47–55.
26. Воспоминания И. П. Павлова, крестьянина Уфимской губернии. URL: <http://www.historian30h.livejournal.com> (дата обращения: 25.05.2023).
27. Шикунова И. А., Щербинин П. П. Ясли-приюты как особая форма социального попечения в Тамбовской губернии в начале XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. 2020. Т. 25, № 184. С. 136–145.
28. Эльцин Б. М. Для чего нужны и как устраивать ясли-приюты в деревнях Уфимской губернии / [Соч.] Сан. врача Б. М. Эльцина ; Сан. бюро Уфим. губ. земства. Уфа : Электр. тип. «Печать», 1916. [4], II, 24 с.
29. Журналы 42-го очередного Саратовского губернского земского собрания 8–30 января 1908 года. Саратов : Типография Саратовской губернской земской управы, 1908. 493 с.

Поступила в редакцию 21.06.2023; одобрена после рецензирования 27.06.2023; принята к публикации 30.06.2023
The article was submitted 21.06.2023; approved after reviewing 27.06.2023; accepted for publication 30.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 538–547
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 538–547
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-538-547>, EDN: YQXRFF

Научная статья
УДК [94+323.272](470.45)|1917/1918|+929Павлюков (Агапов)

И. Ф. Павлюков (Агапов) – забытый руководитель большевиков Царицына в Октябрьской революции 1917 года

И. О. Тюменцев

¹Южный научный центр Российской академии наук, Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, д. 41

²Волгоградский областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры, Россия, 400062, г. Волгоград, ул. Коммунистическая, д. 19

Тюменцев Игорь Олегович, доктор исторических наук, профессор, ^{1,2}главный научный сотрудник, tjumentsev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8762-9308>, AuthorID: 145850

Аннотация. Статья посвящена изучению жизненного пути и революционной деятельности Ивана Федоровича Павлюкова (Агапова) – незаслуженно забытого вождя царицынских большевиков. Он пришел к руководству большевистской фракцией в местной организации РСДРП в июле – августе 1917 г. во время тюремного заключения С. К. Минина и Я. З. Ермана. Именно он руководил созданием и вооружением красногвардейских отрядов, а затем установлением советской власти в Царицыне. Руководство РКП (б) обвинило его в нерешительности. С. К. Минин пытался предать его роль в октябрьских событиях забвению. Завершили эту работу чекисты И. В. Сталина, обвинившие И. Ф. Павлюкова в троцкизме. Он подвергся репрессиям и, видимо, сгинул в сталинских застенках. В материалах Испарта сохранились его воспоминания об Октябрьских днях в Царицыне, которые содержатся в приложении к статье.

Ключевые слова: история Великой Октябрьской социалистической революции, оборона Царицына, сбор материалов по истории революционного движения, Царицынская (Сталинградская) историко-партийная комиссия (Испарт), состояние собранного фонда, неопубликованные воспоминания руководителей Революционных событий и Оборона Царицына 1917–1918 гг.

Благодарности: Статья написана в ходе реализации гранта РНФ 2022–2023 гг., проект № 22-28-20018 «История революции и гражданской войны на Юге России (1917–1922 гг.) по документам царицынского (сталинградского) Испарта», руководитель Тюменцев И. О.

Для цитирования: Тюменцев И. О. И. Ф. Павлюков (Агапов) – забытый руководитель большевиков Царицына в Октябрьской революции 1917 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 538–547. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-538-547>, EDN: YQXRFF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

I. F. Pavlyukov (Agapov) – the forgotten leader of Tsaritsyn's Bolsheviks in the October Revolution of 1917

I. O. Tyumentsev

¹The Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 41 Chekhov Ave., Rostov-on-Don 344006, Russia

²Volgograd Regional Research and Production Center for the Protection of Historical and Cultural Monuments, 19 Kommunisticheskaya St., Volgograd 400062, Russia

Igor O. Tyumentsev, tjumentsev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8762-9308>, AuthorID: 145850

Abstract. The article is devoted to the study of the life path and revolutionary activity of Ivan Fedorovich Pavlyukov (Agapov), the undeservedly forgotten leader of the Tsaritsyn Bolsheviks. He came to the leadership of the Bolshevik faction in the local organization of the RSDLP in July–August 1917 during the imprisonment of S. K. Minin and Ya. Z. Erman. It was he who led the creation and arming of the Red Guard detachments, and then the establishment of Soviet power in Tsaritsyn. The leadership of the RCP(B) accused him of indecision. S. K. Minin tried to consign his role in the October events to oblivion. This work was completed by I. V. Stalin's chekists, who accused I. F. Pavlyukov of Trotskyism. He was subjected to repression and, apparently, disappeared in Stalin's dungeons. Ispart's materials contain his memories of the October days in Tsaritsyn, which we publish in the appendix to the article.

Keywords: history of the Great October Socialist Revolution, defense of Tsaritsyn, collection of materials on the history of the revolutionary movement, Tsaritsyn (Stalingrad) Historical Party Commission (Ispart), the state of the collected fund, unpublished memoirs of the leaders of the Revolutionary events and Defense of Tsaritsyn 1917–1918

Acknowledgments. The article was written during the implementation of the RNF grant 2022–2023, project No. 22-28-20018 “The History of the revolution and civil War in the South of Russia (1917–1922) according to the documents of Tsaritsyn (Stalingrad) Isparta”, head Tyumentsev I. O.

For citation: Tyumentsev I. O. I. F. Pavlyukov (Agapov) – the forgotten leader of Tsaritsyn's Bolsheviks in the October Revolution of 1917. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 538–547 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-538-547>, EDN: YQXRFF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

В 20-х гг. прошлого века главными героями революционных событий в Царицыне считались городской голова Сергей Константинович Минин и председатель совета Яков Зельманович Ерман. Гибель Я. З. Ерманна в годы Гражданской войны сделала его мучеником революции [1], а почитание заслуг С. К. Минина едва не переросло в его культ: члены команды городского головы предлагали переименовать город Царицын в Мининград [2, 3]. Разоблачение культа личности С. К. Минина в Сталинграде и замена его культом личности И. В. Сталина в 30 – начале 50-х гг. XX в. привело к тому, что героическая оборона Царицына от белых оттеснила на задний план революционные события 1917 г. в Царицыне. Издание собранных сталинградским Испартом воспоминаний С. К. Минина [4] и его команды застопорилось [5, 6]. Архивные материалы Испарта остались неопубликованными [7] и до недавнего времени считались утраченными [8].

С конца 50-х гг. XX в. в Волгограде вышло несколько сборников воспоминаний участников революционных событий 1917 г. и ветеранов Гражданской войны 1918–1922 гг., но то были воспоминания, записанные архивистами и историками 40 и более лет спустя, когда информаторов обычно уже поводит память [9–15]. К тому же эти воспоминания подверглись серьезной литературно-идеологической переработке.

Значительная часть испартовских бумаг сохранилась в Государственном архиве Волгоградской области (Ф. 346), царицынских большевиков во время Октябрьской Социалистической революции возглавлял другой человек – председатель Революционного комитета РСДРП (б) Иван Федорович Павлюков (Агапов), поэтому его воспоминания представляют значительный интерес для осмысления событий того времени [16; Прил. № 1].

В документах Сталинградского Испарта в представлениях на награждение орденом у И. Ф. Павлюкова указано отчество – «Федорович». На позднем фото [17, л. 1] и воспоминаниях М. П. Батова, считавшего И. Ф. Павлюкова своим учителем [18], указано его отчество – «Федосеевич». Из этих источников это отчество перекочевало в указанные выше сборники документов. В подготовленных сталинградской «пятеркой» Испарта списках на награждение орденом Красного Знамени у Павлюкова указано отчество Федорович. Причем, И. Ф. Павлюков эти документы, в отличие от поздней фотографии и мемуаров М. П. Батова, видел и обсуждал, поэтому не без сомнений, мы используем отчество «Федорович».

Иван Федорович Павлюков (Агапов) родился в 1888 г. в семье крестьянина. Образование получил начальное. В РСДРП (б) вступил в 1905 г. Работал помощником котельщика, счетоводом на заводе в Екатеринодаре [19]. К 1912 г. перебрался в Царицын, где поступил на работу на крупнейший завод «Урал-Волга» (Французский) и принял активное участие в создании касс взаимопомощи, под видом которых возрождалось большевистское крыло царицынской РСДРП [20, с. 168]. В апреле 1917 г. был избран членом городского комитета РСДРП [20, с. 177] и стал ближайшим соратником вождя царицынских большевиков С. К. Минина.

После военного переворота, совершенного полковником А. В. Корвин-Круковским, и ареста избранного городским головой С. К. Минина и Я. З. Ерманна обезглавленная большевистская фракция РСДРП упустила инициативу. Местных социал-демократов возглавили меньшевики, занявшие соглашательскую позицию. И. Ф. Павлюков как представитель крупнейшего царицынского завода «Урал-Волга» (Французский), благодаря личным качествам, быстро набрал политический вес в обезглавленной большевистской партийной организации и вскоре возглавил большевиков в Царицынском комитете РСДРП [21]. Видимо, по его инициативе в августе 1917 г. была проведена перепись большевиков, что позволило навести порядок в партийных рядах [22, л. 63].

Сразу же после подавления мятежа генерала Л. Г. Корнилова И. Ф. Павлюков был избран руководителем Революционного Комитета Царицынского совета и, сломив сопротивление меньшевиков, добился создания отрядов Красной гвардии в Царицыне. В тайне от меньшевиков он как глава Революционного Комитета санкционировал изъятие В. В. Сергеевым оружия и боеприпасов из арсенала воинских частей. В ту же ночь винтовки и патроны были получены и 30 августа 1917 г. переданы отрядам Красной гвардии. На утро меньшевики во главе с Д. В. Полуяном устроили скандал на заседании Исполкома Царицынского совета, а полковник А. В. Корвин-Круковский отдал приказ разоружить рабочих и арестовать Революционный Комитет, но было уже поздно. Вооруженные рабочие теперь представляли серьезную силу, а распропагандированный гарнизон отказался выполнить приказ своего командира. На следующий день А. В. Корвин-Круковский был вынужден сдать дела коменданту Царицына К. Я. Федотову, после чего бежал из города. Большевики, благодаря И. Ф. Павлюкову и его соратникам, вновь стали ведущей силой в Царицынской организации РСДРП [21].

В сентябре 1917 г. освобожденный из тюрьмы С. К. Минин опять становится городским головой, а Я. З. Ерман – председателем Царицынского совета. И. Ф. Павлюков был избран членом Царицынской городской управы. Ему было поручено заведовать торговлей и рынками города, но страна находилась на пороге новой революции и И. Ф. Павлюкову явно было не до торговли [20, с. 177].

Осенью 1917 г. после отъезда С. К. Минина и Я. З. Ермана в Москву за деньгами и в Петроград на II Съезд Советов [4, с. 203–231] царицынских большевиков и Военно-революционный комитет возглавил И. Ф. Павлюков. Именно он во время октябрьских событий 1917 г. руководил установлением советской власти в городе (Приложение). Поскольку советская власть была установлена в Царицыне, хотя и мирно, только 4 ноября 1917 г., И. Ф. Павлюкова позднее обвиняли в нерешительности и потакании меньшевикам [20, с. 182–183]. Эти обвинения вряд ли следует признать справедливыми.

Вопреки решению VI Съезда партии царицынские большевики не размежевались с меньшевиками и находились в одной организации под руководством С. К. Минина и Я. З. Ермана [4]. И. Ф. Павлюков, как показало создание Красной гвардии, обычно действовал решительно [21], но в данном случае добросовестно выполнял взятый царицынскими большевиками курс, о чем подробно рассказал в своих воспоминаниях (см. Приложение).

С. К. Минин, повествуя о событиях 1917 г. в Царицыне, везде на первое место выставлял себя и иногда погибшего в годы Гражданской войны Я. Ермана [4]. Он мнил себя вождем партии уровня В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого и даже вынашивал план переименования Царицына в Мининград [2, 3]. И. Ф. Павлюкова он упомянул только один раз в связи с избранием в городскую думу [4, с. 191], а о том, что он руководил октябрьскими событиями в городе, в мемуарах нет и речи. Все выглядит так, будто вожди царицынских большевиков С. К. Минин и Я. З. Ерман продолжали руководить событиями в Царицыне издалека.

В 1917–1918 гг. И. Ф. Павлюков работал секретарем Царицынского комитета РКП (б) и сотрудником советских органов власти, в 1920 г. был возвращен на Северный Кавказ, где возглавил земельный отдел Екатеринодарского отдельного исполкома Советов. Во время партийной дискуссии 1923–1924 гг. заведовал совхозом в Геленджике. В 1926–1927 гг. был участником троцкистской оппозиции [19]. Исключен из ВКП (б) за распространение писем Л. Д. Троцкого. Позже находился на хозяйственной работе в Москве.

В 1927 г. С. К. Минин, активно участвовавший в военной, троцкистской, новой оппозиции

сталинскому ЦК ВКП (б) счел за благо отойти от политической борьбы и лег в больницу для душевнобольных. Здесь он успешно переждал сталинский террор и вышел из больницы в 1956 г. революционером-героем [11]. Иная судьба ждала И. Ф. Павлюкова. В конце 20 – начале 30-х гг. XX в. он активно включился в работу Саратовского и Сталинградского Испарта. Вместе с П. А. Синюковым они создали в Москве кружок бывших участников революционных событий в Царицыне. И. Ф. Павлюков стал председателем, а П. А. Синюков – секретарем кружка. Первым делом они отмежевались от своего вождя и вступили в острую дискуссию с кружком ветеранов-красных партизан, который образовался в Сталинграде, о роли тех или иных деятелей в революционных событиях в Царицыне и их награждении [23].

И. Ф. Павлюков разработал опросник для интервьюирования ветеранов. Сам написал мемуары, в которых рассказал о создании в Царицыне Красной гвардии и своей роли в октябрьских событиях. Он совершил несколько рабочих поездок в Царицын, где помогал формировать архив Испарта и создавать музей Оборона Царицына [7, ед. хр. 1].

В своей деятельности и особенно в воспоминаниях Иван Федорович всячески подчеркивал свою верность главному курсу партии и отрицал участие в троцкистской оппозиции [21], но это его не спасло. Во время культа личности И. В. Сталина Павлюкова поставили на одну доску с С. К. Мининим и обоих обвинили в троцкизме и оппортунизме [24, 15]. В 1936 г. И. Ф. Павлюков был арестован и, по-видимому, исчез в сталинских застенках. Во второй половине 50-х годов XX в. был реабилитирован [17].

Список литературы

1. Богачевский Н. Ф. Яков Ерман. Очерк революционной деятельности за период пребывания в Царицыне. 1917–1918 гг. Сталинград : Обл. издательство, 1939. 112 с.
2. Письмо генерального секретаря ЦК ВКП (б) И. В. Сталина секретарю Сталинградского губкома ВКП (б) Б. П. Шеболдаеву 25 января 1925 г. о переименовании г. Царицына в Мининград или Сталинград. URL: <https://dzen.ru/media/id/5ec000bb7f5192548fb26d8f/caricyn-miningrad-ili-kogda-stalin-poterial-skromnost-60b08b5840f682234ecd84f7> (дата обращения: 06.06.2023).
3. Филиппова А. П. Мининград – город, который мог быть. URL: <https://stalingrad-battle.ru/projects/employee-writes/smi-pubs/2012/4049/> (дата обращения: 06.06.2023).
4. Минин С. К. Город-боец: шесть диктатур 1917 года (воспоминания о работе в Царицыне). Л. : Прибой, 1925. 248 с.

5. Алексеев В. Н. Оборона Царицына: сборник статей и документов / сост. : В. Алексеев, К. Нефедов ; Ист-партобл. Сталингр. крайкома ВКП (б). Сталинград : Краевое книгоиздательство, 1937 (т.-л. изд-ва «Сталингр. правда»). Переплет, 2 тит. л., 348, [3] с.
6. Романов И., Соколов Н. Очерк истории революции 1917 года в Царицыне (Сталинграде). Саратов : Парт. издательство. Н.-В. краев. отд-ние, 1932. 104 с.
7. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 346 Царицынский (Сталинградский Испарт). Оп. 1. Ед. хр. 1–115.
8. Дело по розыску документов Саратовского и Сталинградского испартов кон. 30-х гг. XX в. // Центр документальных коллекций новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 113. Волгоградский (Сталинградский) областной комитет (Обком) КП РСФСР (1934–1991 гг.). Оп. 11. Д. 36. Розыск подлинных документов революции 1905–1907 гг. Саратовского Испарта.
9. 1905 год в Царицыне: сборник воспоминаний и документов / сост. : В. И. Томарев, Е. Н. Шкодина. Сталинград : Книжное издательство, 1960. 201, [2] с.: ил.
10. 1917 год в Царицыне: сборник документов и материалов / предисл. В. И. Томарева. Сталинград : Книжное издательство, 1957. 151 с.
11. Будченко Л. И., Болдырев Ю. Ф., Калашникова О. А., Копченова Е. Л., Филиппова А. П. Минин: портрет на фоне эпохи. Волгоград : Принт, 2020. 204 с.
12. В боях за диктатуру пролетариата: сборник воспоминаний участников Октября и гражданской войны в Нижнем Поволжье. Саратов : Парт. изд. Н.-В. краев. отд-ние, 1933. 72 с.
13. Дорогой борьбы и побед: сборник воспоминаний и статей к 60-летию КПСС / сост. В. И. Томарев. Волгоград : Волгоградское книжное издательство, 1963. 267 с.
14. За Советскую власть. Сборник воспоминаний участников революционных событий в Царицыне / сост. В. И. Томарев, М. Я. Клейнман. Сталинград : Сталинградское книжное издательство, 1957. 239 с.
15. Царицын 1917–1922 гг. / сост. Н. Г. Безплеменная ; под ред. Л. И. Будченко. Волгоград : Принт, 2021. 319 с.
16. Павлюков И. Ф. Октябрьский переворот в Царицыне // ГАВО. Ф. 346. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 220–225.
17. ЦДНИВО. Ф. 13226 Коллекция фотодокументов (1889–1995). Оп. 1. Д. 685.
18. ЦДНИВО. Ф. 149 Коллекция воспоминаний ветеранов партии и комсомола, ветеранов войны и труда (1904–2002). Оп. 3. Д. 16.
19. Баранов А. В. «Троцкистская» оппозиция в контексте консолидации партийно-государственной элиты на Юге России (1923–1924 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь, 2019. Вып. № 1. С. 34–41.
20. Водолагин М. А. Очерки истории Волгограда. 1589–1967. М. : Наука, 1968. 448 с.
21. Павлюков И. Ф. Организация Красной гвардии // ГАВО. Ф. 346. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 2-4 об. ; Ед. хр. 115. Л. 91–95 об.
22. Царицынские большевики: август 1917 г. Алфавитный список // ЦДНИВО. Ф. 1 Сталинградский губернский комитет ВКП(б) (1917–1928). Оп. 1. Д. 3. 1917–1918 гг.
23. Тюменцев И. О. Герои революции и обороны Царицына в 1917–1918 гг. по версии Сталинградского испарта // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 2. С. 172–190. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.15>
24. Генкина Э. Оборона Царицына в 1918 г. М. : Политиздат, 1940. 220 с.

Приложение

Л. 91/126¹

Октябрьский переворот в Царицыне. Воспоминания И. Ф. Павлюкова

1. Подготовка к Октябрю. После изгнания карательного отряда² и выступления [Л. Г.] Корнилова³ полевые рабочие шло довольно быстро. Наша партия стала господствующей⁴ партией, меньшевики же и эсеры решительно по всем производственным точкам теряли своё влияние. [Рабочие] Французского завода (Кр[асный] Окт[ябрь])⁵, который был крепостью меньшевиков и эсеров, где наша организация была весьма малочисленна, после расправ [А. В.] Корвиг-Крутовского⁶ над нашей организацией и закрытия нашей газеты «Борьба»⁷, начинают переходить к нам. А 18 августа [1917] на общезаводском митинге, где выступали лучшие силы меньшевиков

и эсеров, а также представители Саратовского совета в лице присланного поверенного [М. В.] Телегина⁸ и от комитета нашей организации выступал тов[арищ] И. Ф. Павлюков и рабочие этого завода, митинг принял резолюцию, [в] которой клеймил⁹ предательство меньшевиков и эсеров и требовал освобождения [Я. З.] Ермана¹⁰ и [С. К.] Минина¹¹. С этого момента Французский завод стал оплотом нашей организации. [Если] 5 июля завод в большинстве [своём] голосовал за думский список меньшевиков и эсеров, то в августе он принимает 148 винтовок и кладет начало организации Красной Гвардии и тем самым смыкает с себя пятно [участия] в эсеровско-меньшевистском блоке.

В сентябре происходят перевыборы депутатов в Совет, организация развернутым фронтом провела предвыборную¹² кампанию и одержала решительную победу¹³. В Совете оказалось значительное наше большинство. Имея большинство в Совете и большевистский Исполнительный Комитет, а также руководящие посты

в городском самоуправлении наша организация подошла вплотную к вопросу юридического¹⁴ оформления власти Советов.

Партийная организация, успешно справившаяся с карательным отрядом, решительно победила объединенную контрреволюцию на выборах в Городскую думу и в Совет. Партийный Комитет усиленно¹⁵ стал заниматься вопросом вооружения рабочих, организационным оформлением и руководством созданной в августе Красной Гвардии (л. 91/126 об.), а также налаживанием городского хозяйства. Как в Бюро исполнительного Комитета, так и в Партийном Комитете, уже с начала сентября дискутировался вопрос о власти. Некоторые из членов Комитета Партии находили, что при наличии нашего большинства в Совете мы можем простым постановлением ввести Советский строй. Т[оварищи В. В.] Казаков¹⁶, [В. В.] Сергеев¹⁷ и др[угие], ставившие вопрос в такой упрощенной форме, забыли, вернее не понимали, что разрозненное наступление на руку Керенщине, что постановлению о введении Советской системы не подчинятся мелко-буржуазные партии, что наша¹⁸ объявленная постановлением власть должна будет прибегнуть к помощи государственного аппарата. Проще говоря, применить к неподчиняющимся меры воздействия. На заседании Партийного Комитета от 19 октября Павлю[ков]¹⁹ возражал²⁰ сторонникам немедленного захвата, доказывал, что наше выступление должно быть приурочено к общему выступлению, что надо ожидать выступления в Питере. Если же мы объявим власть Советов только в Царицыне, с нами никто считаться не станет. Средств у нас нет, а без денег управлять не сможем.

Протокол этого заседания записан очень²¹ плохо, по нем[у] трудно определить точные формулировки, но тем не менее ясно,²² что комитет учёл обстановку правильно и верно²³ поступил, приняв постановление. На 22/X – вооруженной демонстрации не устраивать, а устроить невооруженную – с лозунгом «Вся власть Советам!», «Хлеба и свободы», «Требуем революционной защиты Петрограда!», «Мы требуем амнистии политическим заключенным!», «Вся земля трудовому народу!».

Демонстрация состоялась. Основная масса пошла на демонстрации, эсеры и меньшевики, шипевшие против демонстрации, ничего кроме шипения не предприняли, и не смогли нам помешать, нашему успеху.

Имея письмо от тов[арища] Ермана, присланное им из Петрограда, в котором он сообщил, что на 25 октября в Питере начинается выступление, наша организация приняла это письмо, как директиву и не сомневалась в том, что такое выступление состоится, а потому решили, чтобы (л. 9/128) руководство в Совете назначило на этот

день, то есть на 25 октября собрание Совета, которое должно было бы принять соответствующие решения.

Наступил долгожданный день 25 октября. Было созвано заседание совета, но никаких сведений о событиях в Питере мы не имели.

Не имея сведений и не принявши заранее решения действовать независимо [от] получения сообщений из Питера, наше руководство Советом растерялось, не знало, как поступать. Вместо четкой установки по существу, прения пошли по линии предположений и свелись к прежним спорам теоретического характера: «За власть Советов и против». Наша фракция обвиняла меньшевиков и эсеров в умышленном сокрытии полученных сведений, а меньшевики смеялись над нашей верой, что в этот день должен был состояться переворот.

Проспорив на теоретическую тему все заседание, Совет не принял постановления о захвате власти, или создания аппарата по захвату власти, но постановил ввести контроль на телеграфе. Меньшевики и эсеры, имевшие влияние на почтово-телеграфных служащих, воспротивились постановлению Совета, дали соответствующую директиву единомышленникам на телеграфе, а те открыто выступали против постановления Совета и отказались от выполнения требований присланных контролеров. 26/X – также не принес никаких сведений и ничего в нашей обстановке не изменилось. Работа шла в обстановке приготовления. Отказ почтовиков подчиниться Совету подтвердил правоту тех, которые утверждали, что путем протокольного постановления невозможно изменить систему государственного управления. На этом примере все убедились, что к постановлению надо придать силу, и не вообще, а организованную в соответствующем аппарате.

2. Организация Революционного Штаба.

В хронике за 1917 г[од] помещено, что 24 октября был организован Революционный Штаб в составе: [И. Ф.] Павлюкова, [А. Г.] Григорьева²⁴, [А. К.] Бормана²⁵, Туманова²⁶, [И. П.] Изюмского²⁷, [В. В.] Сергеева, [Ф. Т.] Чекасинова²⁸, [Д. А.] Павина²⁹, [В. В.] Казакова, Бурдакова³⁰, Ведянина³¹, и [М. Н.] Преснякова³². Такое сообщение не соответствует действительности во времени образования³³ Штаба, также имеются погрешности и по составу (л. 92/127 об.) членов. Память не сохранила всех участников Октябрьского Штаба, но нет никаких сомнений в том, что тов[арищи] Павин и Козаков членами Штаба не состояли. Когда предлагалось тов[арищу] Павину войти в Штаб и приступить к определенной работе, он, ссылаясь на боязнь, решительно отказался войти в Штаб. По времени Революционный Штаб организован никак не раньше 27/X, а организация проходила следующим образом. Член нашей партии товарищ Осадчин или Осадченко³⁴, работавший на телеграфе в качестве телеграфиста, примерно в 9 часов утра шёл

в комитет партии, чтобы сообщить, что в ночь с 25 на 26/X на телеграфе получено сведение, что в Питере произошёл переворот, что почтовики это сообщение держат в секрете.

В тот же день 27/X, по моему предложению, был основан Партийный Комитет, который постановил, поручить фракции Совета срочно созвать общее собрание Совета, поставить вопрос о событиях в Питере. Провести постановление об образовании Революционного Штаба и утвердить представительство в Штабе от каждой организации, а также и общее число Штаба. Это же заседание занялось формированием Штаба по числу представителей каждой организации и персональным подбором кандидатов от организации, находящихся под нашим партийным влиянием. По вопросу же формирования Штаба и допущения в штаб меньшевиков и эсеров был спор и принципиального и тактического характера. Принципиальная сторона заключалась в том, что некоторые тов[арищи] предлагали не допускать в Штаб меньшевиков и эсеров, а другая часть, и в частности [И. Ф.] Павлюков, были за то, чтобы допустить. Теперь спустя 15 лет странным кажется, что в Штаб, который должен захватывать власть у контрреволюционного Правительства во главе с [А. Ф.] Керенским и меньшевиками, мы решили пригласить представителей этих предательских партий. Принципиально такое приглашение не допустимо, но, учитывая ту обстановку, что два вновь прибывшие в Царицын полка ещё 20/X вместе с меньшевиками голосовали против организации Красной гвардии, против демонстрации, устраиваемой нами 22/X, что на заседание (л. 93/128) Партийного комитета от 19/X были сообщения, что эти полки (178 и 241)³⁵ нас не поддержат. Комитет Партии, будучи уверен, что меньшевики и эсеры не станут бороться за власть Советов и при нашем большинстве в Штабе, в Штаб они не пойдут, решил занести их в список. Таким тактическим шагом мы преследовали цель создать неприемлемые для меньшевиков условия и фактически не допустить их в Штаб. Мы не ошиблись. Меньшевики и эсеры в Штаб не пошли и образовали комитет спасения революции.

Идя пр[отив] перехода³⁶ на нашу сторону солдат 172 и 241 полков, мы ввели их представителей в Революционный Штаб и, не ожидая их согласия, а также согласия меньшевиков и эсеров, было опубликовано сообщение об образовании Штаба и его состава в 46 человек. Отказ меньшевиков от участия в Штабе, не посещение ими собраний Совета от 30/X, образование Комитета спасения революции, окончательно разоблачило их контрреволюционную сущность, а 172 и 241 полки, пославшие в Штаб своих представителей на своем собрании от 2/XI, постановили подчиняться своим представителям в революционном штабе. Путем нашего согласия ввести³⁷ в Штаб социал-предателей³⁸, мы достигли того,

что вооружённая солдатская масса, также весь рабочий класс признал Штаб и требовал разгона меньшевистского Комитета спасения революции.

Революционный Штаб сформировался из сторонников нашей партии, а руководство Штаба было составлено исключительно из одних большевиков. Председателем Штаба был избран Павлюков, а секретарём т[оварищ] И. М.] Туманов³⁹.

3. *Первые дни работы Революционного Штаба.* Образование Революционного Штаба проходило под непосредственным руководством общегородского Партийного Комитета. Все переговоры с различными организациями и партиями о числе мест в Штабе обсуждались комитетом или согласовались с партийным руководством.

Вынося постановление об организации Штаба Партии, Комитет наметил условные пункты первых шагов работы Штаба, а именно:

1. *Написать воззвание-обращение к крестьянам Царицынского (л. 6) и Царевского уездов.* Этим воззванием Комитет Партии искал опоры против Совета крестьянских депутатов, который отказался от участия в работе Штаба и послал своих представителей в контрреволюционный «Комитет спасения революции»⁴⁰. Писание этого обращения было делом нелегким, потому что Комитет Партии состоял исключительно из рабочих, которые умели выступать на митингах, но литературным трудом не занимались.

После длительных препирательств и угловых обращений написал тов[арищ] Павлюков. Утверждая написанное обращение, Комитет, а также и автор, видели неполадки, неясность в выражении и пр[очее], но пересоставить или выправить никто не взялся. Тов[арищ] Сергеев, имевший образование и бывший редактором «Борьбы», с сожалением и горечью сказал:

- Безграмотно, меньшевики, эсеры и вообще грамотные люди будут над нами смеяться за такое писание.

- Возьмись, напиши ясно и литературно, – ответил ему редактор, – он отказался.

При незначительных изменениях это обращение 29/X было выпущено в свет и стало историческим документом⁴¹.

Меньшевики и эсеры действительно смеялись над нашим неумением писать, но масса рабочих и крестьянская поняла, то, что мы ей говорили, воззвание при всех недостатках принесло нам пользу.

2. *Немедленно ввести контроль над банками и не допустить утечки денег на казачий Дон.* Мы знали, что Царицынские буржуа усиленно [переправляют]⁴² свои банковские средства в Ростов⁴³ и в Новочеркасск⁴⁴. Хорошо помню, что в Комитете мы вспоминали ошибку Парижской коммуны в отношении роли денег и святости банка⁴⁵. Эту ошибку мы не хотели повторять.

3. *Вести контроль почты и телеграфа.* Мы не сомневались, что контрреволюция не сложит оружия, что она будет организовывать против нас свои силы. Мы знали, что Донская область с [А. И.] Калединым⁴⁶ и [П. Н.] Красновым⁴⁷ будет гнездом для всей разбитой контрреволюции и [при] первой же возможности перейдет в наступление, а до этого он [Каледин] будет вести переписку со своими единомышленниками даже через Царицын. Этой возможности мы должны (л. 6) были лишить его. И наконец нам нужен телеграф для того, чтобы самим общаться с другими городами и узнать где, что делается. Знать общие наши успехи и слабые места. На телеграф мы немедленно послали контроль в лице комиссаров, но телеграф запротестовал, отказался подчиняться Штабу, а когда мы ввели на телеграф красногвардейцев, телеграфисты забастовали. Ближайшие передаточные пункты, где власть находилась в руках сторонников Керенского, отключили⁴⁸ наш телеграф и город оказался⁴⁹ совершенно изолированным. Ниоткуда сведений мы не получали. Борьба с почтовиками длилась⁵⁰ продолжительное время, но принятыми мерами телеграфную и телефонную сеть мы вскоре наладили⁵¹.

Служащие банков, казначейства, а также и учителя средних школ также нас не признали, всячески противодействовали нашим мероприятиям, но тут было относительно легче бороться. Буржуазная система банков нам была не нужна, охранять ее мы не собрались, а деньги и ценности получить мы могли. Не особенно плакали и о забастовках среди школ, где учились 95 процентов сынок[ов] буржуа и лишь незначительная часть детей средних служащих.

4. *Немедленно приступить к широкому вооружению рабочих и создать боеспособное руководство Красной гвардии.* Наличие в городе 172, 241 и⁵² 93 запасных полков заставляло нас подумать об управлении этими полками и главное о том, как избавиться от старого командования.

Отсутствие в нашей среде военных, с более солидным опытом, давало себя знать. Чтобы сохранить за собой солдатскую массу, мы усилили работу в полках, связав полки со Штабом через их представителя, а через несколько дней были произведены выборы начальствующего состава.

5. *Немедленно вести контроль над газетой «Волго-Донской Край» и закрыть черносотенную газету «Республиканец».* Проверив сверстанную газету тов[арищ] Сергеев сообщил Штабу, что помещается материал против нас, и предложил конфисковать этот номер. Штаб согласился и поручил тов[арищу] Сергееву уничтожить материал, приготовленный к выпуску. Тов[арищ] Сергеев отправился в типографию и в редакцию в сопровождении нескольких красногвардейцев, а вернувшись сообщил, что он разбил какую-

то часть⁵³ (л. 8) и тем самым создал невозможным дальнейший выпуск газеты. С буржуазными газетами было [п]окончено быстро и решительно, но меньшевистскую «Рабочую мысль» мы не тронули, она продолжала выходить в первой половине 1918 года.

Это основное, что было намечено в Комитете, в качестве программ[ы] работы Революционного Штаба. Значительная часть намеченного была сделана⁵⁴, но кое-что немедленно выполнить не удалось, потому что у Штаба помимо этих основных вопросов в процессе работы появилось много другой, хотя и менее важной, но всё же серьезной работы, а работников с опытом, работников сильных и авторитетных у нас было очень немного. За отсутствием Минина и Ермана, а также переброской на работу в Штаб Павлюкова, Городская Управа и Дума попали в руки меньшевиков и эсеров и стала центром контрреволюции.

Революционный Штаб не мог обойти молчанием и спекуляцию продуктами первой необходимости. Но как только Штаб вмешался в это дело, товар начал исчезать с рынка. Для борьбы с рыночной спекуляцией и для охраны порядка в городе была создана комиссия по внутренним делам. Эта комиссия, если память не изменяет, под представительством товарища [И. П.] Изюмского учинила ночную облаву и за ночь нагаскала буквально полную комнату различных конфискованных товаров⁵⁵, собрала револьверы, произвела аресты и проч[ее]. Александров⁵⁶ – один из руководителей облавы носился по Штабу с порядочным узелком собранной [золотой]⁵⁷ монеты, а вместе с ним полупьяный анархист, некто Гришин⁵⁸. Этот Гришин присвоил себе отобранный браунинг и, несмотря и требования председателей Штаба выдать браунинг, он не подчинился. Чтобы прекратить Гришинские проделки Пред[седатель] Штаба приказал Сергееву и еще одному тов[арищу] насильно отобрать револьвер и удалить из помещения Штаба Гришина. Приказ был выполнен немедленно. На заседании Штаба было особо⁵⁹ подчеркнута на недопустимость выпивок во время оперативных работ и привлечения к работе анархистов.

Числа 30 и 31/X⁶⁰ в Штаб сообщили, что в (л. 9) тюрьмах бунт, уголовщина готовит набег. Просят немедленной помощи. Распорядились выслать воинскую часть из 93 полка. Пред[седатель] Штаба Павлюков совместно с тремя, четырьмя присутствующими в Штабе т[оварищами] взяли извозчика и поехали к тюрьме. По дороге в тюрьме встретили ещё нескольких т[оварищей] и предложили им направиться к тюрьме. Подъезжая к тюрьме, мы услышали крик и ругань, но ворота ещё заперты. Начинаем звонить и требовать впустить нас внутрь к главным воротам. Но привратник, охранявший вход в главных воротах был занят наседавшей массой уголовных[заклученных], которые угрожая

ему требовали открыть им ворота. Под напором уголовных [заклученных], не зная, кто мы, привратник растерялся и недоверчиво открывал нам ворота, а уголовщина в момент открыла замки и лавиной двинулась ко вторым воротам – н[а]ружным по направлению прямо к нам. Было видно, что нам не избежать столкновения, а поэтому все прибывшие из Штаба ещё до открытия ворот приготовили револьверы, а Павлюков сказал – за моим выстрелом всем стрелять. Сначала вверх, а если будут напирать стрелять по уголовщине, но побег не допустить.

Наш приезд оказался своевременным⁶¹ и совершенно неожиданным для уголовщины. Когда они двинулись к выходу, мы, выставив револьверы, потребовали вернуться обратно, а затем открыли огонь. Кого-то ранили. Уголовщина остановилась, протянулась назад, а затем побежала обратно. Преследуя беглецов один из тов[оварищей] Шелковский⁶² так увлекся, что пробежал последние решетчатые ворота и оказался внутри тюремного двора, а, по распоряжению т[оварища] Павлюкова, ворота снова были закрыты. Побег предотвращен, но надо вернуть товарища, которого уголовщина может убить. Обнаружив своё опасное положение т[оварищ] Шелковский вернулся к воротам, а за ним уголовщина. Стоя вплотную у решётчатых ворот с револьверами в руках, Представители штаба заявили, что, если хоть один чел[овек] тронет Шелковского или попытается приблизиться к воротам, будем стрелять в упор, а когда подойдёт наша часть худо будет. Уголовщина отчаянно материлась, но Шелковского не тронули, а привратник пропустил его к нам. Прибывший отряд с примкнутыми штыками вошёл⁶³ внутрь тюремного двора, потребовал от уголовщины разойтись по камерам (л. 10) и закрыл камеры на замок. Запоздай мы на 10 минут и побег был бы совершен и в городе могло бы быть много неприятностей.

Павлюков.

ГАВО. Ф. 346. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 91–95 об. Текст напечатан на пишущей машинке синей лентой на бумаге формата А4 с двух сторон. Бумага реставрирована по краям. На первом лицевом листе рукописи (л. 91) по середине верхнего поля напечатана цифра «3», однако последующая печатная пагинация «2–10». Из воспоминаний И. Ф. Павлюков явно изъят этот самый интересный фрагмент. Любопытно старая зачеркнутая карандашная нумерация лицевых листов рукописи (л. 91–126; л. 92–130 и 150; л. 93–134 и 137; л. 94–138; л. 95–172), которая свидетельствует, что рукопись была разделена на отдельные листы и лишь недавно собрана вместе работниками архива при формировании фонда.

Примечания и комментарии к приложению

- ¹ Первой приведена цифра новой пагинации, за ней – старой.
- ² И. Ф. Павлюков имеет в виду пребывание в Царицыне отряда подполковника А. В. Корвин-Круковского 8 [26].07–13 [31].08.1917 г. (даты по старому и новому стилям), направленного Временным правительством для наведения порядка в городе и отправки запасных частей на фронт. Корвин-Круковский Алексей Владимирович (23.09.1872–6.09.1943, Белград) – подполковник Императорской армии, герой Первой Мировой, видный деятель белого движения, генерал.
- ³ И. Ф. Павлюков пишет о мятеже генерала Л. Г. Корнилова против Временного правительства 25–31.08.1917 г. Корнилов Лавр Григорьевич (18 [30].08.1870, Усть-Каменогорск, Омской губернии – 31.03 [13.04].1918, Екатеринодар) – генерал от инфантерии, герой Русско-японской и Первой Мировой войн, один из зачинателей и вождей Белого движения. Погиб при штурме Екатеринодара.
- ⁴ В тексте опечатка: «господствубзей».
- ⁵ Крупный металлургический завод «Урал-Волга», одно из главных градообразующих предприятий Царицына – Сталинграда – Волгограда. Основан 30.04.1897 г. французским акционерным обществом, поэтому в просторечии «Французский завод». После Октябрьской революции переименован в «Красный Октябрь».
- ⁶ Прозвище Корвин-Круковского.
- ⁷ «Борьба» – главный орган царицынских сталинградских большевиков. Основана в мае 1917 г.
- ⁸ Телегин М. В. – один из лидеров саратовских эсеров в 1917 г.
- ⁹ В тексте: «клеймит»
- ¹⁰ Ерман Яков Зельманович [Зиновьевич] (4[16].02.1896, с. Крынки Кременчугского уезда, Полтавской губ. – 17.07.1918 сл. Николаевская, Астраханская губ.) – профессиональный революционер, один из вождей царицынских большевиков. Образование – неоконченное высшее. Прибыл в город в составе студенческого батальона в апреле 1917 г. В июле 1917 г. – председатель Царицынской городской думы. С октября 1917 г. – председатель Царицынского Совета. Член ВЦИК РСФСР. Убит.
- ¹¹ Минин Сергей Константинович (29.06.1882, п. Дубовка – 8.01.1962, Москва) – лидер Царицынских большевиков. Сын священника. Окончил духовную семинарию. С 1903 г. – профессиональный революционер. Участник революции 1905 г. В 1909–1910 гг. – студент Юрьевского и Венского университетов. В 1910–1913 гг. сидел в тюрьме. В 1914 г. сослан в Пермский край. Освободившись во время Февральской революции, явился в Царицын и возглавил Царицынский большевистский комитет РСДРП (б). В июле 1917 г. избран городским головой, но вскоре был арестован и препровожден в Саратовскую тюрьму. В августе 1917 г. освобожден восставшими солдатами. В Царицыне добился большевизации Совета и городских органов власти. Участник II Съезда Советов. По возвращении в Царицын вновь возглавил царицынских большевиков. Руководил штабом обороны Царицына

в 1918 г. В 1919–1920 гг. участвовал в Гражданской войне. Сблизился с И. В. Сталиным и К. Е. Ворошиловым в их борьбе с Л. Д. Троцким. Затем на партийной преподавательской работе. Участник «левой» и «новой» оппозиций. В 1927 г. у него началось психическое расстройство, в результате чего до 1956 г. он находился на излечении. В 1956 г. вышел на пенсию и занялся общественной работой.

¹² В тексте: «переговорную».

¹³ Президиум Думы: 1) Председатель Думы – [Я. З.] Ерман, большевик; 2) Товарищ председателя – [А.] Генькин, меньшевик; 3) Товарищ председателя – [И. И.] Котов, эсер. Городская Управа: 1) Городской голова – [С. К.] Минин, большевик; 2) Товарищ городского головы – Д. [В.] Полуян, меньшевик; 3) Товарищ городского головы – [Е. В.] Косолапов, эсер. Члены Управы: заведующий торговлей и рынками – [И. Ф.] Павлюков, большевик; заведующий трамваем, освещением, водопроводом, канализацией – Столповский, меньшевик; заведующий народным образованием – Колгин, эсер; заведующий обеспечением семейств мобилизованных – [А. В.] Бабак, большевик; [В. В.] Ивашкевич – меньшевик; [Д. А.] Кацнельсон – большевик.

¹⁴ В тексте: «о юридическом».

¹⁵ В тексте: «усиленнейшим образом».

¹⁶ Казаков Влад. В. (имя отчество ни в одном документе не раскрыты) – член Царицынского РСДРП (б), секретарь исполкома Царицынского совета. Возглавлял продовольственный отдел Царицынского совета

¹⁷ Сергеев Вениамин Владимирович – соратник С. К. Минина, член Царицынского горкома РКП (б), гласный городской думы в августе 1917, редактор большевистской газеты «Борьба», секретарь Царицынского ЦК в 1918 г. Командир одного из красногвардейских отрядов.

¹⁸ Далее одно слово забито на машинке.

¹⁹ Далее в тексте: «Он».

²⁰ Далее несколько слов забито на машинке.

²¹ В тексте: «чрезвычайно».

²² Далее доб.: «что видно».

²³ В тексте: «правильно».

²⁴ Григорьев Александр Петрович – старый большевик, ветеран революции 1905–1907 гг., соратник Минина. Работник оружейного завода с 1916 г. В марте 1917 г. вошел в состав Царицынского совета. Товарищ председателя (С. К. Минина) Царицынской организации РСДРП (б). Член ВРК в дни Октябрьского переворота в Царицыне. Активный участник захвата власти советом и обороны Царицына. После Гражданской войны работал на Урале. Был членом Московского кружка бывших активных участников захвата власти и обороны Царицына.

²⁵ Борман Альфред Карлович (1889, Рига – 23.01.1939, Учпечлаг НКВД) – латыш, видный Царицынский большевик из рабочих, профессиональный революционер. В РСДРП с 1909 г., арест, Казанская тюрьма. В 1916 г. приехал в Царицын. В 1917–1918 гг. – гласный городской думы, член РКП(б), член Царицынского Губисполкома, первый председатель Царицынского ГубЧК в 1918–1919 гг. В 30-х гг. работал в Москве. Арестован

13.12.1935 г. за участие в Контрреволюционной группе. Осужден 22.04.1936 г. на 5 лет Учпедлага. Прибыл туда 8.03.1937 г.

²⁶ Туманов И. М. (полное имя и отчество не известны) – в августе большевик, счетовод Французского завода – в конце 1917 г., член финансовой комиссии и один из руководителей совнархоза.

²⁷ Изюмский Иван Петрович (1897–1938) – рабочий Царицынских лесопильных заводов, один из создателей Царицынской группы РСДРП в 1906 г. член РКП (б) с 1917 г. Председатель Центрального Штаба Красногвардейских отрядов. Один из организаторов Царицынской милиции и местной ГубЧК. Участник обороны Царицына в 1918 г. В 1933–1935 гг. – помощник прокурора Сталинградского края. Арестован 9.09.1937 г., расстрелян 29.06.1938 г.

²⁸ Черкасинов Федор Тимофеевич – счетовод на Французском заводе, большевик, один из создателей большевистского кружка в Царицыне, активный участник революции 1905–1907 гг., секретарь комитета РСДРП в Царицыне. С 1906 г. в розыске. В августе 1907 г. арестован. В 1917 г. в Царицыне, в апреле вошел в Царицынский комитет РСДРП, корреспондент «Борьбы». Член штаба Красной Гвардии и организатор боевых дружин. Активный участник Октябрьских событий в Царицыне и обороны города.

²⁹ Павин Дмитрий Анисимович (1887, с. Березовка Поповской вол., Сенгулевского уезда Симбирской губ. – 1959) – большевик с 1915 г., рабочий Орудийного завода, член Революционного штаба и командир красногвардейского отряда. В 1917–1918 гг. – член исполкома Царицынского совета всех созывов. Председатель ЧК и революционного трибунала Царицына (1919). Председатель исполкома Царицынского совета. С июня 1919 г. председатель Царицынского губисполкома. Делегат 8 съезда РКП (б). В 1922 г. возглавлял Царицынский СНХ. После Гражданской войны на руководящей работе в Москве, Сталинграде, Саратове. 15 декабря 1929 г. представлен к награде – Ордену Красного Знамени.

³⁰ Бурдаков – член Революционного штаба Царицынского совета в Октябрьские дни.

³¹ Ведянин – член Революционного штаба Царицынского совета в Октябрьские дни.

³² Пресняков Иван Кузьмич – большевик, один из создателей Царицынской группы РСДРП в 1906 г., подпольщик, в 1912 г. вместе с И. Ф. Павлюковым воссоздавал большевистскую организацию Царицына через кассы взаимопомощи. В апреле и сентябре 1917 г. избирался в городской комитет РСДРП. Соратник С. К. Минина, корреспондент «Борьбы» член Революционного штаба Царицынского совета в Октябрьские дни.

³³ Далее слово забито на пишущей машинке.

³⁴ В августовском 1917 г. алфавитном списке Царицынских большевиков упоминается почтово-телеграфный чиновник З. Осадин.

³⁵ После переворота А. В. Корвин-Круковского из Царицына были удалены поддерживавшие большевиков 93-й, 141-й и 155-й Запасные полки. Взамен их в город были введены верные правительству части.

- ³⁶ В тексте: «присоединения».
- ³⁷ В слове опечатка: «власти»
- ³⁸ Далее в тексте: «то».
- ³⁹ В тексте ошибочно: «Тумаков».
- ⁴⁰ Созданный в Царицынском совете меньшевиками и эсерами в противовес большевистскому ВРК орган борьбы за власть.
- ⁴¹ Напечатано полностью в Хронике за 1917 г. С. 171 и Очерки истории Революции за 1932 г. С. 101. – *Прим. И. Павлюкова.*
- ⁴² В тексте пропуск.
- ⁴³ Ростов-на-Дону.
- ⁴⁴ Столица Всевеликого войска Донского.
- ⁴⁵ Коммунары банки не национализировали и тем самым оставили в руках контрреволюции денежные средства на борьбу с революцией.
- ⁴⁶ Каледин Алексей Максимович (12 [24].10.1861, х. Коледин, ст. Усть-Хоперской ОВД – 29.01 [11.02] 1918) – генерал от кавалерии, войсковой атаман ОВД, видный деятелей белого движения.
- ⁴⁷ Краснов Петр Николаевич (10 [22].09.1869, СПб. – 16.01.1947) – генерал от кавалерии, атаман Всевеликого войска Донского.
- ⁴⁸ В тексте ошибочно: «включили».
- ⁴⁹ В тексте: «остался».
- ⁵⁰ В тексте доб. «значительно».
- ⁵¹ В тексте: «направили».
- ⁵² В тексте: «частей».
- ⁵³ В типографии не работал, не знаю, как правильно ее называть. – *Прим. И. Павлюкова.*
- ⁵⁴ В тексте: «выполнена».
- ⁵⁵ Далее в тексте: «но».
- ⁵⁶ Александров – в алфавитном списке коммунистов упоминается без имени отчества большевик Александров и учительница Надежда Ивановна Александрова.
- ⁵⁷ В тексте пропуск.
- ⁵⁸ Персональные данные этого человека пока разыскать не удалось.
- ⁵⁹ В тексте: «особенно».
- ⁶⁰ Приблизительно в обе [даты]. – *Прим. И. Павлюкова.*
- ⁶¹ В тексте: «очень вовремя».
- ⁶² Шелковский Антон Яковлевич – большевик, упоминается в августе 1917 г.
- ⁶³ Далее доб.: «во».

Поступила в редакцию 21.06.2023; одобрена после рецензирования 27.06.2023; принята к публикации 30.06.2023
The article was submitted 21.06.2023; approved after reviewing 27.06.2023; accepted for publication 30.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 548–553

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 548–553

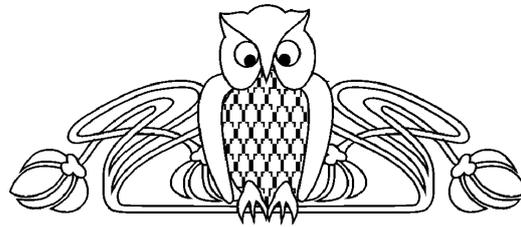
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-548-553>, EDN: VRRBNA

Научная статья

УДК 314.011(470.67)|1930/1945|

Население Дагестана 1930–1945 гг.: историко-демографический аспект

М. М. Амирханова

Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Институт истории, археологии и этнографии, Россия, 367030, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Ярагского, д. 75

Амирханова Мадина Магомедовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела новой и новейшей истории Дагестана, madinat63@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8218-0006>, AuthorID: 259374

Аннотация. В статье рассматриваются демографические процессы в Дагестане в один из драматичных периодов в истории страны. На основе Всесоюзных переписей населения 1937, 1939 гг., специальной литературы анализируются численность, половозрастной состав, этническая структура, демография семьи. Особую актуальность приобретает изучение демографического развития такого своеобразного региона, каковым является Дагестан, с его пестрой этнической картиной. Констатируется, что в изучаемый период произошли коренные изменения в демографическом составе дагестанцев: естественном приросте и механическом приросте, соотношении городского и сельского населения.

Ключевые слова: численность, естественное движение населения, половозрастной состав, демографическая компенсация, этническая структура, дагестанская семья

Для цитирования: Амирханова М. М. Население Дагестана 1930–1945 гг.: историко-демографический аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 548–553. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-548-553>, EDN: VRRBNA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Population of Dagestan in 1930–1945: Historical and demographic aspect

М. М. Amirkhanova

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 75 Yaragsky St., Makhachkala 367030, Republic Dagestan, Russia

Madina M. Amirkhanova, madinat63@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8218-0006>, AuthorID: 259374

Abstract. The article examines demographic processes in Dagestan during one of the dramatic periods in the history of the country. On the basis of the All-Union Population censuses of 1937, 1939, and special literature, the number, sex and age composition, ethnic structure, and demography of the family are characterized. Of particular relevance is the study of the demographic development of such a peculiar region as Dagestan, with its motley ethnic picture. The conclusion is formulated that during the studied period there were fundamental changes in the demographic composition of Dagestanis: natural growth and mechanical growth, the ratio of urban and rural population.

Keywords: number, natural movement of the population, gender and age composition, demographic compensation, ethnic structure, Dagestan family

For citation: Amirkhanova M. M. Population of Dagestan in 1930–1945: Historical and demographic aspect. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 548–553 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-548-553>, EDN: VRRBNA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Демографические процессы в Дагестане не относятся к числу неразработанных проблем, в известной мере они изучены учеными. В опубликованных трудах дагестанских исследователей эти процессы освещались в основном в контексте общей картины развития региона. В монографии А. И. Османова в историко-географических рамках с древнейших времен до конца

XX в. рассматриваются вопросы численности, размещения и воспроизводства населения Дагестана [1]. В монографии М. Я. Мирзабекова данная проблема характеризуется в специальном разделе «Историко-географическая характеристика и население Дагестана» [2]. В статье К. П. Сергеевой освещаются такие вопросы, как численность населения Дагестана по Все-

союзным переписям 1926, 1939 гг., этническая структура, половозрастной состав, размещение [3].

Отдельные аспекты, посвященные переселению горцев за пределы республики в Чечено-Ингушетию в годы Великой Отечественной войны, оказанию им льгот, нашли отражение в документальном сборнике «Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину (1920–1995 гг.)» [4].

Поскольку рассматриваемый период охватывает в основном военное время, когда в прифронтовом Дагестане наблюдалось интенсивное движение миграционных потоков, то это повлияло на полноту архивных источников по данному вопросу. Тем не менее в архивных материалах Дагестанского статистического управления можно найти итоговые данные о естественном движении населения в обозначенные годы [5, л. 23]. Также в архивных фондах содержатся решения центральных и республиканских органов власти о переселении хозяйств горцев в бывшие чеченские и ингушские колхозы, вошедшие в состав Дагестана, первоочередных мероприятий по их освоению [6, л. 189, 190; 7, л. 442–446].

Данная проблема не являлась предметом специального рассмотрения исследователей. Цель статьи заключается в анализе демографической ситуации в регионе в предвоенное десятилетие и в период Великой Отечественной войны, особенностей естественного и механического движения населения в указанный период.

В довоенные годы было достигнуто заметное увеличение продолжительности жизни советских людей, улучшение их здоровья и снижение показателей смертности. Эти успехи стали результатом проведения в жизнь целого ряда оздоровительных и лечебных мероприятий, намеченных второй Программой партии на VIII съезде. В их число входили оздоровление населенных пунктов, развитие общественного питания, создание санитарного законодательства, организация здравоохранения и т. д. Вследствие осуществления всех этих мер и улучшения условий жизни населения СССР перед войной средняя продолжительность жизни превышала дореволюционный уровень почти на 15 лет [8, с. 18].

Наряду с ростом продолжительности жизни стало наблюдаться и увеличение разрыва ее уровней у мужчин и женщин. Накануне войны разница в средней продолжительности предстоящей жизни мужчин и женщин составляла 6 лет. По-видимому, уже в довоенные годы стали проявляться какие-то специфические причины, сдерживавшие рост продолжительности жизни мужчин.

Рассматривая демографическую ситуацию в последние предвоенные годы, следует отметить, что она была существенно лучше, чем в первые послереволюционные годы, однако полностью не нормализовалась. Центральным

демографическим событием 1930-х гг. становятся катастрофические потери населения в 1933 г. Основная причина – голод 1932 г. Однако в отличие от других союзных республик людские потери в России были обусловлены в основном снижением рождаемости (70%). В то же время, по данным Центрального Управления народнохозяйственного учета, потери от голода имели место в следующих регионах: Северный Кавказ (убыль в 180 тыс. чел.), Нижне-Волжский край (103,8 тыс. чел.), Центрально-Черноземная область (63,2 тыс.) и Урал (30,5 тыс.). В снижении прироста населения в городах значительную роль играл фактор урбанизации [9, с. 342].

«Перегибы» при проведении коллективизации, репрессии последующих лет также привели к подъему смертности. Всего в стране в 20–30-е гг. по политическим мотивам были осуждены более 3 млн чел., из них 13,5% (416932) в 20-х гг. и 86,5% (2663642) в 30-х гг. Из этого числа в места заключения, ссылку и высылку в 1921–1940 гг. были направлены 2128298 осужденных по политическим мотивам [9, с. 317].

Некоторые ухудшения произошли в возрастно-половой структуре населения. Кроме того, снизились темпы роста населения: в 20-е гг. они превышали 2%, а во второй половине 30-х гг. были уже ниже 2%, причем в 1940 г. составили лишь 1,3% [8, с. 20]. Объясняется это трудностями социально-экономического развития государства, ограниченностью его ресурсов и необходимостью их отвлечения на укрепление оборонной мощи страны в условиях нарастания опасности со стороны германского фашизма.

Следует отметить, что численность населения в РСФСР в 1940 г., по разным оценкам, колебалась от 108 млн до 110 млн чел. При этом большая часть населения проживала в деревне – 66,5%, городское население составляло всего 33,5% [8, с. 13]. Весьма пестрой была этническая картина на Северном Кавказе и особенно в Дагестане.

Состав населения Дагестана также менялся в условиях больших социально-экономических преобразований. Эти изменения были бы еще более значительны, если бы не имели место тяжелые потери, понесенные в годы Первой мировой и Гражданской войн, в период Великой Отечественной войны.

По данным Всесоюзной переписи населения на 17 января 1939 г. в Дагестанской АССР (в границах того года) проживали 930416 чел. [10, с. 24]. К этому времени, по сравнению с 1926 г., произошел значительный прирост населения (на 33,9%) [3, с. 210–229]. Так, в 1940 г. численность дагестанцев составила 1024,0 тыс. чел., в том числе городское население – 214,5 тыс., сельское – 809,5 тыс. чел. [11, с. 15]. Это объясняется увеличением естественного прироста, уменьшением количества эмигрантов под влиянием

устойчивого перехода населения к мирной жизни и значительного притока мигрантов из других регионов Советского Союза. Например, в 1935 г. в республику прибыли 2690 чел. [5, л. 23].

Кроме того, часть дагестанцев переселялась из сел в города. Их число за 1931–1937 гг. выросло с 20 тыс. до 147 тыс. чел., т. е. в 7,3 раза. Особенно интенсивно переселялись в города жители горных районов: так, число аварцев увеличилось в 14 раз, даргинцев – в 8 раз, лезгин – в 6 раз [12, с. 269].

Естественный прирост населения был обусловлен снижением смертности при сохранении высокой рождаемости. К 1939 г., по сравнению с 1934 г., заметно увеличились показатели рождаемости дагестанцев. Так, общий коэффициент рождаемости вырос с 22,0% до 37,1%, а смертность снизилась: общий коэффициент смертности уменьшился с 17,4% до 16,9%. В результате естественный прирост населения заметно увеличился: в 4,4 раза – с 4,6% до 20,2% [12, с. 266], а в 1941 г., по данным 603 загов, число родившихся составило 26794 чел. [5, л. 1].

Такие положительные сдвиги в демографическом развитии (характерные для горожан и в несколько меньшей степени – для сельских жителей) были обусловлены улучшением медицинского обслуживания и повышением санитарно-гигиенической культуры населения Дагестана накануне войны.

Следует отметить, что в первые годы советской власти острой проблемой Дагестана являлась малярия. С целью искоренения этого тяжелого недуга 28 апреля 1928 г. был организован Дагестанский тропический институт, после чего борьба с малярией стала вестись систематически [13, с. 400].

Немаловажным аспектом для стабилизации демографической ситуации стало улучшение системы социального страхования. В частности, одним из основных направлений страховой работы было оздоровление труда и быта рабочих. С этой целью выплатные пункты добились улучшения жилищных условий рабочих, питания, усиления борьбы за проведение санминимума и т. д. [14, с. 257].

В то же время высокий естественный прирост населения был своего рода попыткой восстановить людские потери, понесенные в период Гражданской войны и репрессий в Дагестане в конце 1920–1930-х гг. В 1930-е гг. в Дагестане, как и в целом по стране, массовый характер приобрели репрессии. Из партийной организации республики, по неполным данным, с 1 октября 1937 г. по 1 января 1938 г. были исключены 329 чел. В последующем под различными предлогами они были репрессированы. Преследованию, арестам и высылке подверглись представители мусульманской духовной интеллигенции. В республике с начала 1930 г.

по октябрь 1933 г. были арестованы 1212 представителей духовенства [2, с. 77].

Процесс демографической компенсации продолжался в Дагестане вплоть до начала Великой Отечественной войны. Наиболее быстрыми темпами росло городское население, доля которого в 1939 г. достигла 22%, тогда как по Всероссийской переписи населения 1897 г. она составляла 7,9% [2, с. 81]. Тем не менее сельские жители продолжали доминировать в общей численности населения республики. Так, по переписи 1939 г. все население составило 1023,3 тыс. чел., из них сельское 802, 2 тыс. чел. (78%) [11, с. 14]. Сельское население было расселено в 34 административных районах и на территории двух городских советов. Средняя величина численности населения одного района составляла 21,6 тыс. чел. [12, с. 266].

В то же время вследствие Первой мировой и Гражданской войн наблюдалась существенная диспропорция в половом составе населения страны, в том числе Дагестана. В 1939 г. доля мужчин в населении снизилась до 47,9% по сравнению с 48,3% в 1926 г. [8, с. 19]. Так, если в 1926 г. дисбаланс полов измерялся цифрой в 5 млн чел. в пользу женщин, которые составляли 51,7% всего населения страны, то в 1937 г. нарушение в соотношении полов было куда более значительным. Мужчин было меньше, чем женщин, уже на 8,5 млн чел., а последние составляли 52,7% всего населения страны [2, с. 81]. В дореволюционные годы доля мужчин устойчиво сохранялась на уровне 49,8–49,7% [8, с. 20].

Следует отметить, что демографическая деформация должна была сглаживаться в течение полутора десятков лет после окончания войны. Хотя эхо войны долго еще воздействовало на половозрастную структуру населения, действует и обратная тенденция выравнивания диспропорции полов, которая развивается в нормальных социальных условиях. К 1937 г. ситуация была таковой, что на соотношении полов, деформируя его, стали сказываться потери населения вследствие голода, насильственной коллективизации и усиливающихся репрессий. Это воздействие вместе с демографическим эхом войны первой четверти века наложило отпечаток на соотношение полов почти во всех возрастных группах.

По данным переписи населения 1937 г., значительная диспропорция полов наблюдалась среди людей старших возрастов, уже начиная с 40–45 лет, тогда как в 1926 г., по материалам переписи, она начиналась после 55-летнего возраста, т. е. почти на 10–15 лет позже. К тому же в среднем в этом возрасте и старше преобладали женщины не выходящие за рамки 60%. В 1939 г. ситуация выглядела иначе. В возрастной группе 45–49 лет женщин было 54%; 50–55 лет – 59%; 60–65 лет – 60%; 70–75 лет – 62%; 85–89 лет – 66,2%; 95–99 лет – 67%. Иными словами, диспропорция наступила гораздо раньше, чем в 1926 г., и выражалась она более резко, поскольку повышение

диспропорции с возрастом естественно, так как продолжительность мужской жизни ниже женской [9, с. 372–373].

В отличие от общесоюзного уровня в 1939 г. в Дагестане диспропорция полового состава населения немного сгладилась, и доля женщин составляла 51,2% [2, с. 82].

Национальный состав Дагестана отличался большим разнообразием. По своему этническому составу это один из самых сложных регионов не только в нашей стране, но и во всем мире. Под влиянием многочисленных войн местное население, теснимое пришельцами, вынуждено было уходить в горы, в более безопасные места, и там оседало. Разобщению же национальностей способствовали суровые природные условия гор, которые мешали контактам между населенными пунктами. В связи с этим даже рядом расположенные аулы с населением одной национальности имели разные наречия и диалекты.

К 1939 г. в этническом составе населения ДАССР произошли изменения. Аварцы вместе с 14 малочисленными народностями (андийцами, ахвахцами, ботлихцами и другими, включенными в их число) насчитывали 230,5 тыс. чел., что составляло 24,8% всего населения республики; даргинцы вместе с кайтагцами и кубачинцами – 150,4 тыс. чел. (16,2%); лезгины – 96,7 тыс. чел. (10,4%); лакцы – 51,7 тыс. чел. (5,6%); табасаранцы – 33,4 тыс. чел. (3,6%). Рутульцы, агулы и цахуры были показаны вместе – 20,4 тыс. чел. (2,2%); чеченцы – 26,4 тыс. чел. (2,8%) [12, с. 269].

Кумыков насчитывалось 100,1 тыс. чел. (10,8%); азербайджанцев – 33,1 тыс. чел. (3,3%); татар – 46,5 тыс. чел. (5,0%); ногайцев – 4,7 тыс. чел. (0,5%). Русских было 133,0 тыс. чел. (14,3%); украинцев – 11,0 тыс. чел. (1,2%). Белорусов насчитывалось 1,0 тыс. чел. (0,1%); горских евреев – 10,9 тыс. чел. (1,2%); немцев – 5,0 тыс. чел. (0,5%); армян – 2,8 тыс. чел. (0,3%); иранцев – 2,1 тыс. чел. (0,2%); осетин – 1,0 тыс. чел. (0,1%) [12, с. 269].

В итогах переписи населения 1939 г. отсутствуют сведения о 19 малочисленных народах Дагестана, что объясняется механическим включением их в состав более крупных по численности этносов: аварцев, даргинцев, лезгин. Это включение наблюдалось в контексте общесоюзных установок того периода, ориентированных на слияние наций и народов страны.

Естественное движение населения Дагестана накануне войны в целом характеризовалось очень высокой рождаемостью, обусловленной в значительной степени сохранением традиций ранних браков, ориентацией на многодетность, запретом абортов. Этому способствовала низкая урбанизация (до 80% дагестанцев проживали в сельской местности), незначительное вовлечение женщин в промышленное производство, что

отрицательно могло сказаться на рождаемости населения, и другие причины.

Беликая Отечественная война оказала существенное влияние не только на движение населения в военные годы, временно приостановив его рост, но и на все послевоенное демографическое развитие. Прежде всего она нарушила демографическую динамику. Численность населения страны лишь к началу 1955 г. достигла уровня 1940 г.

Во время войны погибло около 100000 дагестанцев [15, с. 5–14]. К военным потерям еще нужно добавить и косвенные потери, вызванные резким снижением рождаемости в годы войны. Война резко нарушила возрастную-половую структуру населения, особенно ослабила здоровье людей, что также неблагоприятно сказалось на показателях брачности, рождаемости и смертности уже в мирные годы.

Для восстановления довоенной численности населения понадобилось 10 лет, несмотря на значительное компенсационное повышение рождаемости в послевоенные годы (в конце 40 – начале 50-х гг. ежегодно рождалось примерно 5 млн чел.). Этот срок, уже сам по себе достаточно большой, для временно оккупированных в годы войны территорий, составлял даже 20–25 лет [8, с. 19.]. Это было вызвано огромными людскими потерями, связанными не только с военными действиями, но и целенаправленным истреблением советских людей фашистскими оккупантами.

Изменения, произошедшие в составе крестьянства в тот период, сказавшиеся на процессе восстановления трудовых ресурсов в годы первой послевоенной пятилетки, иллюстрируют следующие данные. Наблюдается резкое сокращение населения колхозов Дагестана. Так, если в конце 1940 г. население колхозов республики составляло 659,5 тыс. чел., то к концу войны – 509,3 тыс. чел. (данные на конец года), т. е. сократилось на 150000 чел., что составляет 22,7% к 1940 г.

Такое сокращение произошло за счет мобилизации колхозников в ряды действующей армии, рабочего класса и естественной убыли, но главными причинами были мобилизация в действующую армию значительной части трудоспособных колхозников и переход части крестьянства в ряды рабочего класса.

Следует отметить, что и в годы войны продолжался организованный набор в промышленность жителей из сельской местности республики с последующим обучением их рабочим профессиям. В 1941 г. по городам республики эта цифра составляла 13932 чел. [16, с. 308]. Однако неустроенность быта, материальные проблемы и другие трудности военного времени крайне негативно сказывались на закреплении сельских жителей в городах, значительная

их часть по тем или иным причинам возвращалась на прежнее местожительство. Так, в первый же год войны из городов Дагестана на постоянное жительство в сельскую местность выехали 7488 чел. [16, с. 308].

Несмотря на такой обратный отток, дагестанское село в этих чрезвычайных условиях оставалось одним из важнейших источников пополнения городского населения. За годы войны численность трудоспособных колхозников сократилась на 126 тыс. чел., что составляет 41,2% трудоспособного населения колхозов 1940 г. Единственной группой населения, численность которой не сократилась, была, на наш взгляд, нетрудоспособная часть населения: старики, дети до 12 лет, а также инвалиды и больные.

Сокращение крестьянского населения отражалось и на численности колхозных дворов, однако уменьшалась она сравнительно умеренно. В то время как население колхозов сократилось на 22,7%, число дворов уменьшилось примерно на 10,6%. Относительная устойчивость количества колхозных дворов объясняется стремлением крестьян удерживать за собой личное хозяйство, которое было в то время важным источником существования. В связи со значительным сокращением населения соответственно снизился уровень рождаемости в сельской местности как в целом по РСФСР, так и по республике. В 1940 г. по РСФСР он составлял 31,2%, по Дагестану – 37,0, а в послевоенные 15 лет соответственно – 26,7% и 43,7 [15, с. 8; 17, с. 114]. Например, в 1950 г. в республике были зарегистрированы 23579 родившихся [5, л. 7].

Общий коэффициент смертности населения вырос в 1942–1943 гг. до 24% [12, с. 272], что было обусловлено ухудшением продовольственного снабжения, медицинского обслуживания, голодом, повышенной заболеваемостью и другими суровыми условиями военного времени. В результате в годы войны из-за превышения смертности над рождаемостью наблюдалась естественная убыль населения. Так, в 1945 г., по архивным данным, в городах Дагестана было зарегистрировано 2056 смертей, в сельской местности – 13772 [5, л. 7].

В 1941–1945 гг. была прервана и мирная эволюция семьи. Военное положение, резкое ухудшение условий жизни в первую очередь больно ударили по семьям. В них пришла разлука – в армию ушли не только отцы и сыновья, нередко на военную службу призывались и молодые женщины (врачи, санитарки и т. д.). В военное время в сельском населении, где и ранее довольно сильно ощущалось преобладание женщин, диспропорция в соотношении полов резко усилилась. Накануне войны, по данным переписи населения 1939 г., в сельской местности РСФСР на каждые 100 женщин всех возрастов приходилось 88 мужчин [8, с. 24].

Мобилизация на фронт постепенно привела к тому, что в деревне практически не осталось мужчин дееспособных возрастных групп (от 18 до 50 лет). В результате этого демографическое равновесие в деревне нарушилось.

На демографии дагестанских семей также сказались перемещения населения в годы Великой Отечественной войны (мобилизация – 180 тыс. чел.) и потери дагестанцев на фронтах (90 тыс. чел.). Масштабное насильственное переселение (116 тыс. чел.) [18, с. 56–70] населения за пределы Дагестана и на присоединенные к Дагестанской АССР территории Чечено-Ингушской АССР и внутри республики оказали влияние на этнодемографические аспекты дагестанской семьи [19, с. 56].

В военные годы в республике происходили значительные передвижения населения, вызванные не только войной, но и депортацией и принудительной миграцией. Согласно постановлению СНК СССР от 9 марта 1944 г. и его распоряжению от 11 марта 1944 г. СНК ДАССР обязывали переселить до 15 апреля 1944 г. в бывшие чеченские и ингушские колхозы, включенные в состав ДАССР 5000 хозяйств [5, л. 189, 190]. Вновь организуемые колхозы и вселяемые в них колхозники в районах бывшей Чечено-Ингушской АССР освобождались на 1944–1945 гг. от поставок государству сельскохозяйственных продуктов, денежных налогов и сборов [4, с. 239].

Постановление СНК ДАССР и бюро Дагобкома «О первоочередных мероприятиях по освоению Ауховского района ДАССР и Курчалоевского, Ножай-Юртовского, Веденского, Саяновского и части Гудермесского районов бывшей ЧИАССР, включенных в состав Дагестанской АССР», было принято 15 марта в том же году [7, л. 442–446].

В соответствии с этим постановлением разрядки на переселение в Чечено-Ингушетию были установлены с увеличением количества переселяемых и переселением 6300 хозяйств в первую очередь до 15 апреля и 2860 хозяйств с переселением во вторую очередь до 15 мая. Кроме того, в нем было расписано по районам количество хозяйств, переселяемых из Дагестана с указанием районов, куда предстояло их переселить. Так, из Цунтинского и Ботлихского районов подлежало переселению в Веденский район по 700 хозяйств, из Ахвахского и Кахибского районов по 500 и Гумбетовского – 460 хозяйств в Ножай-Юртовский район и т. д. [1, с. 344].

Таким образом, демографическая ситуация в Дагестане накануне Великой Отечественной войны характеризовалась положительной тенденцией. Наблюдается естественный прирост населения вследствие снижения смертности и высокой рождаемости. Наиболее быстрыми темпами росло городское население при сохранявшемся доминировании сельского населения. Однако

в стране и в регионе сохранялась диспропорция в половом составе населения. В этнической структуре также произошли изменения. В итогах Всесоюзной переписи населения 1939 г. отсутствуют сведения о 19 малочисленных народах Дагестана. Эти народности были включены в состав более крупных по численности этносов, что фактически означало их ассимиляцию. Великая Отечественная война коренным образом изменила демографическую ситуацию в стране и республике. Сказались как военные, так и косвенные потери, нарушившие демографическую динамику на перспективу. В Дагестане как в аграрной республике на численности населения существенно сказались сокращение крестьянства. Изменения произошли и в демографии дагестанской семьи: военное положение, разлука, большие перемещения населения.

Список литературы

1. Османов А. И. Население Дагестана с древнейших времен до конца XX века. Махачкала : АЛЕФ, 2011. 447 с.
2. Мирзабеков М. Я. Историческая география Дагестана (60-е годы XIX в. – 30-е годы XX в.). М. : Парнас, 2012. 393 с.
3. Сергеева К. П. Изменение в составе и размещении населения Дагестана с 1897 по 1965 год // Проблемы развития экономики Дагестана / отв. ред. Н. В. Даниялова. Махачкала : Дагестанский филиал АН СССР, 1967. Вып. 5. С. 210–229.
4. Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину (1920–1945 гг.). (Документы и материалы) / сост. : Г. И. Какагасанов, Л. Г. Каймаразова, М. Д. Бутаев, Р. И. Джамбулатова, С. И. Асильдаров. Махачкала : Наука плюс, 2006. 345 с.
5. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. Р-22 (Дагестанское статистическое управление). Оп. 23. Д. 10.
6. ЦГА РД. Ф. Р-168 (Совет Министров ДАССР). Оп. 22. Д. 84.
7. ЦГА РД. Ф. 1-п (Дагестанский обком КПСС). Оп. 1. Д. 5880.
8. Рыбаковский Л. Л., Зайончковская Ж. А., Вишневецкий А. Г., Тольц М. С., Синельников А. Б., Журавлева И. В., Филиппов Ф. Р., Костаков В. Г. Население СССР за 70 лет / отв. ред. Л. Л. Рыбаковский. М. : Наука, 1988. 214 с.
9. Население России в XX веке. Исторические очерки : [в 3 т.] Т. 1: 1900–1939 / отв. ред. Ю. А. Поляков. М. : Российская политическая энциклопедия, 2000. 459 с.
10. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова. М. : Наука, 1992. 296 с.
11. Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР. Юбилейный статистический сборник / ред. Н. Н. Наврузов. Махачкала : Дагестанское книжное издательство, 1972. 223 с.
12. Ибрагимов М.-Р. А. Этнодемографическая ситуация в Дагестане накануне и в годы Великой Отечественной войны // 65-летие Победы в Великой Отечественной войне: дагестанцы на фронте и в тылу. Материалы республиканской научной конференции (Махачкала, 4 мая 2010 г.) / отв. ред. Г. Ш. Каймаразов. Махачкала : Наука ДНЦ, 2010. С. 266–282.
13. Мирзабеков М. Я. Создание и развертывание деятельности научных учреждений по изучению Дагестана в 20-е годы XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 395–402. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-395-402>
14. Амирханова М. М. Социальное страхование населения в Дагестане в 1920 – первой половине 1930-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 253–258. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-253-258>
15. Алиева В. Ф. Динамика роста численности и расселение сельского населения Дагестана // Социальное развитие сельского населения Дагестана / отв. ред. А. Б. Баймуразов. Махачкала : [Б. и.], 1980. С. 5–14.
16. Мирзабеков М. Я. Демографические процессы в дагестанском городе в 1941–1945 гг. // Народы Кавказа в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. : материалы Международной научной конференции, посвященной 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. / сост. Г. И. Какагасанов. Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН, 2005. С. 305–312.
17. Вербицкая О. М. Динамика численности колхозного крестьянства РСФСР в 50-е гг. XX века // Проблемы исторической демографии СССР : сборник научных трудов / отв. ред. Ю. А. Поляков. Киев : Наукова думка, 1988. С. 62–74.
18. Население России в XX веке. Исторические очерки : [в 3 т.]. Т. 2 : 1940–1959 гг. / отв. ред. Ю. А. Поляков ; отв. ред. тома В. Б. Жиромская. М. : Российская политическая энциклопедия, 2001. 416 с.
19. Ибрагимов М.-Р. А. Этнодемографические аспекты развития дагестанской семьи в XX в. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2011. Т. 7, № 1 (25). С. 53–65.

Поступила в редакцию 09.12.2022; одобрена после рецензирования 06.01.2023; принята к публикации 30.06.2023
The article was submitted 09.12.2022; approved after reviewing 06.01.2023; accepted for publication 30.06.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 554–560

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 554–560

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-554-560>, EDN: XPVSD

Научная статья

УДК [373.5.016:796](470.45)|1953/1964|

Физическая культура и спорт в школах Сталинградской (Волгоградской) области в 1953–1964 годы

И. А. Луночкин

Волгоградский государственный университет, Россия, 400062, г. Волгоград, Университетский пр-т, д. 100

Луночкин Иван Андреевич, аспирант кафедры истории и международных отношений, lunochkin98@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-6872-3617>, AuthorID: 1204088

Аннотация. В статье анализируются состояние и развитие преподавания физической культуры и спорта в начальных и средних школах г. Сталинграда (Волгограда) и области в период «хрущёвской оттепели». На основе архивных источников освещена деятельность руководства народного образования и физической культуры по улучшению материально-технической базы, квалификации учителей и уровня преподавания, организации спортивных соревнований. Показаны достижения и проблемы, оставшиеся нерешенными к концу эпохи Н. С. Хрущёва.

Ключевые слова: Сталинградская (Волгоградская) область, физическая культура, спорт, школы

Для цитирования: Луночкин И. А. Физическая культура и спорт в школах Сталинградской (Волгоградской) области в 1953–1964 годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 554–560. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-554-560>, EDN: XPVSD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Physical education and sports in the schools of the Stalingrad (Volgograd) region in 1953–1964

I. A. Lunochkin

Volgograd State University, 100 Prosp. Universitetsky, Volgograd 400062, Russia

Ivan A. Lunochkin, lunochkin98@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-6872-3617>, AuthorID: 1204088

Abstract. The article analyzes the state and development of teaching physical culture and sports in primary and secondary schools in Stalingrad (Volgograd) and in the during the “Khrushchev thaw”. On the basis of archival sources, the activities of the leadership of public education and physical education to improve the material and technical base, the qualifications of teachers and the level of teaching, and the organization of sports competitions are covered. Achievements and problems that remained unresolved by the end of the era of N. S. Khrushchev are shown.

Keywords: Stalingrad (Volgograd) region, physical education, sports, schools

For citation: Lunochkin I. A. Physical education and sports in the schools of the Stalingrad (Volgograd) region in 1953–1964. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 554–560 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-554-560>, EDN: XPVSD

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

1950-е гг. стали качественно новым этапом в развитии советского спорта, который вышел на международную, в том числе олимпийскую арену, внутри страны стали проводиться комплексные соревнования высшего уровня – Спартакиады народов СССР. Руководство Коммунистической партии и Советского правительства считало спорт одним из важных инструментов пропаганды преимущества социалистического строя и повышения престижа СССР. С другой стороны, взятый в конце 1950-х гг. курс на строительство коммунизма и воспита-

ние нового гармонично развитого человека также предполагал одной из главных задач физическое совершенствование советских людей. В это время значительно возросло внимание государства к состоянию детского спорта и физического воспитания в школах, что привело к несомненным успехам. Изучение опыта решения проблем этого периода на примере Сталинградской (с 1961 г. – Волгоградской) области представляется актуальным и для современной России.

Данная тема еще не привлекала внимание исследователей. Так, в большой работе, посвя-

ценной 100-летию системы народного образования Волгоградской области, о физвоспитании не говорится вообще [1]. В немногочисленных изданиях по истории волгоградского спорта упоминаются только специализированные детские спортивные школы [2]. Т. Н. Орешкина и М. Г. Сотников изучали проблемы сталинградского спорта только в период послевоенного восстановления города [3].

Главным препятствием для развития физкультуры и спорта в школах, оставшимся с послевоенных времен, являлась слабая материально-техническая база. Прежде всего это касалось сельских школ. В 1952/53 учебном году в Сталинградской области (без Сталинграда, который до 1958 г. находился в республиканском подчинении) насчитывалось 1866 школ всех типов. На них приходилось всего 100 спортивных залов и 373 спортплощадки. Хуже всего дело обстояло с начальными школами: спортивные залы имели только 14, а спортплощадки – 32 из 1218 начальных школ [4, л. 63]. В большинстве своем сельские школы располагались в приспособленных помещениях. Такое положение наблюдалось во всех сельских районах, даже тех, где не прошла война. В глубинном Палласовском районе в 1954/55 учебном году, как отмечалось в отчете районного отдела народного образования (далее – районо), «большинство школьных зданий находятся в ветхом состоянии, в зимнее время температура в некоторых низка, на занятиях сидят одетыми». На 58 школ в этом районе имелся всего один спортзал. Уроки физкультуры в плохую погоду и зимой приходилось вести в тесных классах и коридорах [5, л. 2]. В быстро отстраиваемом Сталинграде ситуация с помещениями была немного лучше. Из 75 средних и семилетних школ специальные спортивные залы имелись в 17 школах, приспособленные – в 35, и 23 школы не имели вообще помещения для физкультуры. Открытые спортплощадки были организованы в 58 школах. Правда, из 18 начальных школ Сталинграда ни одна не имела ни спортзала, ни спортплощадки [6, л. 1].

Общая проблема и для сельских, и для городских школ состояла в острой нехватке спортивного инвентаря. Например, в большинстве школ отсутствовали секундомеры [7, л. 76]. В г. Камышине школы были обеспечены табельным инвентарем всего на 30% [8, л. 5]. Даже в областном центре в 1953 г. на 93 школы имелось всего 30 параллельных брусьев, 52 перекладины, 28 гимнастических коней и 62 козла. Гимнастические стенки имелись только в 6 школах [9, л. 92]. Из положения пытались выходить, изготавливая простейший спортивный инвентарь силами учеников на уроках труда или на предприятиях-шефах школ.

Серьезные проблемы возникали и в связи с качеством преподавательского состава. В Сталинграде он был еще сравнительно квалифици-

рованным. Так, в 1953 г. из 85 учителей физкультуры высшее физкультурное образование имели 3 чел., 77 – среднее специальное, и 5 чел. прошли курсовую подготовку [9, л. 93]. В сельских же районах положение было просто неудовлетворительным. Так, в 1956 г. в школах области работали 381 учитель физкультуры, из них только 5 были с высшим образованием, 102 – со средним специальным и 274 не имели профильного образования [10, л. 4]. Однако и таких учителей не хватало. В Качалинской средней школе Иловлинского района уроки физвоспитания были «поделены между преподавателями истории, немецкого языка и художником, причем преподаватель немецкого языка и художник не имели даже общего среднего образования» [7, л. 55].

Слабая материальная база и недостаточная квалификация учителей приводили к низкому уровню преподавания физической культуры. В отчете сектора физкультуры и спорта Сталинградского горздравоотдела за 1953 г. отмечалось: «...Совершенно неудовлетворительно поставлено физвоспитание в начальных (1–4) классах. Здесь преподавание ведется учителями начальных классов и, как правило, заменяется другими дисциплинами, т. е. чтением, письмом, арифметикой» [11, л. 45]. Проверяющие часто отмечали случаи, особенно в сельских школах, «когда учащиеся занимаются на уроках не в спортивной форме, а преподаватели сами ведут уроки в платке и в валенках» [7, л. 55]. Среди школьного руководства преобладал взгляд на физкультуру как на второстепенный предмет, без которого можно было и обойтись. Так, в Логовской средней школе в течение сентября и половины октября 1954 г. «с молчаливого согласия районо и директора школы уроки физкультуры были отменены, а учащихся заставляли убирать захлащенный школьный двор». На уроках преподавателя Быковской семилетней школы Ковылиной «вместо занятий по программе <...> часто можно было видеть игры в кошки-мышки, третьего лишнего» [12, л. 11]. Видимо, одна из причин такого отношения состояла в том, что оценка по физическому воспитанию до начала 1960-х гг. не входила в свидетельство о семилетнем образовании и в аттестат зрелости. Обком физкультуры отмечал в своем отчете за 1954 г., что многие районо недооценивают физвоспитание учащихся: «Вопросы физкультуры длительное время не обсуждаются на учительских конференциях, педсоветах. За последние три года вопрос физкультуры ни разу не обсуждался на совете облоно» [12, л. 12].

Впрочем, с одним из важнейших показателей работы школ – спортивной – по отчетам дела обстояли в целом неплохо. В 1953 г. в школах области сдали нормативы комплекса «Будь готов к труду и обороне» (БГТО) и «Готов к труду и обороне» (ГТО) 13 814 учащихся при

плане 12 330, и 1009 человек получили спортивные разряды при плане 830 [7, л. 58]. Школы Сталинграда вырастили 5 343 значкиста БГТО и ГТО при задании 4 220, и 975 разрядников при задании 802 [9, л. 76]. Только в Сталинграде в 1953 г. школьными коллективами было проведено 371 соревнование с охватом 32 900 чел. Среди них были «Эстафета мира», эстафета ко Дню победы, первенство города по гимнастике, конькам, лыжам, хоккею, футболу, баскетболу, волейболу, велосипеду, шахматам, городская спартакиада школьников [9, л. 76].

Однако на всероссийском уровне достижения сталинградских школьников выглядели довольно скромно. На Первой всероссийской спартакиаде школьников, проведенной в 1954 г., команда Сталинграда заняла общее 17-е место. Если бы не успехи пловцов, ставших вторыми, и баскетболистов (юноши – 8-е место, девушки – 2-е), результаты были бы еще ниже. Совсем удручающим оказалось выступление областной команды, занявшей 71-е место из 84 [13, с. 12]. В приказе по Министерству просвещения РСФСР, посвященном итогам Спартакиады, Сталинградская область была отмечена первой среди областей, где соревнования прошли на низком уровне [9, л. 18].

Необходимо отметить, что на состояние физического воспитания и спорта в стране не лучшим образом влияла чехарда с преобразованиями. В марте 1953 г. Комитет по делам физкультуры и спорта при Совете министров СССР был упразднен вместе со всей его структурой (областными, городскими и районными комитетами), а вопросы физвоспитания и спорта переданы в ведение Министерства здравоохранения. В областном, городском и районных отделах здравоохранения появились сектора физкультуры и спорта. Но уже через год только что созданная структура была расформирована, и восстановлены комитеты по делам физкультуры и спорта. По сути целый год был упущен на организационные моменты.

Положение стало меняться к лучшему после принятия постановления Совета Министров РСФСР от 9 января 1954 г. «О мерах по дальнейшему развитию физкультурной и спортивной работы в РСФСР», которое обязывало Министерство просвещения решительно улучшить постановку физического воспитания в школах. В связи с этим исполком областного совета депутатов трудящихся принял в своем решении от 30 января 1954 г. целую программу по исправлению ситуации с физкультурой и спортом. В нем предусматривалось, начиная с 1955 г., вести строительство новых школ только с наличием физкультурных залов, а также начать работы по пристройке спортивных залов к существующим школам. Руководители народного образования должны были систематически обсуждать отчеты директоров учебных заведений

о состоянии физвоспитания учащихся, оказывать физрукам методическую помощь. Было решено в централизованном порядке закупить спортивный инвентарь и направить его во все школы, построить в 1955 г. при всех средних и семилетних школах спортплощадки. Предприятия местной и кооперативной промышленности получили задания по производству спортивного инвентаря, одежды и обуви [14, л. 221, 250]. В Сталинграде приказом обкома физкультуры все спортивные общества были закреплены за средними и семилетними школами для оказания им шефской помощи [9, л. 15].

Поскольку средств на массовое строительство не было, по всей области развернулось сооружение школьных спортивных площадок силами самих учащихся. Ученики школ и их родители во главе с учителями с большим энтузиазмом брались за эту работу, ведь строили спортивные объекты они для себя. В некоторых случаях получались даже не простейшие спортплощадки, а настоящие стадионы. Так, согласно справке облоно в 1956 г. в Глазуновской средней школе был построен стадион «Школьник», где имелись футбольное поле, беговая дорожка, две волейбольные площадки, баскетбольная, городошная, сектора для метания, ямы для прыжков, гимнастический городок. Аналогичные стадионы появились еще в двух школах области [10, л. 2–3]. Впрочем, такая работа проводилась далеко не везде. В приказе комитета по делам физкультуры и спорта при Совете министров РСФСР от 13 декабря 1957 г. «Об итогах смотра строительства и оборудования спортивных площадок при школах» Сталинградская область была названа в числе четырех регионов, где «безответственно отнеслись к организации исключительно важной работы, какой явился смотр строительства спортивных площадок в школах» и «пустили важное дело на самотек» [15, л. 44]. В Сталинграде, напротив, только за 1957 г. было построено 17 спортплощадок. Конечно, на городских предприятиях и стройках было проще найти технику и материалы, но в Сталинграде еще и сильны были традиции послевоенного черкасовского движения, здесь жители привыкли добровольно трудиться на восстановлении родного города. Средняя школа № 35 получила за устройство спортплощадки первую премию Министерства просвещения РСФСР – 5 тыс. руб. для закупки спортивного инвентаря, средняя школа № 19 – 3 тыс. руб. [16, л. 14]. Строились своими силами не только летние спортплощадки, но и капитальные сооружения. В 1959 г. семилетняя школа № 6 и средняя № 10 Сталинграда сообща построили новое здание, где разместились мастерские и спортзал. Работы по возведению стен и кровли взяли на себя учащиеся местного ремесленного училища [17]. В 1960 г. силами учащихся был построен плавательный бассейн в средней школе № 89 Сталинграда [18, л. 5].

В 1954 г. Министерством просвещения РСФСР была принята новая учебная программа по физической культуре для школ, больше внимания уделявшая спортивной подготовке. Она включала в себя гимнастику, легкую атлетику, подвижные игры, лыжи и коньки. По каждому из этих видов спорта устанавливались обязательные нормативы, выпускники семилетней школы должны были выполнить нормы комплекса БГТО, а средней школы – ГТО 1 ступени. В связи с этим органы народного образования активизировали работу по повышению квалификации учителей. Наиболее успешно она проходила в Сталинграде. В институте усовершенствования учителей с школьными физруками 2 раза в месяц проводились занятия – читались лекции по вопросам теории и методики физвоспитания, обсуждались доклады преподавателей, проводилось коллективное посещение открытых уроков. Периодически вопросы о состоянии физвоспитания обсуждались на районных совещаниях директоров школ. В виде эксперимента в нескольких школах ведение уроков физвоспитания в начальных классах передали учителям физкультуры, что привело к повышению успеваемости [19, л. 67].

После 1954 г. работа по развитию спорта среди школьников значительно активизировалась. Спортивно-массовая работа приобрела более четкую структуру. Были введены в систему районные соревнования, участники которых отбирали на внутришкольных состязаниях. В городских и областных соревнованиях участвовали только сборные команды районов, состоявшие из победителей районных соревнований, или команды победителей районных соревнований. Вершиной школьного спорта являлись ежегодные областные спартакиады школьников (в 1958 г. Сталинград вернулся в областное подчинение), за участие в которых отвечали районы и райкомы физкультуры. Существенно увеличилось число детских спортивных школ (ДСШ). Если в 1954 г. работали две ДСШ гороно в Сталинграде, то в 1955–1957 гг. открылись еще две – в г. Волжском и г. Камышине. В 1958 г. в областном центре открылась пятая ДСШ, а в 1960 г. в области работало уже 12 детских спортивных школ: 6 в Сталинграде, 2 в Волжском, по одной в Камышине, Михайловке, Урюпинске и Жирновске. В них занимались 3722 юных спортсмена по 12 видам спорта [20, л. 2].

Итогом этой работы стало постепенное улучшение результатов, достигнутых на Всероссийских спартакиадах школьников. В 1955 г. команда Сталинграда поднялась на 8-е место, улучшив свое положение на 9 пунктов, а Сталинградской области на 52-е место (плюс 19 пунктов). В 1956 г. команда Сталинграда стала 7-й, а области – 61-й. Триумфом для сталинградских школьников стала IV Спартакиада 1957 г., проходившая в Сталинграде. В родных стенах команда

Сталинграда стала первой в плавании, гимнастике и баскетболе и в итоге вырвалась на общее 2-е место после школьников Ростова-на-Дону, ставших чемпионами в 4-й раз. Сборная же Сталинградской области, выступавшая в группе «Б», заняла 43-е место из 70 команд [13, с. 12]. Бесспорными лидерами среди видов спорта в это время стали пловцы. Прославленные в недалеком будущем чемпионы и рекордсмены страны и Европы Г. Камаева, Г. Самоварова, Н. Зубрилина, Р. Плейко, В. Смольяков, Д. Цивилев начинали свой спортивный путь в детских спортивных школах Сталинграда и Волжского.

Новый этап для развития школьной физкультуры и спорта наступил в конце 1950-х гг. Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования СССР», принятый 24 декабря 1958 г., положил начало реформе народного образования, основным содержанием которой стало приближение школы к потребностям народного хозяйства. В рамках перестройки системы образования советские школы перешли на новые учебные планы и рабочие программы. В основном изменения касались увеличения доли практики и предметов, связанных с производством, но в то же время увеличилось и внимание к физической культуре. В тезисах ЦК КПСС о реформе народного образования было указано на необходимость преодолеть недооценку физического воспитания детей. Сторонники реформы подчеркивали, что физическая культура в условиях трудового воспитания является важным средством повышения производительности труда и оздоровления [21].

В результате реформы образования в аттестат зрелости и свидетельство о восьмилетнем образовании вошла оценка по физической культуре. Это существенно улучшило отношение учащихся и руководства школ к этой дисциплине и повысило авторитет учителя. В 1959 г. был также принят новый комплекс ГТО, по которому за выполнение заданий ставилось различное количество очков в зависимости от результата. Полученные очки складывались и в сумме давали две оценки: «сдано» и «сдано отлично». Еще одно новшество измененного комплекса состояло в том, что очки ставились только за результаты, полученные на соревнованиях. Новая система стимулировала спортсменов на более активное участие в соревнованиях.

Второй важнейшей реформой стала кардинальная ломка существующей системы руководства физкультурой и спортом. По постановлению ЦК КПСС и Совета министров СССР от 21 марта 1959 г. «О руководстве физической культурой и спортом в стране» вместо государственных учреждений – комитетов по делам физкультуры и спорта – были созданы союзы спортивных обществ и организаций, по сути – общественные объединения. Формирование новой структуры

происходило в марте 1959 г. демократическим путем, снизу. Сначала на учредительных конференциях были образованы районные союзы спортивных обществ и организаций (далее – райспортсоюзы), затем делегаты райспортсоюзов областного центра учредили Сталинградский городской союз (далее – горспортсоюз), и наконец, на областной учредительной конференции был создан областной спортсоюз. Среди делегатов учредительных конференций было немало школьных преподавателей физической культуры, некоторые вошли и в состав советов спортсоюзов. С другой стороны, в руководство спортсоюзами практически не вошли представители отделов народного образования, что в дальнейшем привело к плохой координации их работы.

В марте 1961 г. на новой волне борьбы за сокращение управленческого аппарата Сталинградский горспортсоюз был упразднен, и городские райспортсоюзы стали непосредственно подчиняться областному спортсоюзу. Эта мера внесла определенный диссонанс в управление школьной физической культурой и спортом, поскольку в системе народного образования по-прежнему сохранилась городская структура (гороно). В этом же году прошла реформа по управлению сельской физкультурой и спортом. В сельских районах области были упразднены райспортсоюзы, а их функции полностью взяло на себя добровольное спортивное общество «Урожай». Облспортсоюз сконцентрировался только на городах области.

Данная реформа оказалась непродуманной и привела к ухудшению постановки школьной физкультуры и спорта на селе. Как отмечалось в справке облспортсоюза, представленной в обкомы ВЛКСМ и КПСС, райсоветы ДСО «Урожай» полностью устранились от работы со школами: «Преподаватели физвоспитания в школах многих районов забыли, чтобы их кто-либо собирал, проверял и требовал работу, прекращено проведение районных школьных соревнований. <...> ДСО «Урожай» не знает состояния физкультуры в школах и не имеет никакого контакта с облоно в проведении областных школьных мероприятий» [22, л. 1–2]. После этой критики ДСО «Урожай» резко активизировало свою работу. В 1964 г. им были организованы массовые соревнования учащихся сельских школ. В соревнованиях пионерских дружин по волейболу, баскетболу, лапте, легкой атлетике приняли участие 85 879 школьников, во всесоюзных заочных соревнованиях «Олимпийская снежинка» – 26 594 чел., «Олимпийская весна» – 14 933 чел., заочных соревнованиях «Умей плавать» – свыше 12 000 чел. За успехи в «Олимпийской снежинке» Гуляевская средняя школа Фроловского района и Филоновская средняя школа Новоаннинского района были награждены Почетными грамотами от ЦК ВЛКСМ и комплектом спортивного

инвентаря. Всего в сельских школах было подготовлено в 1964 г. 18239 значкистов БГТО и ГТО и 9727 спортсменов-разрядников [23, л. 2–3].

В городах области новая спортивная структура показала себя неплохо. Участие представителей общественности, среди которых было много энтузиастов, заметно оживило работу по развитию физкультуры и спорта. Так, по настойчивым просьбам физкультурных организаций в области было создано специализированное управление по торговле спортивными товарами «Спорткультторг». На II конференции облспортсоюза, состоявшейся в апреле 1961 г., с удовлетворением отмечалось, что за прошедшие 2 года в школах Министерства просвещения было образовано более 30 новых коллективов физкультуры с более чем 6 500 членами. В качестве показательного примера был назван коллектив физкультуры средней школы № 19 Сталинграда, возглавляемый школьницей И. Беляевой. Коллектив объединил 800 чел. (практически всех учеников), здесь за год стали разрядниками 103 чел., а значкистами БГТО и ГТО – 222 чел. [24, л. 37].

Большую помощь школьным учителям оказывали областная и городская методические комиссии спортсоюзов. Так, в феврале 1961 г. состоялась большая конференция по обмену опытом между тренерами ДСШ и преподавателями общеобразовательных школ. Были заслушаны доклады тренеров ДСШ Ю. Мишина, М. Мигачева, Е. Дементьева, учителей средних школ № 50 А. Капралова и № 19 В. Колесниченко [25]. Созданная в 1962 г. методическая комиссия г. Волгограда во главе с учителем физкультуры средней школы № 19 И. Ф. Саяпиным ежемесячно проводила общегородскую учебу учителей физкультуры [22, л. 36]. Пропагандировался передовой опыт, в средней школе № 15 был внедрен «бригадный метод» в преподавании физкультуры, отличавшийся «высокой плотностью и эмоциональностью уроков». В средней школе № 76 спортсмены-разрядники старших классов вели уроки в начальных классах [22, л. 37]. Новым веянием в начале 1960-х гг. стало расширение шефства над школьным спортом на общественных началах. По инициативе ректора Института физической культуры Б. П. Гончарова в 1963 г. более 80 студентов отправились в 15 школ Волгограда, где они бесплатно руководили спортивными секциями [26]. Завод «Баррикады» взял шефство над школой-интернатом № 5 [27].

В конце 1963 г. коллективы физкультуры имелись в 156 средних и восьмилетних школах, в их спортивных секциях занимались 44619 учащихся 5–11 классов, что составляло 60% от всего контингента. За этот год в городских школах области были подготовлены 5 мастеров спорта, 29 спортсменов I разряда и более 7 тыс. чел. других разрядов, около 10 тыс. значкистов БГТО и ГТО [22, л. 48]. В 1964 г. в области работало

13 ДСШ облоно и гороно (6 – в Волгограде, 4 – в Волжском, по одной в Камышине, Михайловке и Урюпинске). Вместе с 11 спортивными обществами в них занимались 6729 чел. [22, л. 36].

Область неизменно находилась в числе лидеров республиканского школьного спорта. Так, на VIII Всероссийской спартакиаде школьников 1963 г. команда Волгоградской области заняла 4-е место. Пловцы, гимнасты, ватерполисты, баскетболисты и команда по художественной гимнастике стали сильнейшими в республике [22, л. 36]. Показателем признания заслуг области стало проведение в 1963 г. в Волгограде финала VIII Всесоюзной спартакиады школьников. Тем не менее проблем в школьных физкультуре и спорте оставалось еще много.

Несмотря на усиленное строительство новых школ, ситуация со спортзалами улучшалась медленно. В справке облоно, составленной для обкома партии в начале 1964 г., отмечалось «крайне неудовлетворительное состояние спортивной базы школ – большинство школ построены по устаревшим стандартам без учета всестороннего физического развития. В 74 школах городов из 157 уроки физкультуры проводятся в актовом залах, коридорах. Даже во вновь построенных школах (№ 82, 84, 92) нет спортивных площадок» [22, л. 39].

Не удалось справиться и с дефицитом спортивной одежды, обуви, инвентаря. В 1964 г. облоно констатировал: «Из-за незначительности средств в школах нет лыж, мячей, легкоатлетического инвентаря. <...> Не организовано производство спортивного инвентаря и крайне неудовлетворительно поставлена торговля (школы не могут купить необходимых тренировочных костюмов, мячей, инвентаря)» [22, л. 39]. Дефицитные спортивные товары – мячи для футбола, баскетбола, волейбола, ватерполо, настольного тенниса, обручи для художественной гимнастики, тренировочные костюмы, бутсы, легкоатлетические туфли – продавались в магазинах Спорткультурторга только коллективам физкультуры и только по письменному разрешению облспортсоюза [28, л. 40]. Плановое распределение товаров зачастую приводило к курьезам: в 1960 г. потребкооперация завезла в Новониколаевский район для продажи в своих магазинах детские лыжи и лыжные палки... для взрослых [24, л. 74].

Положение с образовательным уровнем учителей постепенно выправлялось, но было все еще далеко от идеального. Не помогало даже наличие в областном центре собственного техникума физической культуры (с 1960 г. ставшего институтом физической культуры), поскольку большинство его выпускников получали республиканское и союзное распределение. В начале 1964 г. в 735 восьмилетних и средних школах области работали 616 преподавателей физического

воспитания, из них 64 имели высшее, а 389 среднее физкультурное образование. По-прежнему высокой была доля учителей, не имевших специального образования. Таких насчитывалось 163 чел., или больше четверти от общего количества. В основном это были учителя сельских восьмилетних школ [29, л. 161].

Наряду с передовыми коллективами оставалось еще много отстающих. В 1963 г. 137 школ, в том числе 101 сельская, не подготовили ни одного разрядника. В постановлении III конференции облспортсоюза (апрель 1964 г.) отмечалось: «По-прежнему слабо поставлено физическое воспитание среди учащейся молодежи. Во многих школах области уроки физкультуры проводятся на низком уровне, заменяются другими уроками, нарушается программа физвоспитания, коллективы физкультуры и секции малочисленны, редко проводятся внутришкольные соревнования. 72 тысячи учащихся 5–11 классов школ области не вовлечены во внеклассную спортивную работу» [29, л. 19].

Своеобразным подведением итогов «хрущевского десятилетия» стало постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета министров РСФСР от 27 февраля 1964 г., в котором снова констатировалось наличие серьезных недостатков в физическом воспитании учащихся в республике. Речь шла о том же самом: низком методическом и организационном уровне проведения уроков, невыполнении учебной программы, слабом кадровом составе и плохой материальной базе [30]. Постановление наметило новую широкую программу по устранению указанных недостатков, но эта работа в целом развернулась уже при новом политическом руководстве страны.

Подводя итоги, можно отметить, что период так называемой «оттепели» стал временем значительного прогресса в развитии школьной физкультуры и спорта в Сталинградской (Волгоградской) области. Вопросы физического воспитания молодежи постоянно находились под контролем центральных и местных властей. Заметно укрепилась материально-техническая база: построено много спортивных залов, спортивных площадок и школьных стадионов. Существенно улучшились качественный состав преподавателей и методическое обеспечение учебного процесса. Открытие детских спортивных школ во всех городах области сделало доступной высококвалифицированную дополнительную спортивную подготовку талантливых школьников. Команды сталинградских (волгоградских) учащихся стали одними из ведущих на республиканском уровне сразу по нескольким видам спорта. В то же время добиться полного решения всех традиционных для советской физкультуры проблем не удалось. Особенно острым оставалось положение со спортивным инвентарем, одеждой и обувью.

Список литературы

1. Куликова С. В., Акентьева Е. Н., Кузибецкий А. Н., Святкина М. А. Путь длиною в сто лет: историко-педагогическое наследие волгоградской системы образования / науч. ред. проф. С. В. Куликова. Волгоград : РИЦ ГАУ ДПО «ВГАПО», 2019. 448 с.
2. Авдиенко В. Б., Давыдов В. Ю. История спортивного плавания Сталинград – Волгоград. Волгоград : Издательство ВГАФК, 2011. 210 с.
3. Орешкина Т. Н., Сотников М. Г. Реализация государственной политики в области физической культуры и массового спорта в Сталинграде в 1945–1953 гг. // Грани познания. 2015. № 3 (37). С. 57–60.
4. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-3423 (Комитет по образованию Волгоградской области). Оп. 1. Д. 823.
5. ГАВО. Ф. Р-3224 (Отдел народного образования исполкома Палласовского райсовета народных депутатов). Оп. 2. Д. 14.
6. ГАВО. Ф. Р-5002 (Комитет по образованию администрации г. Волгограда). Оп. 1. Д. 359.
7. ГАВО. Ф. Р-6112 (Комитет по физической культуре и спорту администрации Волгоградской области). Оп. 1. Д. 31.
8. ГАВО. Ф. Р-3423. Оп. 1. Д. 1126.
9. ГАВО. Ф. Р-5966 (Комитет по физической культуре и спорту администрации г. Волгограда). Оп. 1. Д. 61.
10. ГАВО. Ф. Р-3423. Оп. 1. Д. 1285.
11. ГАВО. Ф. Р-5966. Оп. 1. Д. 74.
12. ГАВО. Ф. Р-6112. Оп. 1. Д. 39.
13. Всероссийские спартакиады школьников 1954, 1955, 1956 и 1957 г. / сост. Ю. И. Носков. М. : Учпедгиз, 1958. 232 с.
14. ГАВО. Ф. Р-6112. Оп. 1. Д. 34.
15. ГАВО. Ф. Р-6112. Оп. 3. Д. 6.
16. ГАВО. Ф. Р-5002. Оп. 7. Д. 79.
17. Школьная стройка // Молодой ленинец. 1959. 3 янв.
18. ГАВО. Ф. Р-6682 (Отдел народного образования Центрального райсовета народных депутатов г. Волгограда). Оп. 1. Д. 110.
19. ГАВО. Ф. Р-5002. Оп. 1. Д. 411.
20. ГАВО. Ф. Р-3423. Оп. 1. Д. 1596.
21. Захаров И. Физическая культура и труд учащихся // Сталинградская правда 1958. 10 дек.
22. ГАВО. Ф. Р-6112. Оп. 3. Д. 41.
23. ГАВО. Ф. Р-6517 (ДСО «Урожай»). Оп. 2. Д. 231.
24. ГАВО. Ф. Р-6112. Оп. 3. Д. 16.
25. В областном совете спортсоюза // Сталинградская правда. 1961. 4 февр.
26. Гончаров Б. Кузница физкультурных кадров // Волгоградская правда. 1963. 10 авг.
27. Бунеев П. Мастера спорта пришли к ребятам // Волгоградская правда. 1963. 6 апр.
28. ГАВО. Ф. Р-6112. Оп. 3. Д. 43.
29. ГАВО. Ф. Р-6112. Оп. 3. Д. 54.
30. Постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совмина РСФСР от 27 февраля 1964 г. № 269 «О состоянии и мерах улучшения физического воспитания учащихся в общеобразовательных школах РСФСР». URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2588665?ysclid=lirdhyf5qg576559995> (дата обращения: 12.05.2023).

Поступила в редакцию 14.06.2023; одобрена после рецензирования 20.06.2023; принята к публикации 30.06.2023
The article was submitted 14.06.2023; approved after reviewing 20.06.2023; accepted for publication 30.06.2023

ISSN 1819-4907 (Print). ISSN 2542-1913 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: История. Международные отношения. 2023.
Том 23, выпуск 4

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития

Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика

Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология

Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

